

Людвиг фон Мизес

ЛИБЕРАЛИЗМ

Международное издание

Социум
2011

Перевод с английского и комментарии
А. В. Куряева

Единственное систематическое изложение принципов либерального устройства общества и государства, основ либеральной экономической и внешней политики. Демонстрирует тесную связь между международным миром, частной собственностью, гражданскими правами, свободным рынком и экономическим процветанием. Автору удалось развеять множество сомнений и недоразумений, возникавших при обсуждении социальных и политических проблем, а также касающихся либеральной доктрины.

ПРЕДИСЛОВИЕ

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ИЗДАНИЮ

В 1922–1929 гг. австрийский экономист Людвиг фон Мизес (1881–1973) опубликовал своеобразную трилогию, в которой проанализировал все представимые системы экономического устройства общества: фундаментальный научный трактат «Общественное хозяйство. Исследование социализма» (1922), популярный очерк «Либерализм» (1927) и сборник статей, написанных в 1922–1926 гг., «Критика интервенционизма» (1929).

В них Мизес разработал единственно возможный, по его мнению, научный подход к обсуждению политических проблем, предложив исследовать эффективность выбранных средств для достижения заявленных целей. Любые альтернативные подходы, например с точки зрения религии, этики, антропологии, действующего или естественного права, остаются выражением субъективных ценностных суждений.

В отношении социализма и интервенционизма (системы государственного регулирования рыночной экономики) вопрос должен звучать следующим образом. Способен ли социализм повысить материальное благосостояние граждан страны? Можно ли повысить эффективность рыночной экономики с помощью различных мер государственного вмешательства: регулирования цен, огосударствления кредита, манипулирования денежным обращением и процентной ставкой, ограничением или, напротив, стимулированием производства, перераспределением богатства и доходов с помощью налогообложения или прямой конфискации и т.п.?

Выяснилось, что при социализме будет невозможен экономический расчет, а следовательно, и рациональное ведение хозяйства. В свою очередь, при попытках государства «улучшить» работу рынка конечный результат вмешательства с точки зрения намерений государства оказывается еще более нежелательным, чем предшествовавшее положение дел, а попытки исправления непредвиденных последствий постепенно ведут к полному огосударствлению экономики. Таким образом, при достигнутом уровне разделения труда устройство общества должно быть основано на принципах либерализма — политической программы, разработанной философами, социологами и экономистами XVIII — начала XX вв., которая «изменила облик мира», несмотря на то что «в полной мере не была реализована нигде».

Мизес особо подчеркивает, что либерализм — «не законченная доктрина или застывшая догма», а приложение неизменных фундаментальных принципов, выработанных экономической теорией и другими общественными науками, к текущим проблемам человеческой деятельности в обществе.

Очерк «Либерализм» увидел свет в период, когда, по выражению автора, «мир больше не желал слышать о либерализме», от самого либерализма «не осталось ничего, кроме названия», а находившиеся у власти во всех европейских странах антилиберальные партии вели мир к очередной катастрофе. Это не могло не наложить специфического отпечатка на содержание очерка. В связи с этим поразительно, насколько актуальной остается эта книга сегодня, спустя 85 лет после ее написания!

Настоящее издание выходит одновременно на русском, английском, немецком и испанском языках, и, скорее всего, этим дело не ограничится, ведь «Либерализм» уже сейчас переведен на десять языков.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Общественный порядок, созданный философией Просвещения, передал верховную власть простому человеку. В качестве потребителя «простой человек» был призван определять в конечном счете, что производить, в каком количестве и какого качества, кем, как и где; в качестве избирателя он был носителем верховной власти в деле направления политики страны. В докапиталистическом обществе на вершине оказывались те, кто был способен силой подчинить себе более слабых сограждан. Столь поносимый «механизм» свободного рынка оставляет открытым только один путь к приобретению богатства — преуспеть в обслуживании потребителей наилучшим и самым дешевым образом. В области ведения государственных дел этой «демократии» рынка соответствует система представительного правления. Величие периода между наполеоновскими войнами и Первой мировой войной состояло как раз в том, что общественным идеалом, к осуществлению которого стремились самые выдающиеся люди, была свободная торговля в мирном

сообществе свободных народов. Это была эпоха беспрецедентного повышения уровня жизни быстро растущего населения, эпоха либерализма.

Сегодня принципы философии либерализма XIX в. почти забыты. В континентальной Европе их помнят немногие. В Англии термин «либеральный» используется преимущественно для обозначения программы, которая только в деталях отличается от тоталитаризма социалистов*. В Соединенных Штатах «либеральный» означает сегодня комплекс идей и политических постулатов, во всех отношениях противоположных тому, что под либерализмом подразумевали предыдущие поколения. Самозванный американский либерал стремится к всемогуществу правительства, является твердым противником свободного предпринимательства и отстаивает всестороннее планирование, осуществляемое властями, т.е. социализм. Эти «либералы» особо подчеркивают, что не одобряют политику русской диктатуры не по причине ее социалистического или коммунистического характера, а из-за ее империалистических тенденций. Любая мера, направленная на конфискацию имущества у тех, кто располагает большим, чем средний

---

* Хотя следует упомянуть, что некоторые выдающиеся англичане продолжают поддерживать дело истинного либерализма.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

человек, или на ограничение прав владельцев собственности, рассматривается как либеральная и прогрессивная. Практически неограниченная свобода применения власти предоставлена правительственным органам, решения которых не подлежат судебному пересмотру. Немногих честных граждан, осмеливающихся критиковать эту тенденцию к административному деспотизму, клеймят как экстремистов, реакционеров, экономических роялистов и фашистов. Считается, что свободная страна не должна допускать политическую активность со стороны подобных «врагов общества».

Весьма странно, что данные идеи в США считаются специфически американскими — продолжением принципов и философии отцов-пилигримов, людей, подписавших Декларацию независимости, а также авторов Конституции и статей «Федералист». Мало кто знает, что эта якобы прогрессивная политика возникла в Европе, а ее самым блестящим выразителем в XIX в. являлся Бисмарк, политику которого ни один американец не оценил бы как прогрессивную и либеральную. *Sozialpolitik* Бисмарка была провозглашена в 1881 г., более чем на 50 лет ранее, чем ее копия — Новый курс Ф. Д. Рузвельта. Равняясь на германский рейх, в то время самую преуспевающую державу, все европейские промышленно развитые страны в той или иной степени восприняли систему, претендовавшую на то, чтобы приносить пользу широ-

ким массам за счет меньшинства «грубых индивидуалистов». Поколение, достигшее избирательного возраста после окончания Первой мировой войны, принимало этатизм как само собой разумеющееся и с презрением относилось к «буржуазному предрассудку» — свободе.

Когда 35 лет назад я попытался кратко изложить идеи и принципы той общественной философии, которая когда-то была известна под именем либерализма, я не тешил себя надеждой, что мой рассказ предотвратит надвигающуюся катастрофу, к которой со всей очевидностью вела политика, принятая на вооружение европейскими странами. Все, чего я хотел достичь, это дать небольшому меньшинству думающих людей возможность узнать о целях классического либерализма и его достижениях и тем самым подготовить почву для возрождения духа свободы после приближавшейся катастрофы.

28 октября 1951 г. профессор Й. П. Хамилиус из Люксембурга заказал экземпляр «Либерализма» в издательской фирме Густава Фишера в Йене (советская зона Германии). 14 ноября 1951 г. издательская фирма ответила, что ни одного экземпляра книги в наличии нет, и добавила: «По приказу властей все экземпляры книги пришлось уничтожить». В письме не говорилось, были ли это «власти» нацистской Германии или «демократической» республики Восточной Германии.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

За годы, прошедшие со времени публикации «Либерализма», я написал значительно больше по данным проблемам, обсудил многие вопросы, которые не мог рассмотреть в книге, размер которой пришлось ограничить, чтобы не отпугнуть широкого читателя. В ней я касался вопросов, которые не имеют такого значения в настоящее время. Более того, в этой книге многие проблемы политики трактуются так, что их можно понять и правильно оценить, только если учитывать политическую и экономическую ситуацию времени, когда она была написана.

Я ничего не изменил в первоначальном тексте книги и не оказывал никакого влияния на перевод д-ра Ральфа Райко и редактирование, проведенное мистером Артуром Годдардом. Я очень благодарен этим двум ученым за усилия, сделавшие эту книгу доступной англоязычной публике.

Людвиг фон Мизес

Нью-Йорк, АПРЕЛЬ 1962 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. ЛИБЕРАЛИЗМ

Философы, социологи и экономисты XVIII — начала XIX вв. сформулировали политическую программу, служившую руководством для социально-экономической политики сначала в Англии и Соединенных Штатах, затем на европейском континенте и наконец в остальных частях населенного мира. В полной мере эта программа не была реализована нигде. Даже в Англии, которую называли родиной либерализма и образцом либеральной страны, сторонникам либеральной политики никогда не удавалось воплотить все свои требования. В остальном мире на вооружение брались только отдельные части либеральной программы, в то время как другие, не менее важные, либо отвергались с самого начала, либо от них отказывались через короткий промежуток времени. Лишь с некоторой натяжкой можно сказать, что мир когда-либо пережил либеральную эпоху. Либерализму так и не позволили воплотиться полностью.

Тем не менее, каким бы кратковременным и ограниченным ни было господство либеральных идей, это-

ВВЕДЕНИЕ

го оказалось достаточно, чтобы изменить облик мира. Произошел взрыв экономического развития. Освобождение производительной силы человека многократно приумножило средства существования. Накануне мировой войны¹ (которая сама явилась результатом длительной и ожесточенной борьбы против либерального духа и которая протекала в период еще более ожесточенных нападков на либеральные принципы) мир был населен несравненно более плотно, чем когда бы то ни было, и каждый житель Земли мог жить несравнимо лучше, чем это было возможно в прежние века. Процветание, созданное либерализмом, значительно снизило детскую смертность, безжалостный бич более ранних эпох, и в результате улучшения условий жизни увеличило ее среднюю продолжительность.

Процветание коснулось не только избранного класса привилегированных особ. Накануне мировой войны рабочий в промышленно развитых странах Европы, в Соединенных Штатах и в заморских доминионах Англии жил лучше, чем не так давно жил аристократ. Он не только мог есть и пить в соответствии со своими желаниями; он мог дать своим детям более хорошее образование; он мог, если хотел, принимать участие в интеллектуальной и культурной жизни страны; и если обладал достаточным талантом и энергией, то мог без труда поднять свой социальный статус. Именно в странах, которые

пошли дальше всего в реализации либеральной программы, вершина социальной пирамиды состояла в основном не из тех, кто с самого рождения находился в привилегированном положении благодаря богатству или высокому титулу своих родителей, а из тех, кто в благоприятных условиях благодаря собственным силам выбился наверх из стесненных обстоятельств. Барьеры, разделявшие в прежние века господ и крепостных, пали. Теперь существовали только граждане, обладающие равными правами. Не было ограничений и преследований из-за национальности, взглядов или веры. Прекратились внутренние национальные и религиозные гонения, войны между странами стали реже. Оптимисты уже приветствовали зарю новой эры вечного мира.

Но события повернулись иначе. В XIX в. внезапно появились сильные и яростные враги либерализма, которым удалось уничтожить большую часть того, что было сделано либералами. Сегодня мир больше не желает слышать о либерализме. За пределами Англии термин «либерализм» открыто объявлен вне закона. В Англии, разумеется, еще существуют «либералы», но большая их часть является таковыми только по названию. Фактически они являются умеренными социалистами. Сегодня политическая власть повсеместно находится в руках антилиберальных партий. Программа антилиберализма высвободила силы, раздувшие пожар мировой войны,

ВВЕДЕНИЕ

и благодаря импортным и экспортным квотам, пошлинам, миграционным барьерам и тому подобным мерам довела страны мира до взаимной изоляции. Внутри каждой страны антилиберализм привел к социалистическим экспериментам, результатом которых стало снижение производительности труда и соответствующее увеличение нужды и страданий. Любой, кто сознательно не игнорирует факты, должен признать, что признаки приближающейся катастрофы мировой экономики присутствуют повсюду. Антилиберализм ведет к краху цивилизации.

Если кто-то желает узнать, что такое либерализм и какие цели он преследует, то он должен не просто обратиться к истории за информацией о том, за что выступали либеральные политики и чего они добились. Ибо либерализму нигде не удалось полностью выполнить свою программу так, как она была задумана.

Программы и деятельность тех партий, которые сегодня называют себя либеральными, также никак не могут прояснить природу подлинного либерализма. Мы уже упоминали, что даже в Англии то, что сегодня понимается под либерализмом, гораздо больше похоже на политику тори и социализм, чем на старую программу сторонников свободной торговли. Если существуют либералы, которые, подписываясь под национализацией железных дорог, шахт и других предприятий и даже

поддерживая протекционистские тарифы, считают это совместимым со своим либерализмом, становится очевидным, что сегодня от либерализма не осталось ничего, кроме названия.

Чтобы почерпнуть идеи либерализма, сегодня также уже недостаточно изучать работы его великих основателей. Либерализм — это не законченная доктрина или застывшая догма. Наоборот, он является приложением учений науки к общественной жизни человека. И, так же как экономическая наука, социология и философия не стояли на месте со времен Давида Юма, Адама Смита, Давида Рикардо, Иеремии Бентама и Вильгельма Гумбольдта, доктрина либерализма сегодня отличается от того, чем она была в их эпоху, хотя ее фундаментальные принципы остались неизменными. На протяжении многих лет никто не попытался в сжатой форме представить суть этой доктрины. Это может служить оправданием нашей попытки проделать такую работу.

2. МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Либерализм представляет собой доктрину, целиком и полностью направленную на поведение людей в этом мире. В конечном счете он не подразумевает ничего, кроме повышения материального благополучия людей, и напрямую не касается их внутренних, духов-

ВВЕДЕНИЕ

ных и метафизических потребностей. Он обещает людям не счастье и умиротворение, а лишь максимально полное удовлетворение всех тех желаний, которые могут быть удовлетворены с помощью вещей внешнего мира.

Либерализм часто упрекают за его чисто внешнее и материалистическое отношение ко всему земному и преходящему. Мол, не хлебом единым жив человек. Существуют более высокие и более важные потребности, чем пища и питье, кров и одежда. Даже величайшие земные богатства не могут дать человеку счастья; они оставляют неудовлетворенным и алчущим его внутренний мир, его душу. Самая серьезная ошибка либерализма состоит в том, что ему нечего предложить более глубоким и благородным устремлениям человека.

Однако такого рода критики всего лишь демонстрируют, что придерживаются весьма несовершенного и материалистического понимания этих высших и благородных потребностей. Социально-экономическая политика с помощью средств, которыми она располагает, может сделать людей богаче или беднее, но ей никогда не удастся сделать их счастливыми или удовлетворить их самые сокровенные желания. Здесь бессильны любые внешние средства. Все, что может сделать социально-экономическая политика, это устранить внешние причины боли и страданий; она может способствовать установлению системы, которая накормит голодных, оденет

раздетых и даст кров бездомным. Счастье и удовлетворение зависит не от еды, одежды и крыши над головой, а прежде всего от того, что человек лелеет внутри себя. Либерализм занимается исключительно материальным благополучием человека не от презрения к духовным благам, а вследствие убежденности в том, что до самого высокого и самого глубокого в человеке невозможно добраться никаким внешним регулированием. Он стремится обеспечить только внешнее благополучие, потому что знает, что внутреннее, духовное богатство не может прийти к человеку извне, а только из глубины его собственного сердца. Он не стремится создать ничего, кроме внешних предпосылок развития внутренней жизни. И не может быть никаких сомнений в том, что относительно зажиточному человеку XX в. легче удовлетворить свои духовные потребности, чем, скажем, человеку X в., который без прорыва добывал себе средства пропитания, едва достаточные для простого выживания, или был озабочен защитой от угрожавших ему врагов.

Конечно, нам нечего возразить, когда материалистичную направленность либерализма отвергают последователи многочисленных азиатских и средневековых христианских сект, воспринявших доктрину полного аскетизма и в качестве идеала человеческой жизни выбравших бедность и свободу от потребностей,

ВВЕДЕНИЕ

свойственную птицам в лесу и рыбам в море. Мы можем лишь попросить их позволить нам без помех идти своим путем, так же как мы не препятствуем им следовать на небеса своей дорогой. Пусть себе мирно скрываются от людей и мира в своих кельях.

Подавляющему большинству наших современников аскетический идеал непонятен. Но как только отвергаются принципы аскетического образа жизни, становится невозможно упрекать либерализм за стремление к внешнему благополучию.

3. РАЦИОНАЛИЗМ

Помимо всего прочего, либерализм обычно упрекают за рационалистичность. Он желает все рационально регламентировать и не может понять, что в действительности в делах человеческих большое место отведено чувствам и вообще иррациональному, т.е. тому, что не является рассудочным.

Однако либерализм ни в коем случае не упускает из виду того факта, что люди иногда действуют неразумно. Если бы люди всегда поступали разумно, было бы излишним призывать их руководствоваться разумом. Либерализм утверждает не то, что люди всегда действуют разумно, а скорее то, что в их собственных правильно понимаемых интересах им следует вести себя разумно.

А суть либерализма заключается в том, чтобы признать права разума в сфере социально-экономической политики, точно так же как они без лишних рассуждений признаются во всех остальных сферах человеческой деятельности.

Если в ответ на рекомендацию врача вести разумный — т.е. здоровый — образ жизни некто возразил бы: «Я знаю, что ваш совет разумен, однако мои чувства не позволяют мне ему следовать. Я хочу делать то, что наносит вред моему здоровью, даже несмотря на то что это, возможно, неразумно», — вряд ли кто-либо посчитал бы такое поведение достойным одобрения. Что бы мы ни предпринимали в своей жизни для достижения поставленной перед собой цели, мы стараемся делать это разумно. Человек, который хочет перейти железнодорожные пути, не выбирает для этого момент, когда мимо проходит поезд. Человек, который хочет пришить пуговицу, будет стараться не уколоться иголкой. В каждой сфере своей практической деятельности человек разработал приемы или технологии того, как следует поступать, если не желаешь вести себя неразумно. Все признают, что человеку желательно овладеть приемами, которыми он может пользоваться в жизни, а тот, кто вторгается в область, методиками которой он не владеет, высмеивается как «сапожник».

ВВЕДЕНИЕ

Считается, что только в сфере социально-экономической политики все должно быть иначе. Здесь решающее значение должны иметь чувства и импульсы, а не разум. Вопрос о том, как организовать дела, чтобы обеспечить хорошее освещение в темное время суток, обычно обсуждается только на основе разумных аргументов. Однако, как только обсуждение достигает момента, когда требуется решить, должно ли предприятие, занимающееся освещением, управляться частными лицами или муниципалитетом, разум более не считается эффективным. Здесь результат должен определяться чувствами, мировоззрением, короче, неразумностью. Мы тщетно вопрошаем: почему?

Организация человеческого общества в соответствии с моделью, наиболее пригодной для достижения поставленных целей, является вполне прозаичным и обыденным вопросом, не отличающимся, скажем, от сооружения железной дороги или производства одежды или мебели. Надо признать, что государственные дела важнее, чем все остальные практические вопросы человеческого поведения, так как общественный порядок является фундаментом всего остального, и для каждого человека успех в достижении своих целей возможен только в обществе, благоприятствующем их достижению. Но как бы высоки ни были сферы политических и социальных вопросов, они все равно относятся к про-

блемам, подлежащим человеческому управлению, и, следовательно, должны судиться по канонам человеческого разума. В таких вещах не меньше, чем во всех наших земных делах, мистицизм приносит только вред. Сила нашего разума весьма ограничена. Мы не можем надеяться когда-либо раскрыть все тайны Вселенной. Но тот факт, что мы никогда не сможем понять смысла и цели нашего существования, не мешает нам предпринимать предосторожности, чтобы избежать инфекционных болезней, или использовать соответствующие средства, чтобы прокормить и одеть себя; не должно это нас останавливать и в деле организации общества таким образом, чтобы те земные цели, к которым мы стремимся, достигались наиболее результативно. Даже государство и правовая система, правительство и его аппарат не являются слишком высокими, важными и грандиозными материями, чтобы их нельзя было включить в область рационального осмысления. Проблемы социально-экономической политики суть проблемы социально-экономической технологии, и их решение следует искать теми же самыми путями и теми же самыми средствами, которые находятся в нашем распоряжении при решении других технических проблем: посредством рационального размышления и изучения заданных условий. Всему, чем является человек и благодаря чему он возвышается над животными, он обязан своему разуму. Почему именно в сфере

ВВЕДЕНИЕ

социально-экономической политики он должен отказываться от использования разума и доверяться неопределенным и смутным чувствам и импульсам?

4. ЦЕЛЬ ЛИБЕРАЛИЗМА

Существует широко распространенное мнение, будто либерализм отличается от других политических движений тем, что ставит интересы части общества — имущих классов, капиталистов и предпринимателей — выше интересов других классов. Это утверждение совершенно ошибочно. Либерализм всегда имел в виду благо всех, а не какой-либо особой группы. Именно это хотели выразить английские утилитаристы — хотя, надо признать, не слишком умело — в своей знаменитой формуле «наибольшее счастье наивозможно большего числа членов общества»². Исторически либерализм был первым политическим движением, которое имело целью способствовать благосостоянию всех людей, а не отдельных групп населения. Либерализм отличается от социализма, который также провозглашает стремление к благу для всех, не по цели, к которой он стремится, а по средствам, которые он выбирает для достижения этой цели.

Если кто-то утверждает, что следствием либеральной политики является или должно быть благо-

приятствование особым интересам определенных слоев общества, все равно остаются вопросы, открытые для обсуждения. Одна из задач настоящей работы — как раз показать, что такой упрек никак не обоснован. Однако нельзя изначально обвинять в нечестности человека, который его выдвигает. Хотя мы считаем это мнение неправильным, вполне может быть, что человек абсолютно убежден в его справедливости. В любом случае тот, кто нападает на либерализм подобным образом, считает, что его намерения бескорыстны и он желает именно того, что говорит.

Совсем иное дело — те критики либерализма, которые упрекают его в желании содействовать не общему благополучию, а только особым интересам определенных классов. Такие критики и недобросовестны, и невежественны. Выбрав такой способ нападения, они демонстрируют, что внутренне отдают себе отчет в слабости своих аргументов. Они используют отравленное оружие, поскольку в противном случае не могут надеяться на успех.

Если врач демонстрирует пациенту, просящему вредную для его здоровья еду, пагубность его желания, никто не скажет: «Врач не заботится о благе пациента; тот, кто желает пациенту добра, не должен лишать его удовольствия наслаждаться изысканной пищей». Все поймут, что врач советует пациенту отказаться от

ВВЕДЕНИЕ

удовольствия, которое приносит наслаждение вредной пищей, только для того, чтобы избежать ущерба для его здоровья. Но как только дело касается социально-экономической политики, отношение резко меняется. Когда либерал выступает против определенных популярных мер, потому что в результате их осуществления он ожидает вредные последствия, то его осуждают как врага народа, а прославляются демагоги, которые, не рассматривая отрицательных последствий, рекомендуют то, что им кажется целесообразным в данный момент.

Разумные действия отличаются от неразумных действий тем, что предусматривают временные жертвы. Последние являются только кажущимися жертвами, так как с избытком компенсируются благоприятными результатами, которые будут получены позже. Человек, избегающий вкусной, но нездоровой пищи, приносит лишь временную, кажущуюся жертву. Результат — непричинение вреда его здоровью — показывает, что он ничего не потерял, а только выиграл. Однако, чтобы действовать таким образом, необходимо предвидеть последствия своих действий. Демагог пользуется этим. Он не соглашается с либералом, который призывает к временным и всего лишь кажущимся жертвам, и называет его бессердечным врагом народа, между делом утверждая себя в качестве друга человечества. Защищая подерживаемые им мероприятия, он хорошо знает, как за-

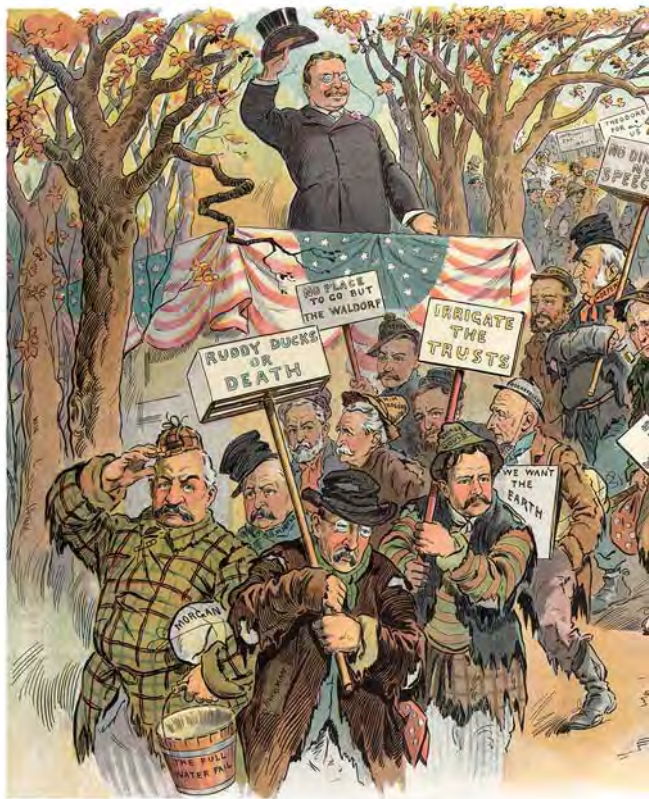
тронуть сердца своих слушателей и растрогать их до слез намеками на нужду и страдания.

Антилиберальная политика — это политика проедания капитала. Она предлагает более обеспеченное настоящее за счет будущего. Это в точности случай того самого пациента, о котором мы говорили. И там, и там относительно тяжелые последствия в будущем противостоят относительно большому мгновенному удовольствию. Говорить здесь якобы о том, что бессердечие противостоит филантропии, просто нечестно и неверно. Не только обычное поведение политиков и прессы антилиберальных партий заслуживает подобных упреков. Почти все авторы школы *Sozialpolitik*³ пользовались этим скрытым методом борьбы.

Существование нужды и страданий в нашем мире не является, как склонен думать недалекий среднестатистический читатель газет, аргументом против либерализма. Именно нужду и страдания либерализм и стремится уничтожить, считая предлагаемые им средства единственно подходящими. Пусть тот, кто думает, что знает лучшие или просто иные средства достижения этой цели, докажет это. Утверждение, что либералы стремятся не к благу всех членов общества, а только к благу особых групп, ни в коей мере не заменяет этого доказательства.

Факт существования нужды и страданий не являлся бы аргументом против либерализма, даже если

ДЕМАГОГ... ХОРОШО ЗНАЕТ, КАК ЗАТРОНУТЬ СЕРДЦА СВОИХ СЛУШАТЕЛЕЙ И РАСТРОГАТЬ ИХ ДО СЛЕЗ НАМЕКАМИ НА НУЖДУ И СТРАДАНИЯ.

бы мир сегодня следовал либеральной политике. Всегда оставался бы открытым вопрос о том, не было бы еще большей нужды и страданий, если бы преобладала иная политика. С учетом того, как в настоящее время стреножено функционирование института частной собственности, и препятствий, возведенных на ее пути антилиберальной политикой, очевиден весь абсурд вывода каких-либо аргументов против правильности либеральных принципов из того факта, что экономические условия сейчас не являются такими, как хотелось бы. Чтобы оценить, чего добились либерализм и капитализм, следует сравнить существующие условия жизни с положением в Средние века или в первые столетия новой эры. То, чего могли бы достичь либерализм и капитализм, если бы им позволили свободно развиваться, можно вывести только путем теоретических рассуждений.

5. ЛИБЕРАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ

Общество, в котором реализуются либеральные принципы, обычно называется капиталистическим обществом, а состояние такого общества — капитализмом. Поскольку экономическая политика либерализма на практике везде реализовалась в том или ином приближении, условия, существующие в мире сегодня, дают лишь несовершенное представление о значении

ВВЕДЕНИЕ

и возможных достижениях капитализма в полном расцвете сил. Тем не менее вполне оправданно называть нашу эпоху эпохой капитализма, так как причину всего того, что создало богатство нашего времени, можно найти в капиталистических институтах. Именно благодаря тем либеральным идеям, которые еще живы в нашем обществе, тому, что выжило в нем от капиталистической системы, широкие массы наших современников могут наслаждаться уровнем жизни гораздо более высоким, чем тот, который всего несколько поколений назад был достижим только для очень богатых и особо привилегированных особ.

Разумеется, в обычной риторике демагогов эти факты представляются совершенно иначе. Послушав их, можно подумать, что весь технологический прогресс обращен исключительно на пользу привилегированного меньшинства, в то время как массы все глубже погружаются в нищету. Однако стоит только на мгновение задуматься, как становится очевидным, что плоды всех технологических и промышленных нововведений направлены прежде всего на удовлетворение потребностей широких масс. Все крупные отрасли, производящие потребительские товары, работают на них непосредственно; все отрасли, производящие механизмы и полуфабрикаты, работают на них косвенно. Колоссальный промышленный прогресс последних десятилетий, как

и его аналог XVIII в., обозначенный не совсем удачно выбранным выражением «промышленная революция», привел прежде всего к удовлетворению потребностей широких масс. Развитие текстильной промышленности, механизация производства обуви, а также усовершенствования в обработке и распространении пищевых продуктов по самой своей природе были ориентированы на благо широких слоев населения. Именно благодаря этим отраслям широкие народные массы сегодня одеваются и питаются лучше, чем когда бы то ни было. Однако массовое производство обеспечивает не только пищу, кров и одежду, но и другие потребности большинства населения. Массам служат пресса, кинематограф, и даже театры и другие цитадели искусства с каждым днем все больше и больше становятся местами развлечения широких масс.

Тем не менее в результате рьяной пропаганды антилиберальных партий, переворачивающих все с ног на голову, люди сегодня начинают ассоциировать идеи либерализма и капитализма с образом мира, который погружается во все углубляющиеся нищету и страдания. Конечно, несмотря на размах уничижительной пропаганды, ей не удалось, как надеялись демагоги, придать словам «либерал» и «либерализм» однозначно бранный оттенок. В конечном счете невозможно отбросить тот факт, что, несмотря на все усилия антилиберальной

ВВЕДЕНИЕ

пропаганды, есть в этих выражениях нечто, что чувствует каждый нормальный человек, когда слышит слово «свобода». Поэтому антилиберальная пропаганда избегает слишком частого упоминания слова «либерализм» и предпочитает, чтобы дурная слава, которую она приписывает либеральной системе, ассоциировалась с термином «капитализм». Это слово заставляет вспомнить бессердечного капиталиста, который не думает ни о чем другом, кроме собственного обогащения, даже если это возможно только путем эксплуатации других людей.

Вряд ли тому, кто формирует понятие капиталиста, приходит на ум, что общественный порядок, организованный на подлинно либеральных принципах, оставляет предпринимателям и капиталистам лишь один путь к богатству, а именно посредством лучшего обеспечения окружающих тем, что последние сами считают необходимым. Вместо того чтобы говорить о капитализме в связи с поразительным повышением уровня жизни масс, антилиберальная пропаганда упоминает капитализм, обращаясь лишь к тем явлениям, возникновение которых стало возможным только из-за ограничений, наложенных на либерализм. Никто не ссылается на тот факт, что капитализм сделал доступным широким массам такой восхитительный предмет роскоши и пищи, как сахар. Капитализм упоминается в связи с сахаром, только когда картель поднимает цену сахара внутри страны

выше мировой рыночной цены. Как будто такое развитие событий можно хотя бы мысленно представить при общественном порядке, в котором действовали бы либеральные принципы! В стране с либеральным порядком, где нет никаких пошлин, картели, способные поднять цену товара выше мировой рыночной цены, были бы совершенно немыслимы. Цепочка рассуждений, посредством которых антилиберальным демагогам удается возложить на либерализм и капитализм вину за все эксцессы и пагубные последствия антилиберальной политики, состоит из следующих звеньев: она начинается с предположения о том, что либеральные принципы направлены на содействие интересам капиталистов и предпринимателей в ущерб интересам остального населения и что либерализм представляет собой политику, которая поддерживает богатых за счет бедных. Затем делается наблюдение, что одни предприниматели и капиталисты при определенных обстоятельствах выступают в поддержку покровительственных тарифов, в то время как другие — производители оружия — поддерживают политику «национальной боеготовности»; отсюда немедленно делается вывод, что это и есть «капиталистическая» политика.

На деле, однако, все обстоит как раз наоборот. Либерализм является политикой, проводимой в интересах не какой-либо определенной группы, а всего человечества.

ВВЕДЕНИЕ

Поэтому неправильно утверждать, что предприниматели и капиталисты как-то особо заинтересованы в поддержке либерализма. Отстаивая либеральную программу, они преследуют те же самые интересы, что любой другой человек. Возможно, в каких-то случаях предприниматели и капиталисты прикрывают программой либерализма свои особые интересы, но им всегда противостоят особые интересы других предпринимателей или капиталистов. Эта проблема не так проста, как ее представляют те, кто во всем видит «интересы» и «заинтересованные партии». Например, когда страна вводит пошлины на чугун, нельзя «просто» это объяснить тем фактом, что так выгодно чугунным магнатам. В стране есть люди с противоположными интересами даже среди предпринимателей; и в любом случае выгоду от введения пошлин на чугун получает постепенно сокращающееся меньшинство. Не может служить объяснением и коррупция, ибо подкупленным также может быть только меньшинство. Кроме того, почему только одна группа — протекционисты — прибегает к подкупу, а не их оппоненты — фритредеры?⁴

В действительности идеология, делающая возможным появление протекционистских тарифов, создается не «заинтересованными партиями», не людьми, ими подкупленными, а идеологами, которые дают миру идеи, направляющие ход человеческих событий. В нашу эпоху, когда преобладают антилиберальные идеи, соответству-

ющим образом думает практически каждый, точно так же как 100 лет назад большая часть людей мыслила на языке доминировавшей в то время либеральной идеологии. Если многие предприниматели сегодня защищают протекционистские тарифы, то это не более чем форма, в которую облечен антилиберализм в данном конкретном случае. С либерализмом это не имеет ничего общего.

6. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ АНТИЛИБЕРАЛИЗМА

Задачей этой книги может быть только обсуждение проблемы общественного сотрудничества не иначе как на основе рациональных аргументов. Но корни противодействия либерализму невозможно постичь, обращаясь к методу разума. Это противодействие идет не от разума, а от патологического психического отношения — обиды и неврозного состояния, которое можно назвать комплексом Фурье (по имени французского социалиста).

Вряд ли есть нужда широко распространяться по поводу чувства обиды и завистливой злобы. Чувство обиды проявляется в том, что некто так сильно ненавидит кого-то за то, что последний находится в более благоприятных обстоятельствах, что готов понести серьезные потери, лишь бы причинить вред тому, кого он ненавидит. Многие из тех, кто нападает на капитализм,

ВВЕДЕНИЕ

очень хорошо знают, что их положение в любой другой экономической системе будет менее благоприятным. Тем не менее, полностью отдавая себе отчет в этом, они выступают за реформы, например за социализм, поскольку надеются, что богатые, которым они завидуют, также от этого пострадают. Мы часто слышим, как социалисты говорят: в социалистическом обществе легче будет переносить даже материальную нужду, потому что люди будут понимать, что никто не живет лучше, чем его сосед.

Во всяком случае с чувством обиды все же можно справиться с помощью рациональных аргументов. В конце концов не составляет труда предметно объяснить человеку, переполненному обидой, что для него важно не ухудшить положение его лучше устроившегося соседа, а улучшить свое.

Бороться с комплексом Фурье намного труднее. Здесь мы имеем дело с серьезным заболеванием нервной системы — неврозом, которое является заботой скорее психолога, чем законодателя. Тем не менее его нельзя игнорировать при исследовании проблем современного общества. К сожалению, врачи до сих пор редко интересовались проблемами, связанными с комплексом Фурье. Действительно, они вряд ли упоминались даже Фрейдом, великим мастером психологии, или его последователями в их теориях неврозов, хотя именно психоанализу⁵ мы обязаны открытием единственного пути, который ведет

к логически последовательному и систематическому пониманию такого рода умственных расстройств.

Едва ли одному человеку из миллиона удастся реализовать свои жизненные амбиции. Результат трудов, даже если человеку сопутствовала удача, всегда далек от того, на что позволяла надеяться мечтательная юность. Планы и желания разбивались о тысячи препятствий, и сил оказывалось недостаточно, чтобы достичь целей, к которым человек страстно стремился. Крушение надежд, расстройство планов, несостоятельность перед лицом поставленной перед собой задачи — все это составляет самый болезненный опыт человека. В то же время это обычная человеческая судьба.

Человек может реагировать на этот опыт двояко. Один путь выражается в практической мудрости Гёте.

**ИЛЬ ДУМАЛ ТЫ,
ЧТО БУДУ ЖИЗНЬ Я НЕНАВИДЕТЬ,
В ПУСТЫНЮ УДАЛЮСЬ ИЗ-ЗА ТОГО,
ЧТО ВОПЛОТИЛ НЕ ВСЕ СВОИ МЕЧТЫ?**⁶

— восклицает его Прометей. А Фауст осознает в «высший миг», что «последнее слово мудрости» состоит в том, что

**ЛИШЬ ТОТ ДОСТОИН ЖИЗНИ И СВОБОДЫ,
КТО КАЖДЫЙ ДЕНЬ ИДЕТ ЗА НИХ НА БОЙ**⁷.

ВВЕДЕНИЕ

Такую волю и такой дух невозможно сломить никакими жизненными неудачами. Тот, кто принимает жизнь такой, какая она есть, и не позволяет ей подавить себя, не нуждается в поиске убежища для сокрушенной веры в себя, в успокоении «спасительной ложью». Если желанный успех не приходит, если превратности судьбы в мгновение ока уничтожают то, что создавалось годами кропотливого, тяжелого труда, то он просто умножает свои усилия. Он без отчаяния смотрит беде в глаза.

Невротик не в силах переносить жизнь в ее реальной форме. Для него она слишком примитивна, слишком груба и слишком обыденна. Чтобы сделать ее терпимой, у него, в отличие от здорового человека, не хватает духа «продолжать, несмотря ни на что». Это не соответствовало бы его слабости. Вместо этого он ищет спасения в иллюзии. Иллюзия, согласно Фрейду, «сама есть что-то желанное, своего рода утешение»; ей свойственна «устойчивость перед натиском логики и реальности»⁸. Поэтому ни в коей мере недостаточно пытаться уговорить пациента отказаться от своей иллюзии, убедительно демонстрируя ее абсурдность. Чтобы поправиться, пациент должен преодолеть ее сам. Он должен сам научиться понимать, почему он не хочет смотреть правде в глаза и почему он ищет утешения в иллюзиях.

Только теория неврозов способна объяснить успех фурьеризма — этого сумасшедшего продукта серьезно расстроенной психики. Здесь не место ссылаться на доказательства душевного расстройства Фурье, цитируя отрывки из его работ. Все это представляет интерес только для психиатров и, возможно, для людей, получающих удовольствие от чтения продуктов бесстыдной фантазии. Но дело в том, что марксизм, когда его заставляют покинуть область высокопарной диалектической риторики, высмеивания и поношения своих оппонентов и сделать несколько скудных замечаний по сути дела, не может выдвинуть ничего, что отличалось бы от предложений «утописта» Фурье. Марксизм точно так же не способен создать картину социалистического общества, не сделав два предположения, которые уже сделаны Фурье и противоречат всему имеющемуся опыту и здравому смыслу. С одной стороны, он предполагает, что «материальный субстрат» производства, который «уже существует в природе и не требует производительных усилий со стороны человека», имеется в нашем распоряжении в таком изобилии, что его не нужно экономить; отсюда вера марксизма в «практически безграничное увеличение производства». С другой стороны, это предполагает, что в социалистическом сообществе труд превратится из «бремени в наслаждение»⁹, буквально — что он станет «первой потребностью жизни»¹⁰. Несомненно, там, где

ВВЕДЕНИЕ

все блага имеются в избытке, а работа является удовольствием, не составляет никакого труда создать сказочный Кокейн, страну изобилия и праздности.

Марксизм считает, что с высоты своего «научного социализма» он имеет право с презрением смотреть на романтизм и романтиков. Но в действительности его собственный метод ничем не отличается от их метода. Вместо того чтобы устранять все препятствия, стоящие на пути осуществления своих желаний, марксизм так же предпочитает, чтобы все препятствия просто исчезали в пелене фантазии.

В жизни невротика «спасительная ложь» выполняет двойную функцию. Она не только утешает его в прошлой неудаче, но и сулит перспективу будущего успеха. В случае социальной неудачи, которая единственно здесь нас интересует, утешение заключается в вере в то, что неспособность человека достичь возвышенных целей, к которым он стремится, должна приписываться не его собственной несостоятельности, а несовершенству общественного порядка. Недовольный человек ожидает от ниспровержения этого порядка успеха, в котором ему отказывает существующая система. Следовательно, совершенно бесполезно пытаться объяснить ему, что утопия, о которой он мечтает, неосуществима и что единственной основой общества, организованного на принципе разделения труда, может быть только частная

собственность на средства производства. Невротик цепляется за «спасительную ложь», и, когда он должен делать выбор: отказаться от нее или от логики, он предпочитает пожертвовать логикой. Без утешения, которое он находит в идее социализма, жизнь была бы для него невыносима. Она говорит ему, что это не он, а мир виноват в его неудачах; эта убежденность поднимает его пониженную уверенность в себе и освобождает его от мучительного чувства неполноценности.

Подобно тому как искреннему христианину легче переносить несчастья, случающиеся с ним на Земле, поскольку он надеется на продолжение своего существования в ином, лучшем мире, в котором те, кто на Земле были первыми, станут последними, а последние станут первыми, так и для современного человека социализм стал эликсиром от земных невзгод. Но если вера в бессмертие, в воздаяние в потустороннем мире и в воскрешение формируют стимулы к добродетельному поведению на Земле, то социалистические обещания воздействуют совершенно иначе. Они не налагают никаких обязанностей, кроме политической поддержки партии социализма, но в то же время повышают ожидания и потребности.

Поскольку это является отличительной чертой социалистической мечты, понятно, почему каждый приверженец социализма ожидает от него именно того, в чем ему до сих пор было отказано. Авторы социализ-

ВВЕДЕНИЕ

ма обещают не только богатство для всех, но и счастье в любви к каждому, полное физическое и духовное развитие каждого индивида, раскрытие великих художественных и научных талантов всех людей и т.д. Совсем недавно Троцкий заявил в одной из своих работ, что «средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гёте, Маркса. И над этим краем будут подниматься новые вершины»*. Социалистический рай, по его мнению, будет царством совершенства, населенным абсолютно счастливыми сверхлюдьми. Вся социалистическая литература полна подобной нелепицы. Но именно эта нелепица привлекает множество сторонников.

Невозможно отправить всех страдающих комплексом Фурье лечиться к психоаналитику; число пораженных им слишком велико. В этом случае не поможет никакое другое лекарство, кроме излечения заболевания самим пациентом. Через самопознание он должен научиться переносить свой жизненный жребий, не ища козлов отпущения, на которых можно переложить вину, а также постараться понять фундаментальные законы человеческого сотрудничества.

---

* TROTSKY L. LITERATURE AND REVOLUTION / TRANS. BY R. STRUNSKY. LONDON, 1925. P. 256¹¹.

ГЛАВА 1

ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

1. СОБСТВЕННОСТЬ

Человеческое общество представляет собой объединение людей для совместной деятельности. В отличие от изолированных действий индивидов, совместные действия на основе принципа разделения труда имеют преимущество более высокой производительности. Если большое количество людей будут работать совместно, используя принцип разделения труда, то они произведут (при прочих равных условиях) не только сумму того, что они произвели бы, работая независимо друг от друга, а значительно больше. Этот факт лежит в основе всей человеческой цивилизации. Именно благодаря разделению труда человек выделился из животного мира. Именно разделение труда сделало слабого человека, по физической силе намного уступающе-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

го большинству животных, хозяином Земли и создателем чудес технологии. Не будь разделения труда, мы ни в каком отношении не продвинулись бы вперед по сравнению с нашими предками, жившими хоть тысячу, хоть десять тысяч лет назад.

Человеческий труд сам по себе не способен улучшить наше материальное благополучие. Чтобы быть плодотворным, его необходимо приложить к материалам и ресурсам Земли, которые Природа предоставила в наше распоряжение. Земля со всеми веществами и присущими ей силами и человеческий труд составляют два фактора производства, в результате целенаправленного взаимодействия которых возникают все товары, удовлетворяющие наши внешние нужды. Чтобы производить, требуется мобилизовать труд и материальные факторы производства, включая не только сырье и ресурсы, предоставленные в наше распоряжение Природой и главным образом извлекаемые из земли, но и промежуточные продукты, уже изготовленные из этих первичных природных факторов производства ранее затраченным трудом. Говоря экономическим языком, мы разграничиваем соответственно три фактора производства: труд, землю и капитал. Под землей мы понимаем все, что Природа предоставляет в наше распоряжение в виде веществ и сил на, под и над поверхностью Земли, в воде и воздухе; под капитальными бла-

гами — все промежуточные блага, произведенные из земли при помощи человеческого труда, которые сделаны для того, чтобы служить дальнейшему производству (механизмы, инструменты, полуфабрикаты всех видов и т.д.).

Мы хотим рассмотреть две различные системы человеческого сотрудничества в условиях разделения труда — одна основана на частной собственности на средства производства, а другая — на общественной собственности на средства производства. Последняя называется социализмом или коммунизмом, первая — либерализмом, а также (с тех пор как в XIX в. он создал систему разделения труда, охватывающую весь мир) капитализмом. Либералы утверждают, что единственной работающей системой человеческого сотрудничества в обществе, основанном на разделении труда, является частная собственность на средства производства. Они утверждают, что социализм, как абсолютно всеобъемлющая система, заключающая в себе все средства производства, неработоспособен и применение социалистического принципа к части средств производства, хотя, разумеется, и не является невозможным, ведет к снижению производительности труда, так что, не говоря уже о создании нового богатства, это, наоборот, должно привести к уменьшению богатства. Поэтому программа либерализма, если ее сжато выразить

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

одним словом, читалась бы так: *собственность*, т.е. частное владение средствами производства (ибо что касается товаров, готовых к потреблению, частное владение считается само собой разумеющимся и не оспаривается даже социалистами и коммунистами). Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования.

Рядом со словом «собственность» в программе либерализма можно вполне уместно поместить слова «свобода» и «мир». Но не потому, что там их, как правило, помещала старая программа либерализма. Мы уже говорили, что программа современного либерализма переросла программу старого либерализма, что она основывается на более глубоком понимании взаимосвязей, так как имеет возможность воспользоваться плодами прогресса, достигнутого в этой науке в прошедшие десятилетия. Свобода и мир оказались на переднем крае программы либерализма не потому, что многие старые либералы считали, что они скорее равны по значимости фундаментальному принципу либерализма, а не просто являются необходимыми следствиями одного фундаментального принципа — частной собственности на средства производства, а исключительно потому, что свобода и мир подверглись особенно яростным нападкам со стороны оппонентов либерализма, и, опуская эти принципы, либералы не

хотели делать вид, что они каким-либо образом признали справедливость возражений, выдвигаемых против них.

2. СВОБОДА

Идея свободы настолько укоренилась во всех нас, что долгое время никто не осмеливался ставить ее под сомнение. Люди привыкли всегда говорить о свободе с величайшим почтением; Ленину только и оставалось, что назвать ее «буржуазным предрассудком». Хотя этот факт сегодня часто забывается, но все это является достижением либерализма. Само название «либерализм» произошло от слова «свобода», а имя партии, оппозиционной либералам (оба обозначения возникли в испанских конституционных битвах первых десятилетий XIX в.), первоначально было «рабская».

До появления либерализма даже благородные философы, основатели религий, духовенство, движимое наилучшими намерениями, а также государственные деятели, истинно любившие свой народ, считали рабство части рода человеческого справедливым, в общем полезным и очевидно благотворным институтом. Считалось, что одна часть людей и народов природой предназначена для свободы, а другая — для рабства. Так думали не только хозяева, но и большая часть

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

рабов. Они мирились со своей зависимостью не только потому, что вынуждены были подчиниться превосходящей силе хозяев, но и потому, что они находили в этом некое благо: раб был освобожден от забот о каждодневном пропитании, так как хозяин был обязан обеспечивать его всем жизненно необходимым. Когда в XVIII и в первой половине XIX в. либерализм выступил за отмену крепостной зависимости и порабощения крестьянского населения Европы и рабства негров в заокеанских колониях, немало искренних гуманистов выступили против этого. Они говорили, что несвободные работники привыкли к своей зависимости и не воспринимают ее как зло. Они не готовы к свободе и не знают, что с ней делать. Прекращение заботы со стороны хозяина принесет им вред. Они не смогут управлять своими делами так, чтобы всегда обеспечить для себя хоть что-то, кроме самого необходимого, и очень скоро впадут в нужду и нищету. Тем самым освобождение не только не даст им ничего настоящего ценного, но серьезно ухудшит их материальное благосостояние.

Что самое удивительное, изложение этих взглядов можно было услышать и от многих рабов, когда их об этом спрашивали. Для противодействия этому мнению многие либералы посчитали необходимым представить в качестве общего правила и даже иногда опи-

сать с некоторыми преувеличениями исключительные случаи жестокого обращения с крепостными и рабами. Но эти эксцессы ни в коей мере не были правилом. Разумеется, имели место отдельные примеры жестокого обращения, и факт существования подобных случаев был дополнительной причиной ликвидации этой системы. Как правило, однако, обращение с крепостными было гуманным и мягким.

Когда тем, кто рекомендовал отмену принудительной крепостной зависимости с точки зрения общегуманистического подхода, говорили, что сохранение этой системы также и в интересах поработанных, они не знали, что сказать в ответ. Ибо против этих возражений в пользу рабства есть только один аргумент, который способен реально опровергнуть все остальные, — а именно что свободный труд несравненно более производителен, чем рабский. Раб не заинтересован в том, чтобы напрягать все свои силы. Он работает ровно столько и настолько усердно, насколько это необходимо, чтобы избежать наказания за невыполнение минимального объема работы. В то же время свободный работник знает, что чем больше он сделает, тем больше ему заплатят. Чтобы повысить свой доход, он выкладывается полностью. Сравните требования, предъявляемые к рабочему обслуживанием современного трактора, и относительно небольшие затраты

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

ума, силы и усердия, которые всего два поколения назад считались достаточными для крепостного крестьянина в России. Только свободный труд может достичь того, что требуется от современного промышленного рабочего.

Поэтому бестолковые болтуны могут бесконечно спорить о том, предназначены ли все люди для свободы и готовы ли они к ней. Они могут продолжать утверждать, что существуют расы и народы, которым Природой предписано жить в рабстве, и что на расы господ возложена обязанность держать остальное человечество в подчинении. Либерал не выдвигает против их аргументов никаких возражений, потому что его рассуждения в пользу свободы для всех без исключения совершенно иного рода. Мы, либералы, не утверждаем, что Бог или Природа задумали всех людей свободными, поскольку мы не посвящены в замыслы Бога и Природы и в принципе избегаем втягивать Бога и Природу в споры о земных делах. Мы всего лишь утверждаем, что система, основанная на свободе для всех работников, гарантирует наивысшую производительность человеческого труда и поэтому соответствует интересам всех жителей Земли. Мы критикуем принудительную зависимость не потому, что она выгодна «хозяевам», а потому, что мы убеждены, что в конечном счете она вредит интересам всех членов человеческого общества, включая

СВОБОДНЫЙ ТРУД СПОСОБЕН СОЗДАТЬ БОЛЬШЕ БОГАТСТВА ДЛЯ ВСЕХ, ЧЕМ РАБСКИЙ ТРУД КОГДА-ТО ДАВАЛ ХОЗЯЕВАМ

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

«хозяев». Если бы человечество придерживалось практики содержания всей или хотя бы части рабочей силы в рабстве, то поразительное экономическое развитие последних 150 лет было бы невозможным. Мы не имели бы ни железных дорог, ни автомобилей, ни пароходов, ни электрического света и энергетики, ни химической промышленности. Мы жили бы, как древние греки и римляне, при всей их гениальности, без всего этого. Достаточно просто упомянуть об этом, чтобы каждый понял, что даже бывшие хозяева рабов или крепостных имели все основания быть удовлетворенными ходом событий после отмены принудительной зависимости. Сегодня европейский рабочий живет в более благоприятных и приемлемых внешних условиях, чем жил когда-то египетский фараон, несмотря на то что фараон распоряжался тысячами рабов, тогда как рабочий не зависит ни от чего, кроме силы своих рук и навыков. Если бы обладателя несметных богатств былых времен можно было поместить в условия, в которых сегодня живет обычный человек, он без колебаний заявил бы, что его жизнь была нищенством по сравнению с жизнью, которую может вести в наше время даже человек среднего достатка.

Все это — плоды свободного труда. Свободный труд способен создать больше богатства для всех, чем рабский труд когда-то давал хозяевам.

3. Мир

Есть благородные люди, которые ненавидят войну, потому что она несет с собой смерть и страдания. Как бы мы ни восхищались их гуманизмом, аргументы этих людей против войны, базирующиеся на филантропическом основании, по-видимому, частично или полностью теряют свою силу, когда мы рассматриваем утверждения сторонников и защитников войны. Последние ни в коей мере не отрицают, что война приносит боль и горе. Тем не менее они считают, что с помощью войны, и только войны, человечество единственно способно добиваться прогресса. Война — мать всех вещей, сказал когда-то греческий философ¹², и тысячи людей повторяли это за ним. В мирное время человек вырождается. Только война пробуждает в нем дремлющие таланты и силы и вдохновляет его возвышенными идеалами. Если упразднить войны, то человечеству грозит разложение от праздности и застоя.

Трудно и даже невозможно опровергнуть эту логику рассуждения защитников войны, если единственным возражением против войны, которое можно придумать, будет то, что война требует жертв, ибо сторонники войны придерживаются мнения, что эти жертвы не напрасны и стоят того, чтобы их принести. Если действительно было бы верно, что война — мать всех вещей,

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

тогда человеческие жертвы, которых она требует, были бы необходимыми для повышения общего благосостояния и прогресса человечества. Можно сокрушаться по поводу жертв, даже стараться уменьшить их число, но нельзя оправдать желание покончить с войнами и установить вечный мир.

Либеральная критика аргументов в пользу войны кардинально отличается от критики гуманистов. Либерал исходит из посылки, что не война, а мир является матерью всех вещей. Единственное, что позволяет человеку развиваться и отличает человека от животных, это общественное сотрудничество. Производителен один лишь труд: он создает богатство и тем самым закладывает внешние основы внутреннего расцвета человека. Война лишь разрушает, она не способна на созидание. Война, резня, разрушение и опустошение — это то, что у нас общего с хищниками джунглей; созидательный труд — это наш отличительный человеческий признак. Либерал питает отвращение к войне не как гуманист — несмотря на то что она имеет благотворные последствия, а потому что она ведет только к пагубным результатам.

Любящий мир гуманист обращается к могущественному властителю: «Не затевай войны, даже если в результате победы у тебя есть перспективы улучшить свое благосостояние. Будь благороден и великодушен.

Откажись от соблазнительной победы, даже если это потребует от тебя пойти на какие-то жертвы или потерять какие-то преимущества». Либерал думает иначе. Он убежден, что победоносная война является злом даже для победителя, что мир всегда лучше, чем война. Он требует от более сильного не жертвы, а только осознания того, в чем состоят его подлинные интересы, и умения понимать, что мир для него, более сильного, так же выгоден, как и для более слабого.

Когда миролюбивый народ подвергается нападению со стороны воинственного врага, он должен оказать сопротивление и сделать все, чтобы отразить вторжение. Героические подвиги, совершенные на такой войне теми, кто защищает свою свободу и жизнь, достойны похвалы; мужество и отвага этих воинов превозносятся совершенно справедливо. Здесь отвага, бесстрашие, презрение к смерти похвальны, потому что находятся на службе благой цели. Однако люди совершили ошибку, возведя эти солдатские доблести в абсолют, как качества, хорошие в себе и для себя, без обсуждения целей, которым они служат. Тот, кто придерживается такого мнения, должен, чтобы быть последовательным, признавать благородными доблестями отвагу, бесстрашие и презрение к смерти разбойника. В действительности, однако, не существует ничего хорошего или плохого самого по себе. Действия людей становятся хороши-

1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ми или плохими, только преломляясь в целях, которым они служат, и в последствиях, которые они вызывают. Даже Леонид не заслуживал бы уважения, которое мы к нему питаем, если бы он пал не как защитник Родины, а как полководец оккупационной армии, стремящейся лишить миролюбивый народ свободы и имущества.

Сколь пагубна война для развития человеческой цивилизации, становится очевидным, как только начинаешь понимать выгоды, извлекаемые из разделения труда. Разделение труда превращает индивида в ζῷον πολιτικόν¹³, зависящего от окружающих его людей, в общественное животное, о котором говорил Аристотель. Вражда между одним животным и другим или между одним дикарем и другим никак не меняет экономическую основу их существования. Дело обстоит совершенно иначе, когда ссора, которую решили разрешить посредством оружия, случается в сообществе, где труд разделен. В таком обществе каждый индивид выполняет специализированную функцию; никто из них больше не в состоянии жить независимо, потому что все нуждаются в помощи и поддержке всех остальных. Экономически самодостаточные фермеры, производящие на своих фермах все, в чем нуждаются они сами и их семьи, еще могут пойти войной друг на друга. Но когда деревня делится на фракции, где кузнец оказывается на одной стороне, а сапожник — на другой, то одной фракции придется страдать от

отсутствия обуви, а второй — от отсутствия инструмента и оружия. Гражданская война разрушает разделение труда, поскольку вынуждает каждую группу удовлетворяться трудом своих сторонников.

Если бы вероятность такой вражды считалась высокой, то разделению труда никогда не позволили бы развиваться до такой степени, чтобы в случае, когда битва действительно разразится, пришлось бы терпеть лишения. Постоянное углубление разделения труда возможно только в обществе, где существует уверенность в длительном мире. Разделение труда может развиваться только в условиях гарантии такой безопасности. При отсутствии этой предпосылки разделение труда не расширяется за границы деревни или даже отдельного домохозяйства. Разделение труда между городом и деревней — когда крестьяне окружающих деревень снабжают город зерном, мясом, молоком и маслом в обмен на промышленные товары, производимые горожанами, — уже предполагает, что мир гарантирован по меньшей мере в данном регионе. Если разделение труда охватывает всю страну в целом, то гражданская война должна находиться за пределами возможного; если оно должно охватить весь свет, то должен быть гарантирован длительный мир между народами.

Сегодня любой человек посчитал бы абсолютно бессмысленной подготовку таких крупных современ-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

ных столиц, как Лондон или Берлин, к войне с жителями окрестных сельских районов. Однако на протяжении многих веков города Европы учитывали такую возможность и экономически были к ней готовыми. Укрепления некоторых городов с самого начала были спроектированы таким образом, чтобы они могли прожить некоторое время, разводя скот и выращивая зерно внутри городских стен.

В начале XIX в. гораздо более крупные части населенного мира все еще были разделены на большое число в общем и целом экономически самодостаточных регионов. Даже в наиболее высокоразвитых областях Европы потребности региона удовлетворялись по большей части продукцией самого региона. Торговля, выходящая за узкие границы ближайшей округи, не имела большого значения и охватывала в основном те товары, которые не могли производиться на месте из-за климатических условий. Однако практически во всем мире производство деревни удовлетворяло почти все нужды ее жителей. Для этих деревень расстройство торговых отношений, вызванное войной, в общем не означало никакого ухудшения экономического благополучия. Даже население более развитых стран Европы не очень сильно страдало во время войны. Если бы континентальная система, которую Наполеон I ввел в Европе с целью изгнать с континента английские товары и те заокеанские

товары, которые попадали на континент через Англию¹⁴, проводилась в жизнь более строго, чем это было в действительности, все равно вряд ли жители континента испытали бы какие-либо ощутимые лишения. Разумеется, им пришлось бы обходиться без кофе и сигар, хлопка и хлопковых изделий, специй и многих редких пород дерева; но в те времена все эти вещи в домашнем хозяйстве широких масс играли подчиненную роль.

Развитие сложной сети международных экономических отношений является продуктом либерализма и капитализма XIX в. Только они сделали возможной глубокую специализацию современного производства с сопутствующим совершенствованием технологии. Чтобы обеспечить семью английского рабочего всем, что она потребляет и чего она желает, необходима кооперация народов пяти континентов. Чай для завтрака поставляется из Японии или с Цейлона, кофе — из Бразилии или с Явы, сахар — из Вест-Индии, мясо — из Австралии или Аргентины, хлопок — из Америки или Египта, шкуры для кожаных изделий — из Индии или России и т.д. А в обмен на эти продукты английские товары распространяются по всему миру до самых отдаленных деревень и труднодоступных ферм. Такое развитие событий стало возможным и мыслимым только потому, что с торжеством либеральных принципов люди больше не воспринимали всерьез мысль о том, что когда-нибудь снова

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

может разразиться большая война. В золотой век либерализма война между людьми белой расы в целом считалась делом прошлого.

Но события повернулись иначе. Либеральные идеи и программы были вытеснены социализмом, национализмом, протекционизмом, империализмом, этатизмом и милитаризмом. Если Кант и фон Гумбольдт, Бентам и Кобден прославляли вечный мир, оракулы следующей эпохи без устали превозносили войну, как гражданскую, так и международную. И очень скоро они добились успеха. Результатом явилась мировая война, давшая нашему веку предметный урок несовместимости войны и разделения труда.

4. **РАВЕНСТВО**

Разницу между рассуждениями старого либерализма и неолиберализма легче всего продемонстрировать на примере трактовки ими проблемы равенства. Либералы XVIII в., руководствуясь идеями естественного права и эпохи Просвещения¹⁵, требовали равенства политических и гражданских прав для всех, потому что полагали, что все люди равны. Бог создал всех людей равными, наделив их в своей основе одними и теми же способностями и талантами, вдохнув в каждого из них Свой дух. Все различия между людьми являются искус-

ственными, они — продукт общественных, человеческих — так сказать, преходящих — институтов. То, что в человеке является вечным — его душа, — несомненно является одинаковым у богача и бедняка, дворянина и мещанина, белого и цветного.

Ничто, однако, не является столь же слабо обоснованным, как утверждение мнимого равенства всех членов человеческого рода. Люди вовсе не являются равными. Даже между братьями существуют весьма заметные различия физических и умственных качеств. Природа никогда не повторяется в своих творениях; она ничего не производит дюжинами, ее продукция нестандартизованна. Любой человек, выходящий из ее мастерской, несет на себе печать индивидуальности, уникальности, неповторимости. Люди не равны, и требование равенства перед законом никак не может основываться на утверждении, что равные требуют равного отношения.

Существуют две причины, почему люди должны быть равны перед законом. Одна причина уже упоминалась, когда мы анализировали возражения против принудительной зависимости. Для того чтобы человеческий труд достиг максимальной производительности, рабочий должен быть свободным, потому что только свободный рабочий, распоряжающийся в форме заработной платы плодами своего усердия, будет выкладываться полностью. Второе соображение в пользу равенства

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

всех людей перед законом касается поддержания социального мира. Уже указывалось на то, что следует избегать любого нарушения мирного развития разделения труда. Но почти невозможно сохранить устойчивый мир в обществе, где права и обязанности соответствующих классов различны. Тот, кто не признает прав части населения, должен быть готов к восстанию тех, кто лишен гражданских прав, против привилегированной группы. Классовые привилегии должны исчезнуть, с тем чтобы положить конец конфликтам по их поводу.

Именно поэтому ничем не оправданны претензии к формулировке либерального постулата равенства на том основании, что он предусматривает *только* равенство перед законом, а не реальное равенство. Всей человеческой мощи будет недостаточно, чтобы сделать людей равными реально. Люди являются и всегда останутся неравными. Именно приведенные нами здравые соображения полезности составляют аргументы в пользу равенства всех людей перед законом. Либерализм никогда не стремился ни к чему большему, да и не мог просить ничего большего. Сделать негра белым выше человеческих сил. Но негру можно предоставить такие же права, как и белому, и тем самым дать возможность зарабатывать столько же, если он столько же производит.

Но социалисты говорят, что недостаточно сделать людей равными перед законом. Чтобы сделать их по-

настоящему равными, нужно наделить их одинаковым доходом. Недостаточно упразднить привилегии по рождению или по чину. Необходимо довести дело до конца и покончить с самой большой и самой важной привилегией из всех, а именно с той, которая дается частной собственностью. Только тогда либеральная программа будет реализована полностью, а последовательный либерализм, таким образом, в конечном счете ведет к социализму, к уничтожению частной собственности на средства производства.

Привилегия представляет собой институциональное регулирование, дающее преимущество одним индивидам или определенным группам за счет других. Привилегия существует, несмотря на то что она наносит вред некоторым — возможно, большинству — и не приносит выгоды никому, за исключением тех, для чьей выгоды она была создана. В Средние века, в условиях феодального строя, некоторые сеньоры обладали наследственным правом занимать судейские должности. Они были судьями, потому что унаследовали эту должность, невзирая на то, обладали ли они способностями и качествами, позволяющими человеку быть судьей. Должность представлялась им не более чем выгодным источником дохода. Здесь судейская должность была привилегией класса благородного происхождения.

**СДЕЛАТЬ НЕГРА БЕЛЫМ ВЫШЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИЛ.
НО НЕГРУ МОЖНО ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКИЕ ЖЕ ПРАВА,
КАК И БЕЛОМУ, И ТЕМ САМЫМ ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗА-
РАБАТЫВАТЬ СТОЛЬКО ЖЕ, ЕСЛИ ОН СТОЛЬКО ЖЕ ПРО-
ИЗВОДИТ**

Однако если, как в современном государстве, судьи всегда назначаются из круга тех, кто обладает юридическими знаниями и опытом, это не является привилегией для юристов. Предпочтение отдается юристам не ради них самих, а ради общественного блага, потому что большинство людей считают, что знание юриспруденции является необходимым условием занятия места судьи. Вопрос о том, следует ли определенное институциональное устройство считать привилегией определенной группы, класса или человека или нет, должен решаться не на основе того, выгодно это или нет этой группе, классу или человеку, а в соответствии с тем, насколько это будет выгодным широкой публике. То, что на корабле в море один человек является капитаном, а остальные составляют его команду и подчиняются его приказам, безусловно, является преимуществом для капитана. Тем не менее это не является привилегией капитана, если он способен вести корабль в шторм между рифами и тем самым быть полезным не только себе, но и всей команде.

Чтобы определить, следует ли считать институциональное устройство особой привилегией человека или класса, необходимо задавать вопрос не о том, выгодно ли это человеку или классу, а только о том, выгодно ли оно широким массам. Если мы приходим к заключению, что только частная собственность на средства

1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

производства приводит к процветанию человеческого общества, то очевидно, что это равносильно тому, чтобы сказать, что частная собственность является не привилегией владельца собственности, а общественным институтом на благо и к пользе всех, даже если в то же время некоторым он особо выгоден.

Либерализм высказывается за сохранение института частной собственности не от имени собственников. Либералы хотят сохранить этот институт не потому, что его отмена нарушит чьи-то права собственности. Если бы они считали, что отмена института частной собственности будет в интересах всех, то они настаивали бы на том, чтобы она была отменена, не важно, какой ущерб это причинит интересам собственников. Однако сохранение этого института служит интересам всех слоев общества. Даже последний бедняк, который ничего не может назвать своим, живет в нашем обществе несравненно лучше, чем он жил бы в обществе, которое не способно производить и малой доли того, что производится в нашем обществе.

5. НЕРАВЕНСТВО БОГАТСТВА И ДОХОДОВ

Неравное распределение богатства и дохода является самой критикуемой особенностью нашего общественного порядка. Существуют богатые и бедные; су-

ществуют очень богатые и очень бедные. Выход далеко искать не надо: равное распределение всего богатства.

Первое возражение против этого предложения состоит в том, что его осуществление не сильно улучшит ситуацию, поскольку тех, кто располагает умеренными средствами, намного больше, чем богатых людей, так что каждый индивид от такого распределения может ожидать только весьма незначительного повышения своего уровня жизни. Это, безусловно, верно, однако еще не все. Те, кто отстаивает равенство в распределении дохода, не замечают самого главного, а именно того, что сумма, подлежащая распределению — годовой продукт общественного труда, — зависит от способа, которым он делится. Величина продукта является не природным или технологическим феноменом, независимым от внешних общественных условий, а целиком и полностью результатом наших общественных институтов. Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление. Если этот побудительный мотив будет уничтожен, то производительность снизится так сильно, что доля,

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

которая при равном распределении будет выделена каждому индивиду, окажется намного меньше, чем сегодня имеет самый последний бедняк.

Неравенство распределения дохода имеет, однако, еще и другую функцию, столь же важную, как уже упомянутая: она позволяет богатым жить в роскоши.

По поводу роскоши было сказано и написано много глупостей. Против расточительного потребления выдвигается возражение, связанное с несправедливостью того, что одни купаются в изобилии, в то время как другие пребывают в нужде. Этот аргумент на первый взгляд имеет определенные достоинства. Но только на первый взгляд, ибо если можно показать, что расточительное потребление выполняет полезную функцию в системе общественного сотрудничества, то будет доказана несостоятельность аргумента. А именно это мы намереваемся продемонстрировать.

Разумеется, мы не собираемся выдвигать в защиту расточительного потребления аргумент, который иногда можно услышать: мол, оно распространяет деньги среди людей. Говорят, что если бы богатые не предавались роскоши, то у бедных не было бы источников дохода. Это просто чепуха. Если бы отсутствовало потребление роскоши, то капитал и труд, который в противном случае был бы занят в производстве предметов роскоши, производили бы другие товары: изделия мас-

сового потребления, предметы первой необходимости вместо «излишеств».

Чтобы создать правильную концепцию общественной значимости расточительного потребления, прежде всего необходимо понять, что понятие роскоши относительно. Роскошь — это образ жизни, резко контрастирующий с образом жизни огромной массы современников. Поэтому роскошь — понятие историческое. Многие вещи, которые сегодня воспринимаются как предметы первой необходимости, когда-то считались роскошью. Когда византийская аристократка, вышедшая замуж за венецианского дожа, во время еды пользовалась не пальцами, а золотым приспособлением, которое можно назвать предшественником знакомой нам сегодня вилки, венецианцы смотрели на это как на нечестивую роскошь, и когда ее поразила ужасная болезнь, они посчитали это лишь справедливым воздаянием, они видели в этом вполне заслуженную Божью кару за столь противоестественную экстравагантность. Два или три поколения назад даже в Англии ванная в доме считалась роскошью. Сегодня ванная имеется в доме каждого более или менее квалифицированного рабочего. Тридцать пять лет назад не было автомобилей; двадцать лет назад обладание таким средством передвижения означало ведение особо роскошного образа жизни; сегодня в Соединенных Штатах даже рабочий

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

имеет собственный «форд». Таково направление экономической истории. Роскошь сегодня — это предмет первой необходимости завтра. Любое новшество появляется на свет в виде роскоши для небольшого количества богатых людей, с тем чтобы спустя какое-то время стать предметом первой необходимости, всеми принимаемым как должное. Потребление предметов роскоши дает промышленности стимул открывать и создавать новые продукты. Это один из динамических факторов нашей экономики. Ему мы обязаны постоянными нововведениями, постепенно повышающими уровень жизни всех слоев населения.

Большинство из нас не испытывает никакой симпатии к богатому бездельнику, который, не работая, прожигает жизнь в развлечениях. Но даже у него есть своя функция в жизни общественного организма. Он показывает пример роскоши, которая пробуждает в сознании большинства новые потребности и ориентирует производство на их удовлетворение. Было время, когда только богачи могли позволить себе роскошь путешествий по заграницам. Шиллер никогда не видел швейцарских гор, которые он воспел в «Вильгельме Телле», хотя они граничили с его родной Швабией. Гете не видел ни Парижа, ни Вены, ни Лондона. Сегодня путешествуют уже сотни тысяч людей, а скоро будут путешествовать миллионы.

**ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД НЕ БЫЛО АВТОМОБИЛЕЙ;
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ОБЛАДАНИЕ ТАКИМ СРЕДСТВОМ
ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ОЗНАЧАЛО ВЕДЕНИЕ ОСОБО РОСКОШ-
НОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ**

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

6. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЭТИКА

Демонстрируя общественную функцию и необходимость частной собственности на средства производства и сопутствующего ей неравенства в распределении дохода и богатства, мы в то же время доказываем этическую оправданность частной собственности и основанного на ней капиталистического общественного порядка.

Нравственность заключается во внимании к необходимым условиям общественного существования, соблюдение которых должно требоваться от каждого члена общества. Человек, живущий в изоляции, не должен следовать каким-либо нравственным правилам. Когда он делает то, что считает выгодным, ему нет нужды испытывать какие-либо сомнения, ибо он не должен думать о том, не нанес ли он тем самым вреда окружающим. Но как член общества, что бы человек ни делал, он должен принимать в расчет не только собственную непосредственную выгоду, но и необходимость в каждом действии укреплять общество в целом, ибо жизнь индивида в обществе возможна только благодаря общественному сотрудничеству, и если разрушить общественную организацию жизни и общества, то каждому индивиду будет причинен существенный ущерб. Требуя от индивида, чтобы он во всех своих действиях принимал в рас-

чет общество, чтобы он отказывался от действий, которые, будучи выгодными ему, вредны для общественной жизни, общество не требует от него жертвовать своими интересами ради интересов других. Требуемая от него жертва условна: отказаться от немедленного и относительного преимущества в обмен на гораздо большую конечную выгоду. Непрерывное существование общества как объединения людей, работающих в сотрудничестве друг с другом и разделяющих общий образ жизни, — в интересах каждого индивида. Тот, кто отказывается от моментальной выгоды для того, чтобы не подвергать опасности существование общества, жертвует меньшим ради большего.

Смысл этой заботы об общественном интересе часто понимался неверно. Некоторые считали, что его этическая ценность заключается в самом факте жертвы, в отказе от немедленного удовлетворения. Они отказывались понимать, что этически ценным является не жертва, а цель, которой она служит, и настаивали на приписывании этической ценности жертве, самоотречению как таковому и только ради него самого. Но жертвенность нравственна только тогда, когда служит нравственной цели. Есть большая разница между человеком, который рискует своей жизнью и собственностью ради доброго дела, и человеком, который жертвует ими, не принося этим какой-либо пользы обществу.

1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Нравственно все, что служит сохранению общественного порядка; все, что приносит ему ущерб, является безнравственным. Соответственно когда мы приходим к заключению, что некий институт приносит обществу пользу, против него уже нельзя продолжать выдвигать обвинения в безнравственности. Могут существовать разные мнения по поводу общественной полезности или вредности конкретного института. Но как только он признан полезным, уже нельзя более настаивать на том, что по каким-то необъяснимым причинам его следует осудить как безнравственный.

7. ГОСУДАРСТВО И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Соблюдение нравственного закона соответствует конечным интересам каждого индивида, потому что от сохранения общественного сотрудничества выигрывают все, хотя он и требует от каждого жертвы, пусть даже и условной, которая с лихвой компенсируется намного большим выигрышем. Чтобы это осознать, требуется определенное понимание взаимозависимости вещей, а чтобы привести свои действия в соответствие с обретенным пониманием, требуется определенная сила воли. Те, кому не хватает этого понимания или при наличии понимания не хватает необходимой силы воли, чтобы им пользоваться, не способны добровольно следовать

нравственному закону. Данная ситуация не отличается от ситуации, подразумевающей соблюдение правил гигиены, которым должен следовать индивид в интересах собственного благополучия. Человек может поддаться болезненному саморазрушению типа увлечения наркотиками либо потому, что не знает о последствиях, либо потому, что считает их меньшим злом, чем отказ от получения немедленного удовольствия, либо потому, что ему не хватает необходимой силы воли, чтобы вести себя в соответствии с тем, что ему известно. Некоторые считают, что общество имеет право прибегнуть к принудительным мерам, чтобы наставить такого человека на путь истинный, никому не позволяя бездумными действиями подвергать опасности собственную жизнь и здоровье. Они хотят насильно удерживать алкоголиков и наркоманов от их пороков и заставлять их беречь свое здоровье.

Вопрос о том, соответствует ли в этих случаях принуждение поставленной цели, мы рассмотрим позже. Здесь нас интересует совершенно другое, а именно следует ли принудительно удерживать от совершения своих действий людей, поведение которых ставит под угрозу продолжение существования общества. Поведение алкоголиков и наркоманов вредит только им самим; человек, нарушающий законы морали, управляющие жизнью человека в обществе, приносит вред не

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

только самому себе, но и всем остальным членам общества. Жизнь в обществе была бы совершенно невозможна, если бы люди, которые желают продолжения его существования и ведут себя соответственно, должны были отказаться от применения силы и принуждения против тех, кто готов своим поведением расшатывать общество. Небольшое число антиобщественных индивидов, т.е. людей, не желающих или не способных принести временные жертвы, которых от них требует общество, может сделать невозможным само общество. Без применения мер сдерживания и принуждения к врагам общества не может быть никакой жизни в обществе.

Мы называем общественный аппарат сдерживания и принуждения, который заставляет людей придерживаться правил жизни в обществе, государством; правила, по которым действует государство, — правом; а органы, на которые возложена ответственность управления аппаратом принуждения, — правительством.

Существует, впрочем, секта, которая верит, что можно вполне спокойно обойтись без любых форм принуждения и основать общество целиком и полностью на добровольном соблюдении морального кодекса. Анархисты считают государство, право и правительство совершенно излишними институтами в условиях общественного порядка, который действительно служил бы благу каждого, а не только особым интересам приви-

легированного меньшинства. Только лишь потому, что нынешний общественный порядок основан на частной собственности на средства производства, существует необходимость прибегать к сдерживанию и принуждению для ее защиты. Как указывают анархисты, если уничтожить частную собственность, то все люди без исключения стали бы спонтанно соблюдать правила общественного сотрудничества.

Уже указывалось, что эта доктрина ошибочна в той части, где она касается характера частной собственности на средства производства. Но даже если не касаться этого вопроса, она все равно полностью несостоятельна. Анархист вполне справедливо не отрицает, что любая форма человеческого сотрудничества в обществе, основанном на разделении труда, требует соблюдения некоторых правил поведения, которые индивиду не всегда приятны, так как предписывают ему определенные жертвы, правда, всего лишь временные, но тем не менее по крайней мере в данный момент болезненные. Но анархист ошибается, полагая, что все без исключения будут желать соблюдать эти правила *добровольно*. Некоторые диспептики (люди, страдающие расстройством пищеварения), зная, что употребление определенной пищи спустя некоторое время принесет им страдания, даже едва переносимую боль, не способны отказать себе в наслаждении изысканным блюдом. А ведь взаи-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

мосвязи общественной жизни проследить не так легко, как физиологическое действие пищи, и последствия наступают не так быстро и, главное, ощутимо для злоумышленника. Не будет ли полным абсурдом, несмотря на все это, предполагать, что каждый индивид в анархическом обществе будет проявлять бóльшую дальновидность и силу воли, чем обжорливый диспептик? Будет ли в анархическом обществе полностью исключена возможность, что кто-либо по неосторожности не бросит горящую спичку, которая станет причиной пожара, или в порыве ярости, зависти или мести не причинит вреда другому человеку? Анархизм не понимает истинной природы человека. Он осуществим только в мире ангелов и святых.

Либерализм — это не анархизм, и ничего общего с анархизмом он не имеет. Либерал ясно понимает, что без помощи принуждения существование общества будет подвергаться опасности и что за правилами поведения, соблюдение которых необходимо для обеспечения мирного сотрудничества, должна стоять угроза применения силы, если общественная система не хочет постоянно жить под дамокловым мечом произвола любого из его членов. Необходимо иметь возможность заставить человека, не уважающего жизнь, здоровье, личную свободу или частную собственность других, подчиняться правилам жизни в обществе. Именно эту функцию ли-

беральная доктрина возлагает на государство — защиту собственности, свободы и мира.

Немецкий социалист Фердинанд Лассаль попытался выставить на посмешище концепцию правительства, ограниченного исключительно этой сферой, назвав государство, построенное на основе либеральных принципов, «государством — ночным сторожем». Однако трудно понять, почему государство — ночной сторож должно быть чем-то хуже и выглядеть нелепее, чем государство, занимающееся квашением капусты, изготовлением брючных пуговиц или изданием газет. Чтобы понять впечатление, которое Лассаль стремился вызвать своей остротой, необходимо помнить, что немцы его времени еще не забыли государство монархических деспотов, обладающее огромным множеством административных и регулирующих функций, и по-прежнему находившееся под сильным влиянием философии Гегеля, возводившей государство в ранг божественной сущности. Если вслед за Гегелем смотреть на государство как на «самостоятельную нравственную субстанцию», как на «всеобщее в себе и для себя, рациональность воли»¹⁶, тогда, конечно, следует считать богохульной любую попытку ограничить функцию государства функцией ночного сторожа.

Только этим можно объяснить, как люди могли зайти столь далеко, чтобы упрекать либерализм во

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

«враждебности» и неприязни к государству. Если я придерживаюсь мнения, что нецелесообразно ставить перед правительством задачу управления железными дорогами, гостиницами или шахтами, то я являюсь «врагом государства» не больше, чем мог бы называться врагом серной кислоты из-за того, что, по моему мнению, будучи полезной для многих целей, она непригодна ни для питья, ни для мытья рук.

Неправильно представлять отношение либерализма к государству, как будто он желает ограничить сферу деятельности последнего и что он в принципе питает отвращение к любому возможному участию государства в экономической жизни. О такой интерпретации не может идти речи. Позиция либерализма по отношению к функции государства представляет собой необходимое следствие защиты им частной собственности на средства производства. Являясь сторонником последней, нельзя, разумеется, быть одновременно сторонником общественной собственности на средства производства, т.е. отдачи их в распоряжение правительства, а не индивидуальных владельцев. Таким образом, оставление частной собственности на средства производства уже подразумевает жесткое ограничение функций, поручаемых государству.

Социалисты иногда имеют обыкновение упрекать либерализм за недостаточную последовательность. Не-

логично, утверждают они, ограничивать активность государства в экономической сфере исключительно защитой собственности. Трудно понять, почему, если государство не остается полностью нейтральным, его вмешательство следует ограничить защитой прав собственников.

Этот упрек был бы оправдан, если бы возражение либерализма против любой деятельности правительства в экономической сфере, выходящей за рамки защиты собственности, происходило от принципиального отворачивания к любой активности со стороны государства. Но это совершенно не так. Причина, по которой либерализм возражает против дальнейшего расширения сферы деятельности правительства, как раз и заключается в том, что это фактически упразднит частную собственность на средства производства. А в частной собственности либерал видит принцип, который лучше всего подходит для организации жизни человека в обществе.

8. ДЕМОКРАТИЯ

Либерализм, следовательно, далек от того, чтобы оспаривать механизм государства, систему права и правительство. Хотя как-то связывать его с анархизмом является серьезным недоразумением. Для либерала государство представляется абсолютной необходимостью, так как на него возложены самые важные задачи: защи-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

та не только частной собственности, но и мира, ибо если не будет последнего, то нельзя будет воспользоваться всеми выгодами частной собственности.

Одних этих соображений достаточно, чтобы определить условия, которым должно удовлетворять государство, чтобы соответствовать либеральному идеалу. Оно не только должно быть способно защищать частную собственность, оно также должно быть организовано таким образом, чтобы ровный и мирный ход развития общества никогда не прерывался гражданскими войнами, революциями и восстаниями.

Многие люди все еще находятся в плену отношения к долиберальной эпохе идеи о благородстве и достоинстве, связанных с выполнением правительственных функций. До недавнего времени государственные чиновники в Германии пользовались, а зачастую и сегодня еще пользуются, престижем, который делает карьеру госслужащего самой уважаемой. Почтение общества к молодому «асессору»¹⁷ или лейтенанту несравнимо с почтением к коммерсанту или адвокату, состарившимся в честных трудах. Писатели, ученые и художники, известность и слава которых распространилась далеко за пределы Германии, на своей родине пользуются только уважением, соответствующим их рангу в бюрократической иерархии, зачастую весьма скромному.

В переоценке деятельности, выполняемой в конторах органов государственного управления, нет ничего рационального. Это атавизм, рудимент того времени, когда бюргеры вынуждены были бояться государей и их рыцарей, поскольку в любой момент могли быть ограблены ими. Проводить дни в правительственной конторе, заполняя документы, само по себе не является более благородным, более почетным занятием, чем, например, работать в чертежном отделе машиностроительного завода. Работа налогового инспектора не является более важной, чем работа человека, непосредственно создающего богатство, часть которого изымается в форме налогов на оплату расходов правительственного аппарата.

Представление об особой почетности и достоинстве, приписываемых исполнению любых функций правительства, лежит в основе псевдodemократической теории государства. Согласно этой доктрине постыдно позволять другим править собой. Ее идеалом является конституция, по которой правит и управляет народ в целом. Разумеется, этого никогда не было, никогда не может быть и никогда не будет возможно, даже в условиях небольшого государства. Когда-то считалось, что этот идеал был осуществлен в античных греческих городах-государствах и в маленьких кантонах швейцарских гор. Это также было ошибкой. В Греции только часть населения, свободные граждане, имели какое-то представи-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

тельство в правительстве, а метеки¹⁸ и рабы — не имели. В кантонах Швейцарии на основе конституционного принципа прямой демократии решались и решаются только некоторые вопросы чисто местного характера; все дела, выходящие за пределы узких территориальных границ, относятся к ведению федерации, форма правления которой ни в какой мере не соответствует идеалу прямой демократии.

Нет ничего постыдного в том, что человек позволяет, чтобы им правили другие. Правительство и государственный аппарат, принуждение к исполнению полицейских норм и правил также требуют специалистов: профессиональных чиновников и профессиональных политиков. Принцип разделения труда действует и в отношении функций правительства. Невозможно быть одновременно и инженером, и полицейским. То, что я не полицейский, никак не умаляет моего достоинства, благополучия или свободы. То, что несколько человек несут ответственность за обеспечение защиты для всех остальных, не более недемократично, чем то, что несколько человек для всех остальных производят обувь. Если институты государства являются демократическими, то нет ни малейшей причины возражать против существования профессиональных политиков и профессиональных чиновников. Однако демократия не имеет ничего общего с выдумками романтических фантазе-

ров, болтающих о прямой демократии. Правление горстки людей — а правители всегда составляют такое же меньшинство по отношению к тем, кем они правят, как и производители обуви по отношению к потребителям обуви — зависит от согласия управляемых, т.е. от признания ими существующего государственного аппарата. Они могут смотреть на него как на меньшее зло или как на неизбежное зло и все же придерживаться мнения, что изменение существующей ситуации было бы нецелесообразным. Но как только большинство управляемых приходит к убеждению, что необходимо и возможно изменить форму правления и заменить старый порядок и старые кадры новым порядком и новыми кадрами, дни первого сочтены. Большинство в состоянии осуществить свои желания силой даже против воли старого порядка. В долгосрочной перспективе ни одно правительство не может удержаться у власти, если не опирается на общественное мнение, т.е. если управляемые не убеждены в том, что данное правительство является хорошим. Правительство может успешно использовать силу для умирения духа непокорности только до тех пор, пока большинство не объединяется в сплоченную оппозицию.

Следовательно, при любом государственном устройстве существуют средства, чтобы по крайней мере сделать правительство зависимым от воли управляемых,

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

а именно — гражданская война, революция, восстание. Но именно этих средств либерализм стремится избегать. Если мирный ход событий постоянно прерывается внутренними столкновениями, не может быть никакого устойчивого экономического улучшения. Политическая ситуация, существовавшая в Англии во время войн Роз¹⁹, всего за несколько лет ввергла бы современную Англию в глубочайшую и ужасную нищету. Нынешний уровень экономического развития никогда не был бы достигнут, если бы не было найдено способа предотвращать постоянные вспышки гражданских войн. Братоубийственная борьба наподобие Французской революции 1789 г.²⁰ сопровождается тяжелыми потерями жизней и имущества. Нынешняя экономика не выдержит таких потрясений. Население современных крупных городов так сильно пострадает от революционного восстания, которое может прекратить ввоз продуктов питания и угля и остановить подачу электричества, газа и воды, что один только страх перед возможностью подобных беспорядков способен парализовать жизнь большого города.

Именно здесь общественная функция, выполняемая демократией, находит свое применение. Демократия — это такая форма политического устройства, которая позволяет приспособливать правительство к желаниям управляемых без насильственной борьбы. Если в демократическом государстве правительство боль-

ше не проводит ту политику, которую хотело бы видеть большинство населения, то, для того чтобы посадить в правительственные кабинеты тех, кто желает работать в соответствии с волей большинства, нет необходимости начинать гражданскую войну. Посредством выборов и парламентских процедур смена правительства происходит гладко и без трений — насилия и кровопролития.

9. КРИТИКА ДОКТРИНЫ СИЛЫ

Поборники демократии XVIII в. утверждали, что только монархи и их министры морально развращены, неблагоразумны и порочны. А народ в целом добродетелен, чист и благороден и, помимо всего прочего, обладает умственными способностями, чтобы всегда знать и все делать правильно. Это, разумеется, полная чушь, точно так же как и лезть придворных, приписывающих все добродетельные и благородные качества своим государям. Народ — это сумма всех отдельных граждан; и если некоторые индивиды не умны и не благородны, то и все вместе они не являются таковыми.

Поскольку в эпоху демократии человечество вступило воодушевленным столь возвышенными ожиданиями, не удивительно, что вскоре наступил период разочарования и крушения иллюзий. Быстро обнаружилось, что демократии совершают по меньшей мере столько

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

же ошибок, что и монархии и аристократии. Сравнение тех, кого во главе правительства поставили демократии, и тех, кого, пользуясь своей абсолютной властью, на эти должности возводили императоры и короли, оказалось не в пользу новых обладателей власти. Французы обычно говорят об «убийственности смешного». И в самом деле, государственные деятели, представляющие демократию, вскоре повсеместно сделали ее посмешищем. Деятели старого порядка²¹ по крайней мере внешне сохраняли определенное аристократическое достоинство. Заменявшие их новые политики своим поведением заставили себя презирать. Ничто не принесло большего вреда демократии в Германии и Австрии, чем непомерная надменность и бесстыдное тщеславие, отличавшее поведение лидеров социал-демократии, пришедших к власти после крушения империи.

Таким образом, где бы демократия ни одерживала победу, очень скоро в качестве фундаментальной оппозиции возникала антидемократическая доктрина. Мол, нет смысла в том, чтобы позволять большинству править. Править должны лучшие, даже если они находятся в меньшинстве. Это кажется столь очевидным, что число сторонников антидемократических движений всех видов постоянно растет. Чем больше презрения вызывали те, кого демократия вознесла на вершину, тем в большей степени росло число врагов демократии.

Однако в антидемократической доктрине кроются серьезные ошибки. Что, в конце концов, означают разговоры о «лучшем человеке» или о «лучших людях»? Польская республика поставила во главе себя пианиста-виртуоза, потому что считала его лучшим поляком века. Но качества, которыми должен обладать глава государства, сильно отличаются от качеств, которыми должен обладать музыкант. Используя слово «лучший», оппоненты демократии могут иметь в виду только то, что этот человек или люди лучше всего подходят для руководства государственными делами, даже если мало что или вообще ничего не понимают в музыке. Но это ведет все к тем же политическим вопросам: а кто лучше всего подходит для этого? Дизраэли или Гладстон? Тори считали лучшим первого, виги²² — второго. Кто должен это решать, если не большинство?

Здесь мы подходим к решающему пункту всех антидемократических доктрин, будь то доктрины потомков старой аристократии и сторонников наследуемой монархии или синдикалистов, большевиков и социалистов, а именно к доктрине силы. Оппоненты демократии отстаивают право меньшинства захватить силой управление государством и править большинством. Моральное оправдание такого образа действий заключается, как полагают, именно в силе реально захватить бразды правления. Лучшими признаются те, кто един-

1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ственно правомочен править и командовать благодаря продемонстрированной способности навязать свое правление большинству против его воли. В этом учение *l'Action Française*²³ совпадает с учениями синдикалистов, а доктрина Людендорфа и Гитлера — с доктриной Ленина и Троцкого.

В зависимости от религиозных и философских убеждений, относительно которых едва ли следует ожидать согласия, можно выдвинуть много аргументов как за, так и против этих доктрин. Здесь не место представлять и обсуждать аргументы «за» и «против», ибо они неубедительны. Единственно решающим может быть только соображение, основанное на фундаментальном аргументе в пользу демократии.

Если любой группе, которая считает себя способной навязать свое правление остальным, должно быть предоставлено право предпринять соответствующую попытку, то мы должны быть готовы к непрерывной серии гражданских войн. Но такое положение дел несовместимо с достигнутой на сегодня степенью разделения труда. Современное общество, основанное на разделении труда, можно сохранить только при условии прочного мира. Если бы мы были вынуждены готовиться к возможности постоянных гражданских войн и внутренней борьбы, то должны были бы вернуться на такую примитивную стадию разделения труда, чтобы по

крайней мере каждая провинция, если не каждая деревня, стала бы фактически автаркичной, т.е. способной, не ввозя ничего извне, временно прокормить и обслужить себя как самодостаточная экономическая единица. Это означало бы такое огромное снижение производительности труда, что земля могла бы прокормить только часть населения, которое она обеспечивает сегодня. Антидемократический идеал ведет к типу экономического порядка, известному средневековью и античности. Каждый город, каждая деревня, фактически каждое отдельное поселение были укреплены и подготовлены к обороне. В обеспечении товарами каждая провинция была насколько возможно независима от остального мира.

Демократ также придерживается мнения, что править должен лучший. Однако он считает, что готовность человека или группы людей к управлению государством будет продемонстрирована лучше, если им удастся так убедить своих сограждан в соответствии своей квалификации этой должности, чтобы они доверили им ведение государственных дел добровольно, чем если бы они прибегли к силе, чтобы заставить остальных признать их притязания. Тот, кто не может занять место лидера благодаря силе своих аргументов и доверия, внушаемого его личностью, не имеет причин жаловаться на то, что его сограждане предпочитают ему других.

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Разумеется, нельзя, да и не нужно отрицать, что в определенной ситуации соблазн отклониться от демократических принципов либерализма действительно становится очень велик. Если здравомыслящие люди видят, что их страна или все страны мира идут по пути разрушения, и не видят возможности побудить своих сограждан обратить внимание на их совет, они, возможно, могут склониться к мысли, что будет честно и справедливо прибегнуть к любым средствам, чтобы спасти всех от катастрофы. В таком случае может возникнуть и приобрести сторонников идея диктатуры элиты, правительства меньшинства, удерживающегося у власти при помощи силы и правящего в интересах всех. Но сила никогда не являлась средством преодоления этих трудностей. Тирания меньшинства никогда не может продолжаться долго, если ему не удастся убедить большинство в необходимости или, во всяком случае, в полезности своего правления. Но тогда меньшинство уже не будет нуждаться в силе, чтобы удерживаться у власти.

В истории содержится множество впечатляющих примеров, демонстрирующих, что даже самой жестокой политики репрессий недостаточно, чтобы правительство смогло удержаться у власти. Приведем только один, самый последний и наиболее известный пример: когда большевики захватили власть в России, они находились в ничтожном меньшинстве, а их программа

не встречала достаточной поддержки среди огромных масс сельских жителей. У крестьянства, составлявшего основную массу русского народа, не было ничего общего с большевистской политикой коллективизации деревни. Они хотели лишь раздела земли среди «деревенской бедноты», как называли эту часть населения большевики. И именно программа крестьянства, а не программа марксистских вождей была реализована на практике. Чтобы остаться у власти, Ленин и Троцкий не только приняли эту аграрную реформу, но даже сделали ее частью собственной программы, которую они приняли, чтобы защититься от всех нападков, как внешних, так и внутренних. Только так большевики смогли завоевать доверие широких масс русского народа. С того момента, как большевики приняли политику распределения земли, они правили уже не против воли широких народных масс, а при их согласии и поддержке. Они располагали только двумя возможностями: пожертвовать либо программой, либо властью. Они выбрали первое и остались у власти. Третьей возможности — воплощать свою программу при помощи силы против воли широких народных масс — вообще не существовало. Как всякое решительное и хорошо управляемое меньшинство, большевики могли захватить власть силой и удерживать ее в течение короткого периода времени. В долгосрочной перспективе шансов сохранить ее у них было не боль-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

ше, чем у любого другого меньшинства. Многочисленные попытки белых свергнуть большевиков провалились, потому что народные массы России были против них. Но если бы им это удалось, то победителям тоже пришлось бы уважать желания подавляющего большинства населения. После того как раздел земли стал свершившимся фактом, они не смогли бы ничего изменить и вернуть помещикам то, что у них было отнято.

Прочный режим может установить только группа, которая может рассчитывать на согласие управляемых. Тот, кто хочет, чтобы мир управлялся в соответствии с его идеями, должен стремиться к власти над умами людей. Невозможно на долгий срок подчинить людей режиму, который они отвергают. Любой, кто попытается сделать это силой, в конце концов плохо кончит, а борьба, спровоцированная его усилиями, принесет больше вреда, чем могло бы принести самое плохое правительство, основанное на согласии. Людей нельзя сделать счастливыми против их воли.

10. АРГУМЕНТЫ ФАШИЗМА

Хотя либерализм нигде не получил полного признания, его успех в XIX в. был таким, что по крайней мере некоторые из его наиболее важных принципов считались бесспорными. До 1914 г. даже самые упор-

ные и злейшие враги либерализма вынуждены были мириться с тем, что многие либеральные принципы не подлежали сомнению. Даже в России, куда смогли проникнуть лишь слабые лучи либерализма, сторонники царской деспотии, преследуя своих оппонентов, все же вынуждены были учитывать либеральное мнение Европы; а во время мировой войны партии войны в воюющих странах в борьбе против внутренней оппозиции должны были проявлять определенную сдержанность.

И только когда одержали верх и захватили власть социал-демократы марксистского толка, считавшие, что эпоха либерализма и капитализма ушла в прошлое навеки, исчезли последние уступки либеральной идеологии. Партии III Интернационала²⁴ считают допустимыми любые средства, если им кажется, что они сулят помощь в борьбе за достижение их целей. Тот, кто безоговорочно не принимает все их учения единственно верными и не стоит за них грудью, по их мнению, заслуживает смертного приговора; и если это физически возможно, то они не задумываясь уничтожают его и всю его семью, включая младенцев.

Откровенная приверженность политике истребления оппонентов и убийства, совершаемые в процессе проведения ее в жизнь, породили оппозиционное движение. Внезапно как будто пелена спала с глаз некоммунистических врагов либерализма. До этого они

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

верили, что даже в борьбе против ненавистного противника необходимо уважать определенные либеральные принципы. Пусть и неохотно, но они были вынуждены исключить убийства политических и общественных деятелей из списка мер, применяемых в политической борьбе. Им пришлось смириться с множеством ограничений в преследовании оппозиционной прессы и подавлении устного слова. Теперь же они внезапно столкнулись с появлением оппонентов, не обращающих внимания на все эти соображения и для которых все средства хороши для разгрома противников. Милитаристски и националистически настроенные враги III Интернационала почувствовали себя обманутыми либерализмом. Либерализм, думали они, остановил их руку, когда они хотели нанести удар по революционным партиям, пока еще можно было это сделать. Они считали, что если бы либерализм им не помешал, то с помощью крови им удалось бы задушить революционное движение в зародыше. Революционные движения получили возможность пустить корни и расцвести только благодаря терпимости, проявленной их оппонентами, сила воли которых была парализована уважением к либеральным принципам, оказавшимся, как показали дальнейшие события, чересчур щепетильными. Если бы идея допустимости безжалостного подавления любого революционного движения посетила их несколько лет назад, то победы, одержанные

III Интернационалом с 1917 г., никогда не стали бы возможны. Когда дело доходит до стрельбы и драки, милитаристы и националисты считают, что именно они являются самыми меткими стрелками и самыми искусными бойцами.

Основная идея этих движений — которые по имени самого грандиозного и вымуштрованного из них, итальянского, можно в общем назвать фашистскими — состоит в предложении применять те же самые беспринципные методы в борьбе против III Интернационала, какие последний применяет против своих оппонентов. III Интернационал стремится истреблять своих противников и их идеи подобно тому, как санитар стремится истребить болезнетворную бациллу. Он не чувствует себя хоть как-то связанным условиями соглашений, которые он мог бы заключить с противниками, и считает допустимыми в своей борьбе любое преступление, ложь и клевету. Фашисты, по крайней мере в принципе, провозглашают то же самое. То, что им еще не удалось в такой же степени, как русским большевикам, освободиться от определенного уважения к либеральным представлениям, идеям и традиционным этическим нормам, следует приписать исключительно тому, что они действуют в странах, где интеллектуальное и моральное наследие нескольких тысячелетий цивилизации невозможно разрушить одним ударом, а не среди варварских наро-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

дов по обе стороны Уральских гор, отношение которых к цивилизации никогда не отличалось от отношения мародерствующих обитателей лесов и пустынь, привыкших время от времени совершать набеги на цивилизованные земли в погоне за добычей. Из-за этой разницы фашизму никогда не удастся столь абсолютно, как русскому большевизму, освободиться от влияния либеральных идей. Только под свежим впечатлением убийств и зверств, творимых сторонниками Советов, немцам и итальянцам удалось блокировать воспоминания о традиционных сдерживающих принципах справедливости и морали и получить импульс к кровопролитной реакции. Деяния фашистских и соответствующих им партий были эмоциональными рефлексорными действиями, вызванными возмущением деяниями большевиков и коммунистов. Когда прошел первый прилив ярости, их политика приняла более умеренные формы и, возможно, со временем станет еще более умеренной.

Эта умеренность является результатом того, что традиционные либеральные взгляды все еще оказывают на фашистов подсознательное влияние. Но как бы то ни было, необходимо осознать, что обращение правых партий к тактике фашизма показывает, что борьба с либерализмом достигла таких успехов, которые совсем недавно считались бы совершенно немыслимыми. Несмотря на то что экономическая программа фашизма в целом

антилиберальна, а экономическая политика исключительно интервенционистская, многие одобряют методы фашизма, потому что он далек от бессмысленного и неограниченного деструкционизма, которым коммунисты заклеили себя как заклятые враги цивилизации. Другие, полностью отдавая себе отчет в том, какое зло несет фашистская экономическая политика, смотрят на фашизм в сравнении с большевизмом и советизмом как по крайней мере на меньшее из зол. Однако для большинства открытых и тайных сторонников и почитателей его привлекательность заключается именно в насильственном характере его методов.

Теперь невозможно отрицать, что единственный способ, которым можно оказать эффективное сопротивление насильственному нападению, — это насилие. В ответ на оружие большевиков должно применяться оружие, и было бы ошибкой проявлять слабость перед убийцами. Ни один либерал никогда не ставил это под сомнение. Либеральная тактика политических действий отличается от фашистской не иным мнением относительно необходимости использования вооруженной силы против вооруженных агрессоров, а иной фундаментальной оценкой роли насилия в борьбе за власть. Величайшая опасность, угрожающая внутренней политике со стороны фашизма, лежит в его абсолютной вере в решающую роль насилия. Для того чтобы

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

гарантировать успех, надо иметь волю к победе и всегда действовать силой. В этом заключается высший принцип фашизма. Что же происходит, однако, когда ваш оппонент, тоже воодушевленный стремлением к победе, также действует только насильственным образом? Результатом станет гражданская война. Окончательным победителем подобного конфликта окажется большая по численности фракция. В конечном итоге меньшинство — даже если оно состоит из наиболее способных и энергичных — не может добиться успеха в сопротивлении большинству. Решающая проблема, следовательно, сохраняется: как завоевать большинство для своей партии? Вопрос этот — чисто интеллектуального характера. Это победа, которую можно одержать, только вооружившись интеллектом, а никак не силой. Подавление всех оппонентов путем откровенного насилия является самым неудачным способом завоевания сторонников своего дела. Использование голых сил — т.е. без оправдания на языке разумных аргументов, принимаемых общественным мнением, — просто добавляет новых сторонников тем, с кем пытаются справиться таким способом. В борьбе между силой и идеей всегда побеждает идея.

Фашизм может восторжествовать сегодня только благодаря тому, что всеобщее возмущение подлостями, совершаемыми социалистами и коммунистами, заво-

евало ему симпатии широких кругов. Но когда свежесть впечатления от преступлений большевиков потускнеет, социалистическая программа восстановит свою привлекательность для широких масс, поскольку фашизм ничего не делает, чтобы ее побороть, кроме подавления социалистических идей и преследования людей, которые их распространяют. Если бы он действительно хотел одолеть социализм, то он должен бы выйти против него с идеями. Существует, однако, только *одна* идея, которую можно эффективно противопоставить социализму, а именно идея либерализма.

Часто говорят, что ничто так не способствует делу, чем сотворение мучеников, за него пострадавших. Это верно лишь в первом приближении. Дело преследуемой стороны крепнет не благодаря мученичеству его адептов, а из-за того, что его атакуют с помощью грубой силы, а не с помощью интеллектуального оружия. Репрессии всегда являются признаком неспособности применить лучшие средства — интеллект, лучшие, потому что только он обещает окончательный успех. Это фундаментальная ошибка, совершаемая фашизмом, которая в конце концов станет причиной его крушения. Победа фашизма в некоторых странах — лишь эпизод в длительной борьбе вокруг проблемы собственности. Следующим эпизодом будет победа коммунизма. Однако окончательный исход борьбы будет определяться не

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

силой оружия, а силой идей. Именно идеи распределяют людей по противоборствующим фракциям, вкладывают в их руки оружие и определяют, против кого и за кого это оружие будет использовано. Одни только идеи, а не оружие в конечном счете решают исход дела.

О внутренней политике фашизма нами сказано уже достаточно. То, что внешняя политика фашизма, основывающаяся на открыто декларируемом принципе силы в международных отношениях, не может не привести к бесконечной серии войн, способных разрушить современную цивилизацию, не требует дополнительного обсуждения. Поддерживать и продолжать повышать достигнутый нами уровень экономического развития возможно только в условиях гарантированного мира между народами. Но народы не могут жить в мире, если основной принцип идеологии, которой они руководствуются, состоит в вере в то, что их страна может обеспечить себе достойное место в международном сообществе только силой.

Нельзя отрицать, что фашизм и близкие ему движения, стремящиеся к установлению диктатуры, преисполнены лучших намерений и что их вмешательство в данный момент спасло европейскую цивилизацию. Эта заслуга фашизма останется в истории навечно²⁵. Но, несмотря на то что его политика принесла в данный момент спасение, она не принадлежит к числу тех, ко-

которые могут обещать устойчивый успех. Фашизм был временным средством, необходимым в чрезвычайной ситуации. Видеть в нем что-либо большее было бы губительной ошибкой.

11. ГРАНИЦЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Задача государства, как видит ее либерал, заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом. Правительство, которое вместо выполнения этой задачи стремится зайти так далеко, что фактически посягает на личную безопасность жизни и здоровья, свободу и собственность, будет, разумеется, отрицательным явлением.

В любом случае, как говорит Якоб Буркхардт, власть есть зло само по себе, независимо от того, кто ее осуществляет. Она имеет тенденцию развращать тех, кто ею обладает, и ведет к злоупотреблениям. К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть.

В Соединенных Штатах запрещены производство и продажа алкогольных напитков. Другие страны не за-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

ходят так далеко, но практически везде наложены определенные ограничения на продажу опиума, кокаина и других наркотиков. Защита индивида от самого себя повсеместно считается одной из задач законодательства и правительства. Даже те, кто в иных случаях обычно опасается расширения области деятельности правительства, считают, что в этом отношении ограничение свободы индивида оправданно, и лишь невежественные доктринеры могут выступать против этих запретов. Фактически одобрение этого вида вмешательства властей в жизнь индивидов столь широко, что те, кто выступает против либерализма по принципиальным соображениям, склонны основывать свою аргументацию на якобы не вызывающем сомнения признании необходимости таких запретов и делают вывод, что полная свобода является злом и что власти, оберегая благополучие индивида, должны налагать определенные ограничения на его свободу. Мол, вопрос не в том, должны ли власти ограничивать свободу индивида, а в том, как далеко они могут заходить в этом отношении.

Не стоит тратить слов на признание пагубности любых наркотиков. Вопрос не в том, вреден ли алкоголь даже в небольших количествах или вред причиняет злоупотребление алкогольными напитками. Установлено, что алкоголизм, кокаинизм и морфинизм являются смертельными врагами жизни, здоровья, способности

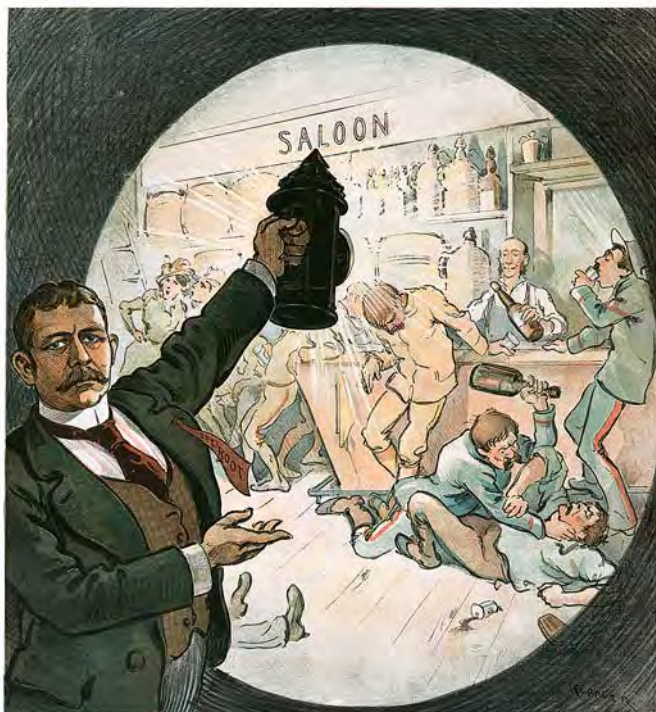
к работе и наслаждениям, и поэтому утилитарист должен считать их пороками. Но из этого отнюдь не вытекает, что власти должны вмешиваться и подавлять эти пороки посредством коммерческих запретов. Тем более ни в коем случае не очевидно, что вмешательство государства действительно способно с ними справиться, или, если эта цель может быть достигнута, это не может тотчас же открыть ящик Пандоры, из которого могут появиться другие опасности, не менее пагубные, чем алкоголизм и морфинизм.

Тому, кто убежден, что пристрастие или чрезмерное пристрастие к этим ядам вредно, никто не помешает жить умеренно и воздержанно. Проблема не в алкоголизме, кокаинизме, морфинизме и т.д., которые любой разумный человек считает злом. Вопрос в другом: если большинство граждан в принципе считают себя вправе навязывать свой образ жизни меньшинству, трудно остановиться на запрещении пристрастия к алкоголю, кокаину, морфию и другим подобным ядам. Почему то, что оправданно в отношении этих ядов, не оправданно в отношении никотина, кофеина и т.д.? Почему государство не должно предписывать в целом, что можно употреблять в пищу, а чего следует избегать по причине вредности? В спорте также многие люди, тренируясь, склонны перенапрягать свои силы. Почему бы государству и здесь не вмешаться? Мало кто из людей способен со-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

блюдать умеренность в сексуальной жизни, а пожилым людям особенно трудно понять, что им следуем совсем отказаться от этих удовольствий или, по меньшей мере, проявлять умеренность. Не следует ли государству вмешаться и сюда? Многие скажут, что чтение вредной литературы еще пагубнее. Следует ли позволять прессе, потакающей низменным инстинктам, развращать души? Не следует ли запретить демонстрацию порнографических картин, непристойных пьес, короче, всех приманок безнравственности? И не является ли распространение ложных социологических учений столь же вредным для людей и народов? Следует ли позволять заниматься подстрекательством к гражданской войне или к войне против других стран? И следует ли позволять непристойными памфлетами и богохульными речами подрывать уважение к Богу и Церкви?

Мы видим, что как только мы отказываемся от принципа, согласно которому государство не должно вмешиваться ни в какие вопросы, затрагивающие образ жизни индивида, мы в конце концов приходим к тому, что начинаем регулировать его в мельчайших деталях. Личная свобода индивида упраздняется. Он становится рабом общества, обязанным повиноваться диктату большинства. Едва ли есть необходимость широко распространяться о возможных способах злоупотребления такой властью. Даже если такого рода полномочия бу-

**УСТАНОВЛЕНО, ЧТО АЛКОГОЛИЗМ, КОКАИНИЗМ И МОР-
ФИНИЗМ ЯВЛЯЮТСЯ СМЕРТЕЛЬНЫМИ ВРАГАМИ ЖИЗНИ,
ЗДОРОВЬЯ, СПОСОБНОСТИ К РАБОТЕ И НАСЛАЖДЕНИЯМ,
И ПОЭТОМУ УТИЛИТАРИСТ ДОЛЖЕН СЧИТАТЬ ИХ ПОРО-
КАМИ. НО ИЗ ЭТОГО ОТНЮДЬ НЕ ВЫТЕКАЕТ, ЧТО ВЛАСТИ
ДОЛЖНЫ ВМЕШИВАТЬСЯ И ПОДАВЛЯТЬ ЭТИ ПОРОКИ...**

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

дут находиться в распоряжении людей, действующих из лучших побуждений, это неизбежно превратит мир в кладбище духа. Весь прогресс человечества достигнут в результате того, что инициатива незначительного меньшинства, отклонившись от идей и традиций большинства, в конце концов заставляла его воспринять новшества. Предоставить большинству право диктовать меньшинству, о чем ему думать, что читать и что делать, означает раз и навсегда поставить крест на каком бы то ни было прогрессе.

И пусть нам не говорят, что борьба с морфинизмом и борьба против «вредной» литературы — совершенно разные вещи. Единственная разница заключается только в том, что некоторые из тех, кто выступает за запрет первого, не согласятся с запретом последнего. В Соединенных Штатах методисты и фундаменталисты сразу же после принятия закона о запрещении производства и продажи алкогольных напитков начали борьбу за запрещение эволюционной теории и во многих штатах уже добились изгнания дарвинизма из школ. В Советской России подавлено любое свободное выражение взглядов. Будет ли дано разрешение на публикацию какой-либо книги, зависит от решений необразованных и неотесанных фанатиков, поставленных во главе правительственного органа, облеченного властью заботиться об этих вопросах.

Склонность наших современников требовать авторитарного запрета, как только им что-то не нравится, и их готовность подчиняться этим запретам, даже когда то, что попало под запрет, является для них вполне приемлемым, демонстрирует сохранение у них глубоко въевшегося духа рабской покорности. Необходимы долгие годы самообразования, прежде чем подданный сможет превратиться в гражданина. Свободный человек должен уметь быть терпимым, если поведение и образ жизни его ближнего не соответствуют его представлениям о должном. Он должен избавиться от привычки звать полицию всякий раз, когда ему что-то не нравится.

12. ВЕРОТЕРПИМОСТЬ

Либерализм ограничивает свое внимание целиком и полностью земной жизнью и земными устремлениями. Царство религии не относится к этому миру. Таким образом, либерализм и религия могли бы существовать бок о бок, не соприкасаясь друг с другом. И не вина либерализма в том, что между ними возникли противоречия. Он не выходил за границы свойственной ему области и не вторгался на территорию религиозной веры или метафизической доктрины. Тем не менее он столкнулся с Церковью как политической силой, предъявляющей претензии на право регулировать в соответствии

1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

со своими взглядами не только отношение человека с грядущим миром, но также и дела этого мира. Именно здесь и пришлось организовать линию фронта.

В этом конфликте либерализм одержал столь убедительную победу, что Церковь была вынуждена раз и навсегда отказаться от претензий, решительно предъявляемых ею на протяжении тысячелетий. Сжигание еретиков, преследования инквизиции, религиозные войны — все это сегодня принадлежит истории. Сейчас никто не может понять, как можно было тащить в суд, заключать в тюрьмы, мучить и сжигать тихих людей, отправлявших религиозные обряды, пусть и руководствуясь собственными представлениями, в четырех стенах своих домов. Но даже если больше не пылают костры *ad maiorem Dei gloriam*²⁶, нетерпимость все еще сохраняется.

Либерализм, однако, должен быть нетерпим к любому виду нетерпимости. Если считать мирное сотрудничество всех людей целью общественной эволюции, то нельзя священникам и фанатикам позволять нарушать мир. Либерализм провозглашает терпимость к любой религиозной вере и к любому метафизическому убеждению не по причине безразличия к этим «высшим» вещам, а из убежденности в том, что гарантия мира в обществе должна иметь приоритет над всем и всеми. А поскольку он требует терпимости к любому мнению и к любой

церкви и секте, он должен напоминать им об их границах, когда они начинают проявлять нетерпимость за их пределами. В общественном порядке, основанном на мирном сотрудничестве, нет места притязаниям Церкви на монополию обучения и образования молодежи. Церкви можно и должно быть отдано только то, на что по собственной воле дают согласие ее приверженцы; но в отношении людей, которые не хотят иметь с ней ничего общего, ей не может быть позволено ничего.

Трудно понять, как эти принципы либерализма могут иметь врагов среди прихожан различных конфессий. Если они не позволяют Церкви вербовать новообращенных силой — своей собственной или предоставляемой в ее распоряжение государством, — то, с другой стороны, они точно так же защищают эту Церковь от принудительного обращения ее сторонников в другую веру. То, что либерализм забирает у Церкви одной рукой, он возвращает ей обратно другой рукой. Даже религиозные фанатики должны признать, что либерализм не отбирает у веры ничего из того, что принадлежит ее сфере деятельности.

Разумеется, церкви и секты, которые там, где они имеют превосходство, но не могут преследовать инакомыслящих, там, где они оказываются в меньшинстве, также требуют терпимости по крайней мере по отношению к себе. Однако это требование терпимости не име-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

ет ничего общего с либеральным требованием терпимости. Либерализм требует терпимости, следуя принципу, а не из противоречия. Он требует терпимости даже к очевидно бессмысленным учениям, абсурдным формам ереси и по-детски глупым суевериям. Он требует терпимости к доктринам и убеждениям, являющимся вредными и разрушительными для общества, и даже к тем движениям, с которыми неутомимо борется. Требовать и проявлять терпимость либерализм побуждают не уважение к содержанию доктрины, к которой следует быть терпимым, а знание того, что только терпимость может создать и сохранить мир в обществе, без которого человечество будет отброшено в варварство и нужду давно прошедших эпох.

Против всего глупого, бессмысленного, ошибочного и вредного либерализм борется с помощью оружия разума, а не грубой силы и репрессий.

13. ГОСУДАРСТВО

И АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Государство представляет собой аппарат сдерживания и принуждения. Это относится не только к «государству — ночному сторожу», но и к любому другому, а больше всего к социалистическому государству. Все, что способно сделать государство, оно делает по-

средством принуждения и силы. Подавление поведения, опасного для общественного порядка, отражает самую суть деятельности государства. В социалистическом обществе к этому добавляется контроль над средствами производства.

Здравая логика римлян выразила этот факт символически в принятии в качестве эмблемы государства изображения топора и связки розг. Глубокомысленный мистицизм, называющий себя философией, сделал в наше время все возможное, чтобы затемнить суть вопроса. Для Шеллинга государство есть прямой и видимый образ абсолютной жизни, ступень в раскрытии Абсолюта или Мировой Души. Государство существует только ради самого себя, и его деятельность направлена исключительно на поддержание как сущности, так и формы своего существования. Для Гегеля в государстве обнаруживает себя Абсолютный Разум и реализует себя Объективный Дух. Это этический разум, развившийся в органичную реальность — реальность и этическую идею как проявившуюся, овеществленную волю. Эпигоны идеалистической философии в обожествлении государства превзошли даже своих учителей. Разумеется, нельзя также приблизиться к истине, если в качестве реакции на эти и аналогичные доктрины, подобно Ницше, называть государство самым холодным из всех холодных чудовищ²⁷. Государство не является ни холод-

1. **ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

ным, ни теплым, это абстрактная концепция, от имени которой действуют живые люди — органы государства, правительство. Любая активность государства — это человеческая деятельность, зло, причиняемое людям людьми. Цель — сохранение общества — оправдывает действия органов государства, но зло не ощущается меньше теми, кто от него страдает.

Зло, которое один человек причиняет другому, приносит вред обоим — не только тому, кому оно причиняется, но и тому, кто его совершает. Ничто так не развращает человека, как возможность быть орудием закона и причинять людям страдания. Удел подданного — страх, раболепие и льстивое подхалимство; но фарисейское лицемерие, чванство и самонадеянность господина — не лучше.

Либерализм стремится вырвать жало из отношений правительственного чиновника к гражданину. Разумеется, при этом он не идет по стопам тех романтиков, которые защищают антиобщественное поведение нарушителя закона и осуждают не только судей и полицейских, но и общественный порядок как таковой. Либерализм и не желает, и не может отрицать, что власть государства принуждать и законное наказание преступников — это институты, без которых общество никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет обойтись. По мнению либерала, цель наказания состоит только в том,

чтобы, насколько это возможно, исключить опасное для общества поведение. Наказание не должно быть ни мстительным, ни карательным. Преступник наказывается законом, а не ненавистью и садизмом судьи, полицейского или жаждущей линчевания толпы.

Самое плохое в принудительной власти, которая оправдывает себя именем «государства», связано с тем, что, из-за того что оно всегда в конечном итоге опирается на согласие большинства, острие ее атаки направлено на зарождающиеся новшества. Человеческое общество не может обойтись без государственного аппарата, но весь прогресс человечества вынужденно достигался в условиях сопротивления и противодействия государства и его принудительных сил. Не удивительно, что никто из тех, у кого было что предложить человечеству нового, не мог сказать о государстве и его законах ничего хорошего! Неисправимые этатистски настроенные мистики и почитатели государства по этому поводу могут иметь к ним определенные претензии. Либералы поймут их позицию, даже если не смогут с ней согласиться. Тем не менее либерал должен бороться с этим вполне понятным отвращением ко всему, что связано с тюремщиками и полицейскими, когда оно доходит до такой высокомерной самонадеянности, что провозглашает право человека на мятеж против государства. Насильственное сопротивление государственной власти — это послед-

1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

нее средство меньшинства в попытке вырваться из-под гнета большинства. Меньшинство, желающее добиться торжества своих идей, должно стремиться стать большинством с помощью интеллектуальных средств. Государство должно быть устроено таким образом, чтобы рамки его законов оставляли индивидам определенную свободу движений. Гражданин не должен быть ограничен в своих действиях настолько, чтобы, если он думает не так, как те, кто находится у власти, у него оставался единственный выбор — либо погибнуть, либо разрушить государственный механизм.

ГЛАВА 2

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

1. Организация экономики

Можно выделить пять различных мыслимых систем организации сотрудничества людей в обществе, основанном на разделении труда: систему частной собственности на средства производства, развитую форму которой мы называем капитализмом; систему частной собственности на средства производства с периодической конфискацией всего богатства и его последующим перераспределением; систему синдикализма; систему общественной собственности на средства производства, которая известна как социализм и коммунизм; и наконец, систему интервенционизма.

История частной собственности на средства производства совпадает с историей развития человечества от животноподобного состояния к высшим до-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

стижениям современной цивилизации. Противники частной собственности приложили огромные усилия, чтобы доказать, что на первобытном этапе человеческого общества институт частной собственности еще не существовал в законченной форме, поскольку часть обрабатываемой земли подлежала периодическому перераспределению. Из этого наблюдения, которое показывает, что частная собственность является всего лишь «исторической категорией», они сделали вывод, что без нее снова можно было бы вполне спокойно обойтись. Логическая ошибка, содержащаяся в этом рассуждении, столь вопиюща, что не требует дальнейшего обсуждения. То, что в далекой древности общественное сотрудничество существовало даже при отсутствии полностью реализованной системы частной собственности, никак не может служить доказательством, что без частной собственности можно обойтись также и на более высоких ступенях развития цивилизации. Если история и может что-либо доказать в отношении этого, так только то, что нигде и никогда не существовало народа, который без частной собственности поднялся бы над состоянием жесточайшей нужды и дикости, едва отличной от животного существования.

Ранние противники системы частной собственности на средства производства нападали не на институт частной собственности как таковой, а только на

неравенство в распределении дохода. Они рекомендовали ликвидировать неравенство дохода и богатства посредством системы периодического перераспределения всего количества товаров или по крайней мере земли, которая в то время фактически была единственным фактором производства, принимаемым в расчет. В технологически отсталых странах, где преобладает примитивное сельскохозяйственное производство, идея равного распределения собственности сохраняет свое влияние и сегодня. Люди привыкли называть это аграрным социализмом, хотя такое название абсолютно неуместно, поскольку эта система не имеет ничего общего с социализмом. Большевицкая революция в России, начавшаяся как социалистическая, установила в сельском хозяйстве не социализм, т.е. общественную собственность на землю, а аграрный социализм. На значительных территориях остальной Восточной Европы раздел крупных землевладений между мелкими фермерами под именем аграрной реформы выступает как идеал, поддерживаемый влиятельными политическими партиями.

Нет необходимости дальше углубляться в обсуждение этой системы. Едва ли можно спорить с тем, что это должно привести к снижению продуктивности человеческого труда. Только там, где земля все еще обрабатывается самым примитивным образом, можно не заметить снижения продуктивности, которое последует

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

за ее разделом и перераспределением. С чрезвычайной бессмысленностью дробления молочной фермы, оборудованной по последнему слову техники, согласятся все. Распространение принципа разделения и перераспределения промышленных или коммерческих предприятий вообще немыслимо. Невозможно разделить железную дорогу, прокатный стан или машиностроительный завод. Периодическое перераспределение собственности можно предпринимать, только предварительно полностью разрушив экономику, основанную на разделении труда и свободном рынке, и вернувшись к экономике самодостаточных усадебных хозяйств, которые хотя и существуют бок о бок, но не вовлечены в обмен между собой.

Идея синдикализма представляет собой попытку адаптировать идеал равного распределения собственности к обстоятельствам современного крупномасштабного производства. Синдикализм стремится наделить собственностью на средства производства не индивидов, не общество, а рабочих, занятых в конкретной отрасли производства*.

---

* Синдикализм как цель и как социальную идею не следует смешивать с синдикализмом как профсоюзной тактикой («прямое действие» французских синдикалистов). Разумеется, последняя может служить средством в борьбе за осуществление синдикалистского идеала,

Поскольку пропорции, в которых соединяются материальные и личные факторы производства, в различных отраслях производства различны, то равенство в распределении собственности таким способом вообще не может быть достигнуто. В одних отраслях рабочий с самого начала получит большую часть собственности, чем в других. Стоит только представить трудности, которые при этом возникнут в связи с постоянно существующей в любой экономике необходимостью перемещения капитала и труда из одной отрасли в другую. Можно ли будет изъять капитал из одной отрасли промышленности, чтобы таким образом более щедро оснастить другую? Можно ли будет забрать рабочих из одной отрасли производства, чтобы перевести их в другую, где доля капитала на одного рабочего меньше? Невозможность подобных перемещений делает синдикалистское общество крайне нелепым и неосуществимым в качестве формы социальной организации. Кроме того, если мы предположим, что над отдельными группами существует центральная власть, на которую возложена обязанность осуществления таких перемещений, то мы уже

НО ЕЕ ТАКЖЕ МОЖНО ЗАСТАВИТЬ СЛУЖИТЬ ДРУГИМ ЦЕЛЯМ, НЕСОВМЕСТИМЫМ С ЭТИМ ИДЕАЛОМ. МОЖНО, НАПРИМЕР, ПЫТАТЬСЯ — И ИМЕННО НА ЭТО НАДЕЮТСЯ НЕКОТОРЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ СИНДИКАЛИСТЫ, — ПРИВЕГАЯ К СИНДИКАЛИСТСКОЙ ТАКТИКЕ, ДОСТИЧЬ СОЦИАЛИЗМА.

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

имеем дело не с синдикализмом, а с социализмом. В действительности синдикализм как социальный идеал столь абсурден, что только путаники, недостаточно вникшие в проблему, рисковали отстаивать его в принципе.

Социализм, или коммунизм, — это такая организация общества, при которой собственность — власть размещать все средства производства — вверена обществу, т.е. государству как общественному аппарату сдерживания и принуждения. Для того чтобы считать общество социалистическим, не важно, распределяется ли общественный дивиденд поровну или в соответствии с каким-либо иным принципом. Также не имеет решающего значения, будет ли социализм достигнут посредством формального перехода собственности на все средства производства государству, общественному аппарату сдерживания и принуждения, или частные владельцы номинально сохранят свою собственность, а обобществление будет заключаться в том, что все эти «собственники» обязаны использовать оставшиеся в их руках средства производства только в соответствии с предписаниями государства. Если правительство решает, что и как должно производиться, кому и по какой «цене» продаваться, то частная собственность продолжает существовать только номинально; а реально же вся собственность уже обобществлена, ибо главной движущей силой экономической активности является те-

перь не стремление предпринимателей и капиталистов к прибыли, а необходимость выполнять возложенные обязанности и подчиняться приказам.

Наконец, мы должны упомянуть об интервенционизме. Согласно широко распространенному мнению, существует нечто среднее между социализмом и капитализмом, третий способ организации общества: система частной собственности, регулируемая, контролируемая и направляемая изолированными авторитарными декретами (актами вмешательства).

Система периодического перераспределения собственности и система синдикализма больше обсуждаться не будут. Эти две системы не являются обычно предметом споров. Никто из тех, кого можно воспринимать всерьез, не защищает ни одну из них. Мы должны заняться рассмотрением социализма, интервенционизма и капитализма.

2. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

И ЕЕ КРИТИКИ

Жизнь человека не является состоянием безоблачного счастья. Земля — не рай. И хотя в этом нет вины общественных институтов, люди имеют обыкновение возлагать за это ответственность на них. В основе любой цивилизации, включая нашу, лежит частная соб-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ственность на средства производства. Поэтому люди, которые критикуют современную цивилизацию, начинают с частной собственности. Ее обвиняют во всем, что не нравится критику, особенно в тех пороках, источником которых служит деформация частной собственности и ограничение ее в различных аспектах, так что ее общественный потенциал не может реализоваться.

Обычно критик представляет, как все было бы прекрасно, если бы он все сделал по-своему. В своих мечтах он устраняет любую волю, противостоящую его собственной, ставя себя или кого-то, чья воля в точности совпадает с его, на место абсолютного хозяина мира. Каждый, кто проповедует право сильного, считает себя более сильным. Тот, кто поддерживает институт рабства, ни на мгновение не задумывается о том, что сам мог бы быть рабом. Тот, кто требует ограничения свободы совести, требует этого в отношении других, но не в отношении себя. Тот, кто отстаивает олигархическую форму правления, всегда причисляет себя к олигархии, а тот, кто приходит в экстаз при мысли о просвещенной деспотии или диктатуре, достаточно нескромен, чтобы в своих грезах предназначать себе роль просвещенного деспота или диктатора либо по крайней мере ожидать, что сам он станет деспотом над деспотом или диктатором над диктатором. Точно так же как никто не желает видеть себя в положении более слабого, угнетенно-

го, подавленного, депривилегированного, бесправного подданного, так и при социализме никто не желает быть никем иным, кроме главного руководителя или наставника главного руководителя. В мечтах и навязчивых фантазиях социализма нет иной жизни, которую стоило бы прожить.

По обыкновению противопоставляя прибыльность производительности, антикапиталистическая литература создала модель этих фантазий. То, что происходит при капиталистическом общественном порядке, мысленно противопоставляется тому, что — в соответствии с желаниями критика — будет достигнуто в идеальном социалистическом обществе. Все, что отклоняется от этого идеального образа, характеризуется как непроизводительное. То, что максимальная прибыльность для частных индивидов и максимальная производительность для общества не всегда совпадают, долгое время считалось самым серьезным возражением против капиталистической системы. И только в последние годы стало признаваться, что социалистическое общество не могло бы действовать иначе, чем это делает капиталистическое общество. Но даже там, где это мнимое противоречие все же существует, нельзя просто предположить, что социалистическое общество обязательно сделало бы все правильно, а капиталистический общественный порядок всегда следует осуждать, если он что-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

то делает иначе. Концепция производительности весьма субъективна, она не может являться отправным пунктом объективной критики.

Поэтому не стоит задерживаться на размышлениях нашего грезящего диктатора. В его видениях все старательны и послушны, все готовы выполнять его команды немедленно и пунктуально. Но в реальном, а не в воображаемом социалистическом обществе все обернется иначе. Предположение о том, что равное распределение совокупного годового продукта капиталистической экономики среди всех членов общества будет достаточно для гарантирования каждому достаточных средств к существованию, как это показывает простой статистический расчет, совершенно неверно. Тем самым социалистическое общество едва ли сможет таким способом достичь ощутимого повышения уровня жизни широких масс. Если оно обещает перспективы благополучия и даже богатства для всех, оно может делать это только исходя из предположения, что труд в социалистическом обществе будет более производительным, чем при капитализме, и что социалистическая система будет способна обойтись без большого количества избыточных — и, следовательно, непроизводительных — расходов.

В связи со вторым моментом думают, например, о ликвидации всех затрат, возникающих в результате издержек на сбыт, конкуренцию и рекламу товаров. Ясно,

что в социалистическом обществе нет места для подобного рода расходов. Однако не следует забывать, что социалистический аппарат распределения потребует немалых издержек, возможно, даже больших, чем в капиталистической экономике. Но не это является решающим элементом нашей оценки значимости этих затрат. Не усомнившись ни на мгновение, как само собой разумеющееся социалист предполагает, что в социалистической системе производительность труда будет по крайней мере такой же, как в капиталистическом обществе, и пытается доказать, что она будет даже более высокой. Однако в отличие от того, что думают защитники социализма, первое допущение ни в коей мере не самоочевидно. Количество вещей, производимое в капиталистическом обществе, зависит от способа организации производства. Решающее значение имеет тот факт, что на каждой стадии производства, в каждой отрасли особый интерес занятых в ней людей очень тесно связан с производительностью конкретной доли выполняемого труда. Каждый рабочий должен до предела напрягать свои силы, так как его заработная плата определяется результатом его труда, а каждый предприниматель должен стремиться производить как можно дешевле — т.е. при меньших затратах капитала и труда, — чем его конкуренты.

Только благодаря этим стимулам капиталистическая экономика способна создавать богатство, кото-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

рое она имеет. Возражать против якобы избыточных издержек капиталистической системы сбыта означает не видеть ничего дальше собственного носа. Тот, кто упрекает капитализм в растранижении ресурсов на основании того, что шумные торговые кварталы переполнены конкурирующими галантерейными и табачными лавками, не понимает, что такая организация торговли является всего лишь конечным результатом механизма производства, обеспечивающего наивысшую производительность труда. Весь прогресс производства был достигнут только потому, что постоянное движение вперед заложено в природе этого механизма. Методы производства постоянно улучшаются и совершенствуются только благодаря тому, что все предприниматели находятся в постоянной конкуренции друг с другом и безжалостно выбраковываются, если не способны создать и поддерживать прибыльное производство. Если бы этот стимул исчез, не было бы дальнейшего прогресса производства, все применяли бы традиционные методы, никто не стремился бы к экономии ресурсов. Следовательно, абсурдно ставить вопрос о том, сколько можно было бы сэкономить, если устранить затраты на рекламу. Скорее необходимо спросить, сколько можно произвести, если упразднить конкуренцию между производителями. Ответ на этот вопрос не вызывает сомнения.

Люди могут потреблять, только если они трудятся, и, следовательно, столько, сколько произведено их трудом. Далее, характерной чертой именно капиталистической системы является то, что она предоставляет каждому члену общества стимулы выполнять свою работу с максимальной эффективностью и тем самым достигать наивысшего объема производства. В социалистическом обществе будет не хватать этой прямой связи между трудом индивида и товарами и услугами, которыми в результате он может наслаждаться. Стимулом к работе будет не возможность наслаждаться плодами своего труда, а команда властей работать и чувство долга. В следующей главе мы покажем, что такая организация труда невозможна.

В капиталистической системе всегда подвергался критике тот факт, что собственники средств производства находятся в привилегированном положении. Они могут жить не работая. Если смотреть на общественный порядок с индивидуалистической точки зрения, то следует признать это серьезным недостатком капитализма. Почему одному человеку должно быть лучше, чем другому? Но тот, кто посмотрит на вещи не с точки зрения конкретных людей, а с точки зрения общественно-го порядка в целом, обнаружит, что владельцы собственности могут сохранять свое приятное положение лишь при условии, что они оказывают обществу услугу, без

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

которой общество не может обойтись. Капиталист может сохранять свое привилегированное положение, только находя своим средствам производства применение, максимально важное для общества. Если он этого не делает — если он вкладывает свое богатство неразумно, — то будет нести убытки, и если вовремя не исправит совершенные ошибки, то будет безжалостно вытеснен с преимущественной позиции. Он перестанет быть капиталистом, а его место займут другие, более подготовленные для этого. В капиталистическом обществе средства производства всегда размещает тот, кто больше всего подходит для этой роли; и, хотя они того или нет, они должны постоянно заботиться о том, чтобы средства производства использовались таким образом, чтобы обеспечивать максимальный объем производства.

3. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

Все, кто обладает политической властью, — все правительства, все короли и все республиканские лидеры — всегда косо смотрели на частную собственность. Любой правительственной власти присуща тенденция не признавать никаких ограничений и, насколько возможно, расширять сферу своего господства. Цель, к которой тайно стремится каждый правитель, — это контролиро-

вать все, не оставлять места ни для чего, происходящего само собой без вмешательства властей. Вот только бы частная собственность не стояла на пути! Частная собственность создает для индивида область, в пределах которой он свободен от государства. Она устанавливает границы для действия воли властей.

Благодаря частной собственности могут возникнуть другие силы, независимые от политической власти и даже оппозиционные ей. Частная собственность, таким образом, становится основой для всех видов деятельности, свободных от насильственного вмешательства со стороны государства. Она является почвой, в которой вызревают семена свободы и автономии индивида, где в конечном счете коренится интеллектуальный и материальный прогресс. В этом смысле частную собственность даже называли фундаментальной предпосылкой развития индивида. Однако последняя формулировка может быть принята только с большими оговорками, ибо традиционное противопоставление индивида и коллектива, индивидуальных и коллективных идей и целей или даже индивидуалистической и универсалистской науки представляет собой бессодержательный предрассудок.

Таким образом, никогда не существовало политической власти, которая добровольно воздержалась бы от того, чтобы не препятствовать свободному развитию

В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА ВСЕГДА РАЗМЕЩАЕТ ТОТ, КТО БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОДХОДИТ ДЛЯ ЭТОЙ РОЛИ...

и функционированию института частной собственности на средства производства. Правительства относятся к частной собственности терпимо только тогда, когда их к этому принуждают, но они никогда не допустят ее добровольно, исходя из признания ее необходимости. Даже либеральные политики, получив власть, обычно отодвигают свои либеральные принципы в той или иной степени на задний план. Склонность ограничивать частную собственность, злоупотреблять политической властью и отказываться уважать и признавать какую-либо область свободы вне суверенитета государства слишком глубоко укоренилась в менталитете тех, кто управляет правительственным аппаратом сдерживания и принуждения, чтобы у них хватало сил сопротивляться ей добровольно. Либеральное правительство — это *contradictio in adjecto*²⁸. Правительства необходимо заставлять принимать либерализм на вооружение мощью единогласного мнения народа; и не следует надеяться, что они могут стать либеральными добровольно.

Легко понять, что могло бы принудить правителей признать права собственности своих подданных в обществе, состоящем исключительно из одинаково богатых фермеров. При таком общественном устройстве любая попытка ограничить право собственности немедленно встретила бы выступление против правительства объединенного фронта подданных и приве-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

ло бы к его падению. Однако совсем иначе выглядит ситуация в обществе, где существует не только сельскохозяйственное, но и промышленное производство, и особенно там, где существуют большие деловые предприятия, подразумевающие крупномасштабные инвестиции в промышленность, разработку полезных ископаемых и торговлю. В таком обществе у тех, кто контролирует правительство, существует возможность принять меры, направленные против частной собственности. В сущности, для правительства нет ничего политически более выгодного, чем нападки на права собственности, ибо, акцентируя на этом внимание, всегда легко подстрекать массы против собственников земли и капитала. Поэтому с незапамятных времен все абсолютные монархи, все деспоты и тираны стремились заключить союз с «народом» против имущих классов. Вторая империя²⁹ Луи Наполеона была не единственным режимом, основанным на принципе цезаризма³⁰. Прусское авторитарное государство Гогенцоллернов также восприняло идею, введенную в германскую политику Лассалем во время конституционной борьбы, о завоевании поддержки рабочих масс для борьбы с либеральной буржуазией посредством политики этатизма и интервенционизма³¹. Это был основной принцип «социальной монархии», столь превозносимой Шмоллером и его школой³².

Однако, несмотря на все преследования, институт частной собственности выжил. Ни враждебность правительств, ни кампания неприязни со стороны писателей и моралистов, церквей и религий, ни возмущение масс — само коренящееся в инстинктивной зависти — не смогли ее уничтожить. Любая попытка заменить ее каким-либо иным методом организации производства и распределения тотчас же оказывалась неосуществимой до нелепости. Людям приходилось признавать, что институт частной собственности необходим, и, хотели они того или нет, к нему возвращаться.

Но, несмотря ни на что, люди до сих пор отказываются признавать, что причину этого возвращения к институту свободной частной собственности на средства производства следует искать в том, что экономическая система, служащая нуждам и целям жизни человека в обществе, в принципе неосуществима иначе, как на этой основе. Люди не смогли заставить себя избавиться от идеологии, к которой успели прикипеть, а именно от веры в то, что частная собственность является злом, без которого, по крайней мере временно, нельзя обойтись, — до тех пор, пока люди еще недостаточно развиты этически. Хотя правительства — разумеется, вопреки своим намерениям и внутренней тенденции, свойственной любому организованному центру власти, — смирились с существованием частной собственности, они по-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

прежнему продолжают твердо придерживаться — не только внешне, но и в мыслях — идеологии, враждебной правам собственности. Действительно, они считают противодействие частной собственности в принципе правильным, а любое отклонение от этого с их стороны объясняется исключительно их собственной слабостью или учетом интересов могущественных групп.

4. НЕОСУЩЕСТВИМОСТЬ СОЦИАЛИЗМА

Люди, как правило, считают социализм неосуществимым на том основании, что человеку не хватает нравственных качеств, требуемых для социалистического общества. Есть опасения, что при социализме большинство людей не будут проявлять того же усердия в выполнении своих обязанностей и решении стоящих перед ними задач, какое они демонстрируют в каждодневной работе в условиях общественного порядка, основанного на частной собственности на средства производства. В капиталистическом обществе каждый индивид знает, что плоды его труда принесут удовольствие ему самому, что его доход увеличивается или уменьшается в соответствии с тем, увеличивается или уменьшается продукт его труда. В социалистическом обществе каждый будет думать, что меньше зависит от эффективности своего труда, так как в любом случае ему причита-

ется фиксированная доля совокупного продукта, а размер последнего не может ощутимо сократиться из-за потерь, вызываемых ленью одного человека. Если, как того следует опасаться, это убеждение станет всеобщим, то производительность труда в социалистическом сообществе значительно упадет.

Это возражение против социализма является абсолютно здравым, но оно не затрагивает сути проблемы. Если бы в социалистической экономике было возможно удостоверить результат труда каждого отдельного товарища с такой же точностью, с какой в капиталистической системе это достигается в отношении каждого работника при помощи экономического расчета, то осуществимость социализма не зависела бы от доброй воли конкретного индивида. Общество могло бы, по крайней мере в определенных пределах, определить долю совокупного результата, которую следует выделить каждому работнику на основе размера его вклада в производство. Неосуществимым социализм делает как раз то, что такого рода расчеты в социалистическом обществе невозможны.

В капиталистической системе расчет прибыльности является ориентиром, который указывает человеку, должно ли при данных обстоятельствах его предприятие вообще работать и работает ли оно максимально эффективно, т.е. при минимальных затратах факторов произ-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

водства. Если предприятие оказывается неприбыльным, это означает, что сырье, полуфабрикаты и труд, которые ему необходимы, применяются другими предприятиями для целей, которые, с точки зрения потребителей, являются более насущными и более важными, или для той же самой цели, но более экономично (т.е. с меньшими затратами капитала и труда). Когда, например, ручное ткачество стало неприбыльным, это означало, что капитал и труд, применяемые в машинном ткачестве, дают больше продукции, и, следовательно, неэкономично цепляться за технологию, которая при тех же затратах капитала и труда обеспечивает меньший выпуск.

При планировании нового предприятия можно подсчитать заранее, возможно ли его сделать прибыльным и каким образом. Если, например, кто-то имеет намерение построить железную дорогу, он может, оценив ожидаемый грузооборот и способность клиентов оплачивать тариф, рассчитать, окупится ли вложение капитала и труда в это предприятие. Если результаты расчета показывают, что проектируемая железная дорога не обещает прибыли, то это равносильно утверждению, что существуют другие, более насущные направления для применения капитала и труда, которые потребуются для сооружения железной дороги; мир пока недостаточно богат, чтобы позволить себе такие затраты. Расчет ценности и прибыльности имеет решающее значение

не только тогда, когда возникает вопрос о том, следует ли вообще начинать данное предприятие, он управляет каждым шагом предпринимателя при ведении его дела.

Капиталистический экономический расчет, который только и делает возможным рациональное производство, основан на денежном расчете. Только благодаря тому, что цены всех товаров и услуг на рынке можно выразить на языке денег, становится возможным, несмотря на всю их разнородность, вводить их в расчет, подразумевающий однородные единицы измерения. В социалистическом обществе, где всеми средствами производства владеет государство и где, следовательно, нет ни рынка, ни обмена производственными товарами и услугами, не может быть никаких денежных цен на товары и услуги высших порядков. Тем самым такой общественной системе не будет хватать инструмента для рационального управления деловыми предприятиями, а именно экономического расчета, поскольку экономический расчет не может существовать в отсутствие общего знаменателя, к которому можно привести разнородные товары и услуги.

Давайте рассмотрим очень простой случай. Пусть железную дорогу из *A* в *B* можно проложить по нескольким маршрутам. Предположим, что между *A* и *B* находится гора. Железную дорогу можно проложить через гору, вокруг горы или по тоннелю сквозь гору. В капи-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

талистическом обществе очень легко подсчитать, какой из вариантов окажется наиболее прибыльным. Определяются издержки, связанные с сооружением каждой из трех линий, и разница эксплуатационных издержек для обслуживания ожидаемого грузооборота на каждой из них. Из этих цифр нетрудно определить, какой вариант строительства будет наиболее прибыльным. В социалистическом обществе такие расчеты невозможны, ибо оно не располагает способом свести к одной единице измерения все разнородные количества и качества товаров и услуг, которые следует принять во внимание. Социалистическое общество будет беспомощным перед лицом самых обычных, каждодневных проблем, возникающих в экономике, ибо у него не будет способа вести свои счета.

Процветанием, позволившим гораздо большому количеству людей сегодня жить на нашей планете, чем в докапиталистическую эпоху, фактом своего существования мы обязаны исключительно капиталистическому методу производства, состоящему из длинных производственных цепочек, которые по необходимости требуют денежного расчета. При социализме это невозможно. Социалистические писатели тщетно старались показать, как можно управлять даже без денежного и ценового расчета. Все их усилия в этом отношении потерпели неудачу.

Таким образом, руководство социалистического общества столкнется с проблемой, которую оно не сможет решить. Оно будет не в состоянии решить, какой из бесчисленных возможных путей наиболее рационален. Возникший хаос в экономике быстро и неминуемо приведет к всеобщему обнищанию и возвращению к примитивным условиям, в которых когда-то жили наши предки.

Социалистический идеал, доведенный до логического конца, воплотился бы в общественный порядок, в котором собственность на средства производства принадлежит народу в целом. Производство будет полностью в руках правительства — центра власти в обществе. Оно одно будет определять, что и как производить, каким путем товары, готовые для потребления, будут распределяться. Не имеет большого значения, будет ли социалистическое государство будущего организовано на демократических принципах или как-то иначе. Даже демократическое социалистическое государство неизбежно представляло бы собой жестко организованную бюрократию, в которой каждый, кроме высших чиновников, будет находиться в положении подчиненного администратора, обязанного беспрекословно выполнять директивы центральной власти, несмотря на то что в качестве избирателя он вполне мог бы принимать активное участие в ее формировании.

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

Такого рода социалистическое государство нельзя сравнивать с государственными предприятиями, появившимися в последние десятилетия в Европе, особенно в Германии и России, независимо от их масштабов. Последние работают *бок о бок* с частной собственностью на средства производства. Они участвуют в коммерческих сделках с предприятиями, которыми владеют и управляют капиталисты, и получают от этих предприятий разнообразные стимулы для своей деятельности. Например, поставщики снабжают государственные железные дороги локомотивами, вагонами, сигнальными устройствами и другим оборудованием, механизмы которых успешно опробованы в процессе эксплуатации на частных железных дорогах. Таким образом, государственные предприятия получают стимулы к внедрению новшеств для того, чтобы не отстать от развития технологии и методов делового управления, происходящего вокруг них.

Общеизвестно, что государственные и муниципальные предприятия в общем случае разоряются, что они затратны и неэффективны и что их необходимо дотировать из собранных налогов для того, чтобы поддерживать их функционирование. Разумеется, там, где государственное предприятие занимает монополистическое положение — что, например, распространено на муниципальном транспорте, в городском электриче-

ском хозяйстве и электростанциях, — отрицательные последствия неэффективности не обязательно всегда выражаются в видимом финансовом крахе. При определенных обстоятельствах его можно скрыть, используя доступную для монополиста возможность повышения цен на свои продукты и услуги настолько, чтобы, несмотря на неэкономичное управление, предприятия все равно оставались прибыльными. Более низкая производительность социалистического метода производства просто по-иному здесь проявляется, и ее не так просто выявить; однако по существу ничего не меняется.

Но ни один эксперимент социалистического управления конкретными предприятиями не может служить основой для оценки того, что было бы, если реализовать социалистический идеал общественной собственности на *все* средства производства. В социалистическом обществе будущего, в котором не останется места для свободной деятельности частных предприятий, работающих бок о бок с предприятиями, которыми владеет и управляет государство, центральному плановому органу будет не хватать критерия, задаваемого рынком и рыночными ценами для всей экономики в целом. На рынке, где торгуются все товары и услуги, для всего, что покупается и продается, можно определить обменные соотношения, выраженные в денежных ценах. При общественном порядке, основанном на част-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ной собственности, появляется, таким образом, возможность прибегнуть к денежному расчету для контроля за результатом любой экономической деятельности. Общественную производительность каждой экономической сделки можно проверить методами бухгалтерского учета и калькуляции затрат. Остается еще показать, что государственные предприятия не могут производить калькуляцию издержек теми же способами, что и частные предприятия. Тем не менее даже государственным и муниципальным предприятиям денежный расчет дает некоторую основу для оценки степени успешности управления ими. В полностью социалистической экономической системе это будет абсолютно невозможно, ибо в отсутствие частной собственности на средства производства не будет обмена капитальными благами на рынке, а следовательно, ни денежных цен, ни денежного расчета. Поэтому у высшего руководства чисто социалистического общества не будет средства для сведения к общему знаменателю издержек производства всех разнородных товаров, которые оно планирует произвести.

Также нельзя достичь этого путем сопоставления расходов в натуральном выражении со сбережениями в натуральном выражении. Нельзя ничего рассчитывать, если невозможно привести к общей мере рабочее время, металл, уголь, стройматериалы, механизмы и все остальное, что требуется в процессе функционирования

и управления различными предприятиями. Расчет возможен только тогда, когда все рассматриваемые товары можно перевести на язык денег. Конечно, денежные вычисления несовершенны и имеют свои недостатки, но ничего лучшего в нашем распоряжении нет. Его достаточно для практических целей жизни до тех пор, пока денежная система здорова. Если бы мы отказались от денежного расчета, то любое экономическое вычисление стало бы абсолютно невозможным.

Это и есть то решающее возражение, которое экономисты выдвигают против возможности социалистического общества. Оно должно было бы отказаться от умственного разделения труда, заключающегося в сотрудничестве всех предпринимателей, землевладельцев и рабочих в качестве производителей и потребителей в процессе формирования рыночных цен. Но без этого рациональность, т.е. возможность экономического расчета, немыслима.

5. ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ

Социалистический идеал сейчас все больше и больше начинает терять своих приверженцев. Глубокие экономические и социологические исследования проблем социализма, которые показали его неосуществимость, не остались без последствий, а крах, которым

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

повсюду заканчиваются социалистические эксперименты, привел в замешательство даже самых фанатичных его поклонников. Постепенно люди снова начинают понимать, что общество не может обойтись без частной собственности. Тем не менее враждебная критика, которой десятилетиями подвергалась система частной собственности на средства производства, оставила столь сильное предубеждение против капиталистической системы, что, несмотря на то что люди знают о неадекватности и неосуществимости социализма, они не могут решиться открыто признать необходимость возврата к либеральным взглядам на вопрос собственности. Разумеется, все соглашались с тем, что социализм, т.е. общественная собственность на средства производства, неосуществим вообще или по крайней мере в настоящий момент. Но, с другой стороны, утверждалось, что ничем не сдерживаемая частная собственность на средства производства также является злом. Люди хотят создать третий путь, форму общества, стоящую посередине между частной собственностью на средства производства, с одной стороны, и общественной собственностью на средства производства — с другой. Частной собственности будет позволено существовать, но способы использования средств производства предпринимателями, капиталистами и землевладельцами будут регулироваться, направляться и контролироваться декретами

**РЕЗУЛЬТАТОМ ИСКУССТВЕННОГО ПОВЫШЕНИЯ ЗАРАБОТ-
НОЙ ПЛАТЫ... ЯВЛЯЕТСЯ РАСШИРЕНИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ**

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

и запретами властей. Тем самым формируется концептуальный образ регулируемого рынка, капитализма, ограниченного указами властей, частной собственности, освобожденной от ее якобы вредных сопутствующих качеств посредством вмешательства властей.

Лучше всего смысл и природу этой системы можно понять, если рассмотреть несколько примеров последствий государственного вмешательства. Решающие акты вмешательства, с которыми нам приходится иметь дело, нацелены на установление цен на товары и услуги на уровне, отличном от уровня, который был бы определен свободным рынком.

Цены, сложившиеся на свободном рынке или которые сформировались бы в отсутствие вмешательства со стороны властей, издержки производства покрываются выручкой. Если правительство посредством декрета установило более низкие цены, то выручка не компенсирует затрат. Поэтому если хранение товара не приводит к быстрому падению его ценности, то торговцы и производители изымут свой товар с рынка в ожидании лучших времен. Возможно, в надежде на скорую отмену правительственного указа. Если власти не хотят, чтобы соответствующие товары совсем исчезли с рынка, они не могут ограничиться фиксированием цены; они в то же время должны потребовать, чтобы все запасы были проданы по предписанной цене.

Но даже и этого недостаточно. При цене, определенной свободным рынком, предложение и спрос совпадут. Однако, поскольку цена, установленная правительственным декретом, ниже, то спрос увеличился, в то время как предложение осталось неизменным. Имеющихся запасов недостаточно, чтобы полностью удовлетворить всех, кто готов платить установленную цену. Часть спроса остается неудовлетворенной. Механизм рынка, который в ином случае стремился бы уравнивать предложение и спрос с помощью колебаний цен, больше не действует. Теперь люди, готовые заплатить цену, предписанную властями, должны уходить с рынка с пустыми руками. Те, кто оказался в очереди раньше, или те, кто смог использовать какие-то личные связи с продавцами, уже скупили весь запас; остальные вынуждены уходить ни с чем. Если государство хочет избежать такого рода последствий своего вмешательства, которые идут вразрез с его намерениями, то к контролю за ценами и принудительной продаже оно должно добавить рационирование: государственное регулирование должно определять, сколько товара может отпускаться конкретному претенденту по установленной цене.

Однако несравнимо более трудная проблема возникает, как только иссякает запас товара, имевшийся на момент правительственного вмешательства. Так как производство больше не является прибыльным, поскольку

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

товары необходимо продавать по цене, установленной правительством, то оно будет сокращено или вообще свернуто. Если правительство желает, чтобы производство продолжалось, оно должно заставить изготовителей продолжать производство, а с этой целью ему придется зафиксировать цены на сырье, полуфабрикаты, а также заработную плату. Однако такого рода декреты не могут ограничиваться только одной или несколькими отраслями производства, которые власти желают регулировать ввиду того, что считают их продукцию особенно важной. Они должны охватить все отрасли производства, регулировать цены на все товары и все ставки заработной платы. Короче говоря, власти должны распространить контроль на деятельность всех предпринимателей, капиталистов, землевладельцев и рабочих. Если некоторые отрасли производства остаются свободными, то капитал и труд потекут в них, и правительству не удастся достичь цели, которой оно хотело достичь первым актом вмешательства. Ведь целью властей является рост производства именно в той отрасли промышленности, которую они, приписав ее продукции особую важность, выделили особо. И то, что именно вследствие их вмешательства эта отрасль производства приходит в упадок, полностью противоречит их замыслу.

Поэтому совершенно очевидно, что попытка правительства вмешаться в действие экономической систе-

мы, основанной на частной собственности на средства производства, не достигает преследуемых целей. Она оказывается, с точки зрения ее авторов, не только тщетной, но и прямо противоречащей первоначальным намерениям, поскольку многократно усиливает то самое «зло», с которым должна была справиться. До введения мер контроля за ценами товар, по мнению государства, был слишком дорогим; теперь же он совсем исчезает с рынка. Это, однако, не тот результат, к которому стремились государство: оно хотело, чтобы товар был доступен потребителям по более низкой цене. Наоборот, с его точки зрения, отсутствие товара, невозможность его приобретения должно представляться намного большим злом. В этом смысле можно сказать, что вмешательство властей оказалось тщетным и противоречащим цели, которой было призвано служить, а система экономической политики, которая пытается действовать посредством подобных актов вмешательства, неосуществима и немыслима, так как противоречит экономической логике.

Если государство не вернет все в старое русло, отказавшись от вмешательства, т.е. отменив регулирование цен, то, сказав «А», оно должно будет сказать и «Б». К запрету требовать цену выше предписанной оно должно не только добавить меры, обязывающие продавать все имеющиеся запасы по системе принудительного рационирования, но и установить ценовой потолок на бла-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

га более отдаленных порядков, ввести регулирование заработной платы, а в конечном итоге — принудительный труд для предпринимателей и рабочих. Эти меры не могут ограничиваться одной или несколькими отраслями, а должны охватывать все отрасли экономики. Другого выбора просто не существует: либо воздерживаться от вмешательства в свободную игру рынка, либо делегировать все управление производством и распределением правительству. Либо капитализм, либо социализм — среднего пути нет.

Механизм только что описанной последовательности событий хорошо известен всем, кто был очевидцем попыток правительств во время войны или в периоды инфляции зафиксировать цены с помощью декретов. Сегодня всем известно, что государственное регулирование цен приводит только к исчезновению данного товара с рынка. Везде, где правительство фиксирует цены, результат всегда один и тот же. Когда, например, государство устанавливает потолок арендной платы, немедленно возникает дефицит жилья. В Австрии Социал-демократическая партия фактически упразднила арендную плату. Вследствие этого в Вене, например, несмотря на то что ее население значительно сократилось с начала мировой войны, а муниципалитет построил несколько тысяч новых домов, тысячи людей не могут найти себе жилье.

Рассмотрим еще один пример: установление уровня минимальной заработной платы.

Когда отношения между работодателем и работником не нарушаются законодательными актами или насильственными мерами со стороны профсоюзов, работодатель за каждый вид труда платит столько, сколько ценности труд добавляет к обрабатываемым материалам. Заработная плата не может быть выше этой величины, так как в противном случае работодатель не сможет получить прибыль, и в результате он вынужден будет свернуть производство, которое не окупается. Но заработная плата не может быть и ниже, потому что тогда рабочие перейдут в другие отрасли промышленности, где им будут платить больше, так что работодатель будет вынужден свернуть производство из-за нехватки рабочей силы.

В экономике, следовательно, заработная плата находится на таком уровне, что все рабочие находят себе работу, а каждый предприниматель, желающий открыть какое-либо дело, сохраняющее прибыльность при этой заработной плате, находит работников. Экономисты обычно называют эту ставку заработной платы статической, или естественной, заработной платой. Она растет, если при прочих равных условиях количество рабочих уменьшается; она понижается, если при прочих равных условиях по каким-то причинам уменьшается имеющее-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

ся количество капитала, который ищет себе применение в производстве. Однако в то же время следует заметить, что говорить просто о «зарботной плате» и «труде» не вполне точно. Услуги труда сильно различаются по количеству и качеству (в пересчете на единицу времени), различается и оплата за труд.

Если бы экономика не отклонялась от стационарного состояния, то на рынке труда, не деформированном вмешательством правительства или давлением профсоюзов, не было бы безработных. Но стационарное состояние общества — это просто идеальная конструкция экономической теории, интеллектуальный прием, без которого не может обойтись наше мышление и который позволяет нам путем противопоставления сформировать ясную концепцию процессов, в действительности имеющих место в экономике, которая нас окружает и в которой мы живем. Жизнь — к счастью, поспешим добавить, — никогда не останавливается. В экономике не бывает остановки, а есть только непрерывные изменения, движение, новшества, постоянное появление нового. Следовательно, всегда существуют как отрасли, которые прекращают работу или снижают обороты из-за падения спроса на производимую ими продукцию, так и расширяющиеся отрасли, а также те, которые только появляются. Даже бросив взгляд на последние несколько десятилетий, мы можем сразу составить длинный

список быстро выросших новых отраслей: автомобильная промышленность, самолетостроение, кинематограф, вискозное производство, консервная промышленность, радиовещание. Сегодня в этих отраслях заняты миллионы рабочих, и лишь малая их часть привлечена за счет роста населения. Некоторые пришли из отраслей, производство в которых было свернуто, а еще больше — из тех отраслей, которые благодаря технологическому совершенствованию обходятся меньшим числом рабочих.

Порой изменения соотношений различных отраслей производства происходят настолько медленно, что ни одному рабочему не нужно осваивать новый вид работы; в новые или расширяющиеся отрасли идет главным образом молодежь, только начинающая самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Однако, в общем случае, в капиталистической системе с ее направленностью на быстрое улучшение человеческого благосостояния прогресс развивается слишком быстро, чтобы освободить индивидов от необходимости приспособливаться к нему. Когда 200 или более лет назад юноша обучался ремеслу, он мог рассчитывать заниматься им на протяжении всей жизни, не боясь пострадать от своего консерватизма. Сегодня все иначе. Рабочий также должен приспособливаться к изменяющимся условиям, пополнять свои знания или начинать учиться заново. Ему приходится оставлять профессию, которая более не требует

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

такого же числа рабочих, как раньше, и осваивать другую, которая только что возникла или в которой теперь требуется больше рабочих, чем прежде. Но даже если он останется на старом месте работы, ему придется изучать новые приемы, когда этого потребуют обстоятельства.

Все это оказывает влияние на рабочих в форме изменений в ставках заработной платы. Если в какой-то отрасли занято относительно слишком много рабочих, то часть рабочих увольняют, и уволенным будет непросто найти новую работу в этой же отрасли. Давление уволенных рабочих на рынок труда понизит заработную плату в этой отрасли производства. Это, в свою очередь, побудит рабочих искать работу в тех отраслях производства, которые хотят привлечь новых рабочих и поэтому готовы платить более высокую заработную плату.

Отсюда становится совершенно ясно, что нужно делать, чтобы удовлетворить желание рабочих получить работу и высокую заработную плату. Зарботную плату в целом нельзя поднять выше уровня, естественным образом сложившегося на рынке, не деформированном ни вмешательством государства, ни каким-либо иным институциональным давлением, без того чтобы не создать определенных побочных эффектов, нежелательных для рабочих. Можно повысить заработную плату в отдельной отрасли или отдельной стране, если запретить переток рабочих из других отраслей или иммиграцию из

других стран. Такое повышение заработной платы осуществляется за счет рабочих, которым закрыта дорога в эту отрасль. Теперь их заработная плата ниже, чем она была бы, если бы их свобода перемещения не ограничивалась. Тем самым рост заработной платы одной группы людей достигается за счет другой группы. Политика препятствования свободному перемещению рабочей силы может быть выгодна только рабочим в странах и отраслях, страдающих от относительного дефицита рабочей силы. В стране и отрасли, где дело обстоит иначе, существует единственный способ повышения заработной платы: рост общей производительности труда либо благодаря увеличению капитала, либо за счет совершенствования технологических процессов производства.

Если, однако, правительство законодательно устанавливает минимальную заработную плату, превышающую уровень статической, или естественной, заработной платы, то работодатели вскоре обнаружат, что более не в состоянии успешно руководить многими предприятиями, которые были прибыльными, когда заработная плата была ниже. Соответственно они свернут производство и уволят рабочих. Поэтому результатом искусственного повышения заработной платы, т.е. навязанного рынку извне, является расширение безработицы.

Конечно, сегодня не предпринимается попыток широкомасштабного законодательного установления

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

минимальных ставок заработной платы. Но сила, которой обладают профсоюзы, позволяет им вмешиваться даже в отсутствие позитивного законодательства в этой сфере. То, что рабочие образуют союзы с целью торга с работодателями, само по себе не обязательно вызывает сбой в функционировании рынка. Даже тот факт, что они с успехом присваивают себе право без уведомления нарушать должным образом заключенные ими контракты и бросать работу, сам по себе для рынка труда не опасен. Что действительно создает новую ситуацию на рынке труда, так это элемент принуждения, содержащийся в забастовках, и принудительное членство в профсоюзе, существующее сегодня в большинстве промышленных стран Европы. Поскольку рабочие, объединенные в профсоюз, не допускают найма нечленов своего профсоюза, а также прибегают к открытому насилию во время забастовок, чтобы предотвратить занятие мест бастующих, требования в отношении заработной платы, предъявляемые профсоюзом работодателям, имеют точно такую же силу, что и правительственные декреты, устанавливающие минимальные ставки заработной платы. Работодатель, если он не хочет совсем закрывать предприятие, вынужден уступать требованиям профсоюза. Он вынужден платить столь высокую заработную плату, что ему приходится сокращать объем производства, потому что при более высоких производ-

ственных издержках продукт уже не имеет такого же обширного рынка, что раньше. Таким образом, более высокая заработная плата, которой добились профсоюзы, становится причиной безработицы.

Безработица, вызываемая этой причиной, коренным образом отличается по масштабам и продолжительности от безработицы, которая возникает в результате постоянных изменений в рыночном спросе на труд различного вида и качества. Если бы причиной безработицы являлся только быстрый прогресс промышленного развития, то она не могла бы ни быть крупномасштабной, ни принимать характер устойчивого института. Рабочие, которые более не могут найти себе применения в одной отрасли производства, вскоре находят работу в других, расширяющихся или только зарождающихся. Когда рабочие имеют свободу передвижения, а переход из одной отрасли в другую не затруднен законодательными или другими подобными препятствиями, приспособление к новым обстоятельствам происходит без особых трудностей и достаточно быстро. К тому же организация бирж труда способствует дальнейшему снижению масштабов этого вида безработицы.

Но безработица, вызванная вмешательством в функционирование рынка труда принуждающих органов, не является преходящим феноменом, который постоянно

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

то возникает, то исчезает. Она неискоренима до тех пор, пока продолжает действовать причина, вызвавшая ее существование, т.е. пока закон или насилие профсоюзов не дает заработной плате снизиться вследствие давления ищущих работу безработных до уровня, на котором она находилась бы при отсутствии вмешательства со стороны государства или профсоюзов, а именно до ставки, при которой все, кто ищет работу, в конечном счете ее находят.

Поддержка безработных со стороны государства или профсоюзов только усугубляет зло. Если причиной безработицы являются динамические изменения в экономике, то пособие по безработице приводит только к отсрочиванию адаптации работников к новым обстоятельствам. Безработный, сидящий на пособии, не считает необходимым искать новую профессию, если он не может найти себе место по старой специальности; по крайней мере, пройдет больше времени, пока он решит поменять специальность или место жительства или снизит требуемый им размер заработной платы до уровня, при котором он найдет работу. Если величина пособий по безработице установлена недостаточно низкой, то можно сказать, что до тех пор, пока они будут предлагаться, безработица не может исчезнуть.

Однако если безработица генерируется искусственным повышением уровня ставок заработной платы

**ПОДДЕРЖКА БЕЗРАБОТНЫХ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА
ИЛИ ПРОФСОЮЗОВ ТОЛЬКО УСУГУБЛЯЕТ ЗЛО. БЕЗРА-
БОТНЫЙ, СИДЯЩИЙ НА ПОСОБИИ, НЕ СЧИТАЕТ НЕОБХО-
ДИМЫМ ИСКАТЬ НОВУЮ ПРОФЕССИЮ, ЕСЛИ ОН НЕ МОЖЕТ
НАЙТИ СЕБЕ МЕСТО ПО СТАРОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ**

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

вследствие прямого вмешательства государства или его терпимости к принудительным действиям со стороны профсоюзов, тогда единственный вопрос заключается в том, кто должен нести связанные с этим издержки: работодатели или рабочие. Государство, правительство, общество никогда не принимают их бремя на себя; они возлагают его либо на работодателя, либо на рабочего или и на того и на другого. Если бремя падает на рабочих, тогда они полностью или частично лишаются плодов полученного ими искусственного повышения заработной платы; они могут нести даже бóльшие издержки, чем получили выгоды от искусственного повышения заработной платы. На работодателя можно взвалить бремя частичной выплаты пособия по безработице, заставив его платить налог, пропорциональный выплачиваемой им совокупной величине заработной платы. В этом случае страхование по безработице, повысив издержки на рабочую силу, будет иметь эффект дальнейшего повышения заработной платы выше статического уровня: прибыльность найма рабочей силы снизится и соответственно уменьшится то количество рабочих, которое прибыльно принять на работу. Таким образом, безработица распространяется по спирали, которая с каждым витком становится все шире. Работодателя можно также заставить оплачивать издержки на пособия по безработице через налог на прибыль или

капитал, безотносительно к количеству занятых работников. Но это также лишь увеличит безработицу. Ибо когда капитал проедается или когда по меньшей мере замедляется образование нового капитала, условия применения труда становятся *ceteris paribus*³³ менее благоприятными*.

Очевидно, что бесполезно пытаться устранить безработицу путем организации программ общественных работ, которые в ином случае не предпринимались бы. Необходимые ресурсы для таких проектов должны быть изъяты посредством налогов и займов от другого способа применения, который они нашли бы в противном случае. Таким путем безработицу в одной отрасли можно смягчить только в той степени, в какой она увеличится в другой.

С какой бы стороны мы ни рассматривали интервенционизм, становится очевидным, что эта система ведет к результатам, к которым ее авторы и сторонники не

---

* Даже если искусственно повысить заработную плату (с помощью вмешательства со стороны государства или путем принуждения со стороны профсоюзов) одновременно во всем мире и во всех отраслях экономики, результатом станет просто проедание капитала и в конце концов в качестве следствия последнего — еще большее снижение заработной платы. Я детально рассмотрел этот вопрос в работах, перечисленных в приложении.

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

стремились, и что даже с их точки зрения это должно представляться бессмысленной, обреченной на провал, абсурдной политикой.

6. КАПИТАЛИЗМ:

ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Рассмотрение различных мыслимых способов организации общества на основе разделения труда неизбежно приводит к одному и тому же результату: выбор существует только между общественной собственностью на средства производства и частной собственностью на средства производства. Все промежуточные формы социальной организации тщетны и на практике должны оказаться саморазрушающимися. Если далее признать, что социализм также неработоспособен, тогда нельзя уклониться от признания, что капитализм является единственно осуществимой системой общественной организации, основанной на разделении труда. Этот результат теоретического исследования не явится сюрпризом для историка и философа истории. Если капитализму удалось утвердиться, несмотря на враждебность, которую к нему испытывали как правительства, так и широкие массы, если его не заставили уступить

дорогу другим формам общественного сотрудничества, пользовавшимся гораздо большими симпатиями теоретиков и практичных деловых людей, то это следует отнести только на счет того, что никакая другая система общественной организации неосуществима.

Нет также необходимости дополнительно объяснять, почему мы не можем вернуться к социальной и экономической организации, характерной для Средних веков. На всей территории, населенной современными народами Европы, средневековая экономическая система была способна обеспечивать средствами существования только небольшую часть того количества людей, которые в данное время проживают в этом регионе, причем в распоряжении каждого индивида оказывалось значительно меньше материальных благ, чем дает людям сегодня капиталистическая форма организации производства. Возвращение в Средние века не стоит на повестке дня, если люди не готовы уменьшить население до $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{20}$ доли его нынешней численности и, более того, обязать каждого индивида довольствоваться столь малым, что это не укладывается в представления современного человека.

Все авторы, представляющие возвращение в Средневековье или, как они это называют, в «новое Средневековье», в качестве единственного общественного идеала, к которому стоит стремиться, упрекают капита-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

листическую эпоху прежде всего за ее материалистическую позицию и менталитет, хотя сами они намного более глубоко подвержены материалистическим взглядам, чем им кажется. Ибо думать, как делают многие из этих авторов, что после возвращения к формам политической и экономической организации, характерной для Средних веков, общество сможет сохранить все производственные технологические улучшения, созданные капитализмом, и тем самым сохранить высокий уровень производительности человеческого труда, достигнутый в капиталистическую эпоху, является не чем иным, как грубейшим материализмом. Производительность капиталистического способа производства является результатом капиталистического менталитета и капиталистического подхода к человеку и к удовлетворению его потребностей. Она является результатом современной технологии только в той степени, в какой развитие технологии необходимо должно следовать из капиталистического менталитета. Едва ли есть что-либо более абсурдное, чем фундаментальный принцип материалистической интерпретации истории Маркса: «Ручная мельница создала феодальное общество, паровая мельница — капиталистическое общество»³⁴. Как раз потребовалось именно капиталистическое общество, чтобы создать необходимые условия для разработки и реализации первоначального замысла паровой мельницы.

Именно капитализм создал эту технологию, а не наоборот. Не менее абсурдным является представление о том, что можно будет сохранить технологические и материальные аксессуары нашей экономики, даже в том случае, если будут разрушены интеллектуальные основы, на которых они базируются. Экономическая деятельность не сможет больше осуществляться рационально, как только господствующий менталитет вернется к традиционализму и к вере во власть. Предприниматель, так сказать, каталитический реагент капиталистической экономики, а соответственно и современной технологии, немислим в среде, где все стремятся исключительно к созерцательной жизни.

Если считать неосуществимой любую систему, кроме той, которая базируется на частной собственности на средства производства, то отсюда с необходимостью следует вывод, что частную собственность следует сохранять как основу общественного сотрудничества и объединения и что с любой попыткой ее уничтожить надо решительно бороться. Именно по этой причине либерализм защищает институт частной собственности от любой попытки его разрушить. Поэтому, когда люди называют либералов апологетами частной собственности, они совершенно правы, поскольку греческое слово, от которого произошло слово «апологет», означает именно «защитник». Конечно, лучше было бы избежать исполь-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

зования иностранного слова и довольствоваться английским, так как у многих людей при использовании выражений «апология» и «апологет» создается представление о том, что защищается что-то несправедливое.

Однако наблюдение, что институт частной собственности не требуется ни защищать, ни оправдывать, ни поддерживать, ни объяснять, является гораздо более важным, чем отклонение любых бранных намеков, подразумеваемых при использовании этих слов. Продолжение существования общества зависит от частной собственности, и, поскольку люди нуждаются в обществе, они должны крепко держаться за институт частной собственности, чтобы не навредить ни своим интересам, ни интересам всех остальных. Ибо общество может продолжать существовать только на основе частной собственности. Тот, кто ее защищает, защищает сохранение объединяющих человечество общественных связей, сохранение культуры и цивилизации. Он является апологетом (защитником) общества, культуры и цивилизации, и поскольку он стремится к ним как к цели, постольку он также должен желать и защищать единственное средство, ведущее к ней, а именно частную собственность.

Отстаивание частной собственности на средства производства ни в коем случае не равносильно утверждению, что капиталистическая общественная система, основанная на частной собственности, совершенна.

Земного совершенства не бывает. Даже в капиталистической системе отдельные, многие или даже все вещи могут не соответствовать в точности вкусам конкретного человека. Но это единственно возможная общественная система. Можно пытаться видоизменять ту или иную из ее черт, пока не затрагивается существо и основа всего общественного порядка, а именно частная собственность. Но в общем и целом мы должны смириться с этой системой, просто потому что не может быть никакой другой.

В природе также может существовать много такого, что нам не нравится. Но мы не можем изменить сути природных явлений. Если, например, кто-то думает — есть и такие, кто утверждал, — что способ, которым человек глотает, переваривает или усваивает пищу, является отвратительным, спорить с ним по этому поводу невозможно. Ему нужно лишь сказать: бывает только либо так, либо голод. Третьего не дано. То же самое относится и к собственности: «или—или» — или частная собственность на средства производства, или голод и нищета для всех.

Оппоненты либерализма имеют обыкновение называть его экономическую доктрину «оптимистической». Этот эпитет используется ими либо как упрек, либо как ироническая характеристика либерального образа мышления.

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

Если, называя либеральную доктрину «оптимистической», имеют в виду, что либерализм считает капиталистический мир лучшим из миров, то это просто чепуха. Для идеологии, основанной, подобно идеологии либерализма, целиком и полностью на научной основе, абсолютно неуместен вопрос о том, является ли капиталистическая система хорошей или плохой, можно ли вообразить лучшую систему или нет и не следует ли ее отвергнуть по каким-либо философским или метафизическим мотивам. Либерализм выводится из чистых наук — экономической теории и социологии, не выносящих ценностных суждений и ничего не говорящих о том, что должно быть, или о том, что хорошо, а что плохо, но, напротив, всего лишь выясняющих, что существует в действительности и как оно возникает. Когда эти науки показывают нам, что из всех мыслимых альтернативных способов организации общества может быть реализован только один, а именно система, основанная на частной собственности на средства производства, потому что все остальные мыслимые системы общественной организации неосуществимы, в этом нет ничего, что могло бы оправдать эпитет «оптимистический». Вывод о том, что капитализм осуществим, не имеет ничего общего с оптимизмом.

Разумеется, оппоненты либерализма придерживаются мнения, что капитализм — очень плохое обще-

ство. В той степени, в какой это утверждение содержит ценностное суждение, оно, естественно, не подлежит никакому обсуждению, претендующему на что-либо большее, чем крайне субъективное и, следовательно, ненаучное мнение. Но в той мере, в какой это утверждение основано на неправильном понимании происходящего в рамках капиталистической системы, экономическая теория и социология способны его исправить. Это также не является оптимизмом. Даже выявление многочисленных недостатков капиталистической системы не будет иметь ни малейшего значения для проблемы социально-экономической политики до тех пор, пока не будет показано не то, что другая общественная система была бы лучше, а то, что ее вообще можно реализовать. Но этого сделано не было. Науке удалось показать, что любая система общественной организации, которую можно представить в качестве замены капиталистической системы, является внутренне противоречивой и неосуществимой, так что она не приведет к результатам, к которым стремятся ее поборники.

Сколь неоправданно говорить в этой связи об «оптимизме» и «пессимизме» и насколько употребление эпитета «оптимистический» в отношении либерализма имеет целью окружить его компрометирующей аурой, придав ему вненаучный, эмоциональный оттенок, лучше всего демонстрирует тот факт, что с тем же успехом

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

можно назвать «оптимистами» тех, кто убежден, что будет возможно построение социалистического или интервенционистского государства всеобщего благоденствия.

Большинство авторов, занимающихся экономическими вопросами, пользуются каждым удобным случаем, чтобы бросить капитализму несколько бессмысленных и детских оскорблений и с энтузиазмом превознести в качестве превосходных институтов либо социализм и интервенционизм, либо даже аграрный социализм и синдикализм. С другой стороны, некоторые авторы, пусть и в гораздо более мягких выражениях, восхваляли капиталистическую систему. При желании можно называть этих авторов «оптимистами». Но при этом в тысячу раз более оправданно называть антилиберальных авторов «гипероптимистами» социализма, интервенционизма, аграрного социализма и синдикализма. Тот факт, что этого не происходит, а, напротив, «оптимистами» называют либеральных авторов, как, например, Бастиа, ясно показывает, что в этом случае мы имеем дело не с попытками дать подлинно научную классификацию, а с тенденциозной карикатурой, и не более того.

Еще раз повторим, что либерализм утверждает вовсе не то, что капитализм хорош с какой-то конкретной точки зрения. Он просто говорит, что для достижения целей, к которым стремятся люди, подходит лишь капиталистическая система, и любая попытка осуществить

социалистическое, интервенционистское, аграрно-социалистическое или синдикалистское общество неизбежно закончится провалом. Невротики, не способные вынести этой истины, назвали экономику мрачной наукой. Но экономика и социология, показывая нам мир таким, каков он есть, являются не более мрачными, чем другие науки — например, механика, утверждающая о неосуществимости вечного двигателя, или биология, говорящая о смертности всех живых существ.

7. КАРТЕЛИ, МОНОПОЛИИ И ЛИБЕРАЛИЗМ

Оппоненты либерализма утверждают, что в современном мире больше не существует необходимых предпосылок для принятия на вооружение либеральной программы. Либерализм был еще реален, когда в каждой отрасли в острую конкуренцию было вовлечено множество фирм среднего размера. В наше время, когда тресты, картели и другие монополистические предприятия полностью контролируют рынок, с либерализмом в любом случае покончено. Его уничтожила не политика, а тенденция, присущая неотвратимой эволюции системы свободного предпринимательства.

Разделение труда отводит каждой производственной единице в экономике специализированную функ-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

цию. Этот процесс никогда не останавливается, пока продолжается экономическое развитие. Мы давно прошли тот этап, когда одна фабрика производила все виды машин. Сегодня машиностроительное предприятие, которое не ограничивается производством определенного типа машин, не выдержит конкуренции. С развитием специализации территория, обслуживаемая отдельным поставщиком, должна продолжать расширяться. Рынок, снабжаемый текстильной фабрикой, которая производит всего несколько видов ткани, должен быть больше, чем рынок, обслуживаемый ремесленником, который тклет все виды тканей. Безусловно, прогрессирующая специализация производства способствует развитию в каждой области предприятий, рынком которых является весь мир. Если бы этому развитию не противодействовали протекционизм и другие антикапиталистические меры, то в результате в каждой отрасли производства появилось бы относительно небольшое количество фирм или даже только единственная фирма, стремящаяся производить с высочайшей степенью специализации и снабжать своей продукцией весь мир.

Сегодня, разумеется, мы очень далеки от такого состояния дел, так как политика всех государств нацелена на отрезание от единства мировой экономики небольших областей, на территории которых под защитой пошлин и других аналогичных мер искусственно сохра-

няются или вновь возникают предприятия, которые не смогли бы выдержать конкуренцию на свободном рынке. Помимо соображений торговой политики, меры такого рода, направленные против концентрации производства, защищаются на том основании, что только они не допускают эксплуатации потребителей со стороны монополистических объединений производителей.

Чтобы оценить обоснованность этого аргумента, мы предположим, что разделение труда в масштабах всего мира уже продвинулось так далеко, что производство каждого изделия сконцентрировано на одной фирме, так что покупатель всегда сталкивается только с одним продавцом. При этих условиях, согласно непродуманной экономической доктрине, производители будут в состоянии удерживать цены на сколь угодно высоком уровне, получая чрезмерные прибыли и тем самым значительно ухудшая жизненный уровень потребителей. Нетрудно увидеть, что эта идея совершенно ошибочна. Монопольные цены, если они не становятся возможными в результате актов вмешательства со стороны государства, длительное время могут удерживаться только на основе контроля над минеральными и другими естественными ресурсами. Изолированная монополия в обрабатывающей промышленности, приносящая большую прибыль, чем прибыль, получаемая где-либо еще, будет стимулировать образование соперничаю-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

щих фирм, конкуренция которых разрушит монополию и восстановит цены и прибыль на общем уровне. Однако в обрабатывающих отраслях монополии не могут стать общим правилом, поскольку при данном уровне богатства в экономике совокупное количество инвестированного капитала и рабочей силы, занятой в производстве, а соответственно и величина общественного продукта, являются заданными величинами. В каждой конкретной отрасли производства или пусть даже в нескольких отраслях, можно уменьшить количество используемых капитала и рабочей силы для того, чтобы увеличить цену единицы товара и совокупную прибыль монополиста или монополистов путем сокращения производства. Высвобожденные таким образом капитал и труд перетекут в другую отрасль. Однако если все отрасли попытались бы сократить производство, чтобы назначить более высокие цены, они тотчас же освободили бы труд и капитал, которые, поскольку будут предлагаться по более низким ценам, послужат сильнейшим стимулом для образования новых предприятий, которые вновь подорвут монопольное положение уже существующих. Идея всеобщего картеля и монополии обрабатывающей отрасли является, следовательно, совершенно несостоятельной.

Настоящие монополии могут образовываться только в результате контроля над землей и минеральными ресурсами. Представление о том, что всю пахот-

ную землю на планете можно консолидировать в одной мировой монополии, не нуждается в дальнейшем обсуждении. Мы будем обсуждать только монополии, источником которых является контроль над полезными ископаемыми. Такого рода монополии фактически уже существуют в отношении добычи нескольких второстепенных минералов, и во всяком случае можно представить, что когда-нибудь попытки монополизировать остальные полезные ископаемые окажутся успешными. Владельцы таких шахт и карьеров извлекали бы из них повышенную земельную ренту, а потребители сократили бы потребление и занялись поиском заменителей подорожавших материалов. Всемирная нефтяная монополия привела бы к увеличению спроса на энергию гидроэлектростанций, уголь и т.д. С точки зрения мировой экономики и *sub specie aeternitatis*³⁵ это означало бы, что мы стали более бережно использовать дорогие материалы, которые мы можем только исчерпать, но не можем возобновить, и тем самым мы оставим будущим поколениям больше, чем в случае экономики, свободной от монополий.

Пугало монополии, которое всегда возникает в воображении, когда говорят о свободном развитии экономики, не должно вызывать тревоги. Всемирные монополии могли бы распространиться лишь на несколько предметов первичной переработки. Ответ на вопрос,

**ПУГАЛО МОНОПОЛИИ, КОТОРОЕ ВСЕГДА ВОЗНИКАЕТ
В ВООБРАЖЕНИИ, КОГДА ГОВОРЯТ О СВОБОДНОМ РАЗ-
ВИТИИ ЭКОНОМИКИ, НЕ ДОЛЖНО ВЫЗЫВАТЬ ТРЕВОГИ**

будет ли их влияние благоприятным или неблагоприятным, не всегда прост. Тому, кто, рассматривая экономические проблемы, не способен освободиться от чувства зависти, такие монополии кажутся вредными только потому, что они приносят владельцам повышенные прибыли. Тот, кто подойдет к этому вопросу без предвзятости, обнаружит, что эти монополии ведут к более бережному использованию ограниченных минеральных ресурсов. Если действительно завидовать прибылям монополиста, то можно, без всякой опасности и не ожидая никаких отрицательных экономических последствий, перевести их в государственную казну, обложив налогом доход от разработки полезных ископаемых.

Национальные или международные монополии являются противоположностью этих мировых монополий. Они имеют сегодня практическое значение именно потому, что возникают не благодаря естественной эволюционной тенденции развития экономической системы, когда она предоставлена самой себе, а являются продуктом антилиберальной экономической политики. Попытки обеспечить себе монопольное положение в отношении определенных товаров почти во всех случаях становятся возможны только благодаря пошлинам, разделившим мировой рынок на небольшие национальные рынки. Кроме монополий такого рода, какое-либо значение могут иметь только картели, образовать которые

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

владельцам определенных естественных ресурсов позволяют высокие транспортные издержки, защищающие их от конкуренции производителей из других районов.

При оценке последствий функционирования трестов, картелей и предприятий, снабжающих рынок только одним товаром, говорить о «контроле» над рынком и «диктовании цен» со стороны монополиста значит совершать фундаментальную ошибку. Монополист не в состоянии ничего контролировать и диктовать цены. О контроле над рынком и о диктовании цен можно говорить, только если данный товар в самом строгом и буквальном смысле слова является жизненно необходимым и абсолютно незаменимым никаким другим товаром. Очевидно, что это неверно в отношении всех без исключения товаров. Не существует экономических благ, без обладания которыми не могут обойтись те, кто готов приобрести их на рынке.

Формирование монопольной цены отличается от формирования конкурентной цены тем, что при определенных, весьма специфических условиях монополист может получить большую прибыль от продажи меньшего количества товара по более высокой цене (которую мы называем монопольной ценой), чем от продажи по той цене, которую определил бы рынок, если бы в конкуренции участвовало больше продавцов (конкурентная цена). Возникновение монопольной цены возможно

только при особом условии: необходимо, чтобы в результате реакции на повышение цены потребительский спрос упал не так резко, что меньший объем продаж по более высокой цене не даст больше совокупной прибыли. Если достижение монопольного положения на рынке и использование его для установления монопольных цен действительно возможно, то в данной отрасли производства прибыль будет выше средней.

Может получиться так, что, несмотря на более высокую прибыль, новые предприятия в отрасли не организуются из опасения, что после снижения монопольной цены до конкурентного уровня они не окажутся столь же прибыльными. При этом следует принять во внимание, что конкурентами могут оказаться родственные отрасли, у которых есть возможность начать производство картелизованного товара при относительно небольших затратах; и в любом случае отрасли, производящие товары-заменители будут готовы немедленно воспользоваться благоприятными обстоятельствами для расширения своего производства. Все эти факторы приводят к тому, что в обрабатывающей отрасли монополия, не основанная на монополистическом контроле какого-либо вида сырья, возникает исключительно редко. Там же, где эти монополии все же возникают, они всегда становятся возможными только благодаря определенным законодательным мерам, таким, как патенты и подобные

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

им привилегии, тарифное регулирование, налоговое законодательство и система лицензирования. Несколько десятилетий назад было много разговоров о транспортной монополии. Остается неясным, в какой степени эта монополия была основана на системе лицензирования. Сегодня это уже никого не беспокоит. Автомобиль и самолет стали опасными конкурентами железных дорог. Но даже до их появления возможность использования водных путей уже определенным образом ограничивала уровень железнодорожных тарифов на некоторых линиях.

Обычные сегодня утверждения о том, что образование монополий устраняет необходимые условия осуществления либерального идеала капиталистического общества, являются не только большим преувеличением, но и неправильным пониманием фактов. Как ни крути проблему монополии, всегда возвращаешься к тому факту, что монопольные цены возможны только там, где есть контроль за естественными ресурсами определенного вида и где издание и проведение в жизнь законодательных установлений создают необходимые условия для образования монополий. При свободном развитии экономики, за исключением горнодобычи и связанных с ней отраслей производства, не существует тенденции исключения конкуренции. Ни в коей мере необоснованно возражение, обычно выдвигаемое против либерализ-

ма, что навсегда остались в прошлом условия конкуренции в том виде, в каком они существовали во времена первоначальной разработки классической экономики и либеральных идей. Чтобы восстановить эти условия, необходимо осуществить всего несколько либеральных требований (а именно свободную торговлю внутри и между странами).

8. БЮРОКРАТИЗАЦИЯ

Когда говорят о том, что необходимые условия осуществления либерального идеала сегодня больше не существуют, имеют в виду еще один момент. На крупных предприятиях, появление которых стало необходимым с развитием разделения труда, персонал должен увеличиваться все больше и больше. Эти предприятия поэтому должны становиться все более и более похожими на правительственную бюрократию, которую либералы как раз чаще всего и делали мишенью критики. С каждым днем она становилась все более громоздкой и менее открытой для нововведений. Отбор персонала на руководящие должности совершается уже не на основе продемонстрированного ими профессионализма, а по чисто формальным критериям, таким, как образование и возраст, а зачастую просто в результате личной благосклонности. Тем самым в конце концов исчезает харак-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

терная черта частного предприятия, отличающая его от предприятия общественного. Если в эпоху классического либерализма еще было оправданно возражать против государственной собственности на средства производства на том основании, что она парализует всякую свободную инициативу и убивает радость труда, то сегодня, когда частное предприятие управляется не менее бюрократично, педантично и формально, чем предприятие, которым владеет и управляет государство, положение дел в корне изменилось.

Для того чтобы можно было оценить правомерность этих возражений, сначала следует разобраться, что в действительности следует понимать под бюрократией и бюрократическим ведением дел, чем они отличаются от коммерческого предприятия и коммерческого ведения дела. В интеллектуальном плане оппозиция между бюрократической и коммерческой ментальностью соответствует оппозиции между капитализмом (частной собственностью на средства производства) и социализмом (общественной собственностью на средства производства). Тот, кто распоряжается факторами производства, будь то его собственные или взятые в аренду у их владельцев в обмен на некоторую компенсацию, всегда должен стараться, чтобы использовать их таким образом, чтобы удовлетворить те потребности общества, которые в данных обстоятельствах являются

наиболее насущными. Если он будет поступать иначе, то он понесет убытки и окажется перед необходимостью сокращать свою деятельность как собственник и предприниматель, а в конце концов будет вытеснен со своего места на рынке. Он тогда уже не будет ни собственником, ни предпринимателем, ему придется вернуться в ряды тех, кто не продает ничего, кроме собственного труда, и на ком не лежит ответственность за то, чтобы направлять производство по пути, который считается правильным с точки зрения потребителей. Калькуляция прибыли и убытков, являющая суть коммерческого бухгалтерского учета, — это тот метод, который дает предпринимателям и капиталистам возможность проверять каждый свой шаг до мельчайших деталей и видеть, какое влияние каждая отдельная сделка будет иметь на общий результат предприятия. Денежный расчет и учет издержек составляют наиболее важный интеллектуальный инструмент капиталистического предпринимателя, и не кто иной, как Гёте, провозгласил систему двойной записи «одним из прекраснейших изобретений ума человеческого»³⁶. Гёте мог сказать это, потому что был свободен от неприязни, всегда питаемой мелкими литераторами по отношению к деловым людям. Именно их голоса звучат в хоре, постоянно повторяющем, что денежный расчет и забота о прибыли и убытках являются самыми постыдными грехами.

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Денежный расчет, бухгалтерский учет и статистика продаж и производства позволяют даже самым крупным и сложным концернам точно контролировать результаты, достигаемые в каждом подразделении, и тем самым оценивать вклад руководителя каждого подразделения в общий успех предприятия. Таким образом, отношение к управляющим различных подразделений формируется на основе надежного ориентира. Можно точно узнать, чего они стоят и сколько им нужно платить. Продвижение на более высокие и ответственные должности осуществляется в результате очевидно продемонстрированных успехов в более ограниченной сфере деятельности. И так же как посредством учета издержек имеется возможность проконтролировать деятельность управляющего каждого подразделения, можно тщательно исследовать и работу предприятия в целом, а также влияние определенных организационных и иных мер.

Конечно, существуют пределы такого точного контроля. Нельзя определить успех или провалы в деятельности каждого работника подразделения, как это можно сделать в отношении его руководителя. Кроме того, существуют подразделения, чей вклад в общий результат невозможно оценить посредством расчетов: достижения исследовательского отдела, юрисконсультов, секретариата, статистической службы нельзя установить так же, как, например, эффективность деятельно-

сти отдела продаж и производственного отдела. Первое вполне можно доверить приблизительной оценке человека, возглавляющего подразделение, а последнее — генеральному директору фирмы, ибо на этом уровне условия деятельности относительно ясны, а те, кто призван давать оценку (как генеральный директор, так и начальники подразделений), лично заинтересованы в правильности суждений, поскольку их доходы напрямую зависят от эффективности тех операций, за которые они отвечают.

Государственный аппарат представляет собой полную противоположность этого типа предприятий, где каждая сделка контролируется путем калькуляции прибыли и убытков. Насколько хорошо судья (а то, что верно для судьи, верно и в отношении любого крупного государственного чиновника) исполняет свои обязанности, нельзя продемонстрировать никакими расчетами. Невозможно выработать объективный критерий для оценки того, хорошо или плохо, дешево или затратно управляется район или провинция.

Оценка деятельности государственных чиновников является, таким образом, делом субъективного и потому совершенно произвольного мнения. Даже вопрос о том, является ли конкретное бюро необходимым, достаточен или нет его штат и соответствует ли его организация поставленным перед ним целям, можно решить

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

только на основе соображений, заключающих в себе некий момент субъективности. Есть только одна область государственного управления, в которой критерий успеха или провала недвусмысленен: ведение войны. Но даже здесь единственно, что можно сказать определенно, — это успешна или неуспешна операция. Невозможно строго и точно ответить на вопросы о том, в какой степени соотношение сил предопределило исход дела еще до начала военных действий и в какой мере результат следует приписать компетентности или некомпетентности военачальников, а также уместности принятых ими мер. Некоторые генералы прославляются за свои победы, хотя фактически они сделали все, чтобы облегчить триумф противника, а своим успехом обязаны исключительно обстоятельствам, сложившимся столь благоприятно, что смогли перевесить их ошибки. И, наоборот, порой осуждались побежденные полководцы, гений которых сделал все возможное и невозможное, чтобы предотвратить неизбежное поражение.

Директор частного предприятия дает своим работникам, на которых он возлагает самостоятельное выполнение обязанностей, только одну директиву: получить как можно больше прибыли. Все, что он должен им сказать, заключено в этом единственном приказе, а изучение счетов позволяет легко и точно определить, в какой степени подчиненные ему следуют. Руководитель

бюрократического подразделения оказывается в совершенно иной ситуации. Он может сказать своим подчиненным, что им следует сделать, но он не имеет возможности установить, были ли средства, использованные для достижения этого результата, самыми подходящими и экономичными при данных обстоятельствах. Если он не вездесущ во всех подчиненных ему конторах и бюро, то он не может судить о том, была ли возможность достичь того же результата при меньших затратах труда и материалов. Тот факт, что сам результат также не поддается численному измерению, а лишь приблизительной оценке, здесь не обсуждается, поскольку мы рассматриваем административные методы не с точки зрения их внешней результативности, а с точки зрения их влияния на внутреннее функционирование бюрократического механизма. Поэтому достигнутый результат нас интересует только в отношении к понесенным издержкам.

Поскольку не может идти речи о том, чтобы определять это соотношение посредством вычислений, т.е. тем же способом, что и в коммерческом счетоводстве, то руководитель бюрократической организации должен обеспечить своих подчиненных инструкциями, выполнение которых обязательно. В этих инструкциях в общем случае предполагается обычное, нормальное течение дел. Во всех исключительных случаях, прежде чем потратить деньги, сначала необходимо получить раз-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

решение более высокого начальника — скучная и достаточно неэффективная процедура, в пользу которой можно сказать только то, что это единственно возможный метод. Ибо если каждое подчиненное бюро, каждый глава подразделения, каждый филиал получит право производить все затраты, которые они считают необходимыми, административные расходы очень скоро превысят все допустимые границы. Не стоит заблуждаться: эта система имеет серьезные недостатки и крайне неудовлетворительна. Многие понесенные расходы являются излишними, а те, что являются необходимыми, не производились, потому что бюрократический аппарат, в отличие от коммерческой организации, по самой своей природе не способен приспосабливаться к обстоятельствам.

Эффект бюрократизации наиболее очевиден в его представителе — бюрократе. На частном предприятии наем рабочей силы является не одолжением, а деловой сделкой, выгоду от которой получают обе стороны — и работодатель, и работник. Работодатель должен стараться платить заработную плату, соответствующую ценности предоставляемого труда. Если он этого не делает, то он рискует обнаружить, что рабочие уходят от него к конкуренту, который платит лучше. Работник, чтобы не потерять работу, в свою очередь должен стараться выполнять возложенные на него обязанности

достаточно хорошо, чтобы стоять своей зарплатой. Поскольку прием на работу является не одолжением, а деловой сделкой, работнику нет нужды бояться, что его могут уволить, если он попадет в личную немилость, так как если предприниматель увольняет работника, отрабатывающего свою зарплату, то он наносит вред только себе, а не рабочему, который может найти себе аналогичную работу где-нибудь в другом месте. Ничто не мешает дать каждому начальнику подразделения право нанимать и увольнять работников, поскольку под давлением контроля за его деятельностью со стороны счетоводства и учета издержек ему приходится заботиться, чтобы его подразделение показывало максимально высокую прибыль, и, следовательно, он вынужден в собственных интересах стараться удерживать у себя лучших работников. Если он со злости увольняет того, кого ему не стоило увольнять, если его действия мотивированы личными, а не объективными соображениями, то он сам же и пострадает от последствий. Любое ухудшение показателей возглавляемого им подразделения в конечном итоге должно привести к убыткам лично для него. Таким образом, включение нематериального фактора — труда — в производственный процесс происходит без всякого трения.

В бюрократической организации дело обстоит совершенно иначе. Поскольку производственный вклад

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

каждого отдельного подразделения, а следовательно, и каждого отдельного работника, даже если он занимает руководящую должность, в этом случае выявить невозможно, появляются широкие возможности для фаворитизма и личных пристрастий как в назначениях на должности, так и в вопросах вознаграждения. Причина того, что ходатайство влиятельных лиц играет определенную роль в заполнении чиновничьих вакансий, не в низости характера тех, кто отвечает за их заполнение, а в том, что изначально не существует объективного критерия для определения соответствия квалификации человека должности. Разумеется, на работу следует принимать только самых компетентных, однако возникает вопрос: кто является наиболее компетентным? Если бы на этот вопрос можно было ответить так же легко, как на вопрос, чего стоит рабочий-металлург или наборщик, то не возникало бы никаких проблем. Но поскольку это не так, то при сравнении квалификации разных людей элемент произвольности неизбежен.

Чтобы ограничить его возможно более узкими рамками, устанавливаются формальные условия приема на работу и продвижения. Назначение на конкретную должность ставится в зависимость от образовательного уровня, сдачи экзаменов и продолжительности работы на других должностях; продвижение ставится в зависимость от стажа, отработанного в данной должности.

Естественно, все эти приемы ни в коей мере не могут заменить отсутствие возможности отбора наилучшего кандидата на каждую должность путем расчета прибыли и убытков. Было бы излишним специально указывать на то, что посещение школы, экзамены и трудовой стаж не дают ни малейшей гарантии, что выбор окажется правильным. Наоборот, эта система с самого начала препятствует энергичным и компетентным людям занимать должности, соответствующие их силам и способностям. Никогда еще действительно стоящий человек не поднимался на самый верх в результате последовательного выполнения предписанных программ обучения и продвижения по всем ступенькам должностной лестницы. Даже в Германии, с ее искренней верой в своих бюрократов, выражение «совершенный функционер» используется для обозначения аморфного и неэффективного человека, хотя и действующего из добрых побуждений.

Таким образом, отличительная черта бюрократического управления состоит в том, что в процессе оценки успеха его функционирования относительно понесенных затрат ему не хватает ориентира, основанного на подсчете прибыли и убытков, вследствие этого, пытаясь компенсировать этот недостаток, оно вынуждено прибегать к совершенно неадекватным приемам, подчиняя ведение дел и наем персонала комплексу формаль-

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ных предписаний. Все пороки, обычно приписываемые бюрократическому управлению — негибкость, нехватка изобретательности и беспомощность перед лицом проблем, которые с легкостью решаются предприятием, ориентированным на прибыль, — являются результатом этого единственного фундаментального недостатка. До тех пор, пока деятельность государства ограничивается той узкой областью, которую отводит ему либерализм, недостатки бюрократии не могут сделаться существенными. Они становятся серьезной проблемой для всей экономики, только когда государство — и, естественно, то же самое верно и для муниципалитетов, и для других форм местного управления — начинает обобществлять средства производства и принимать активное участие в производстве или хотя бы в торговле.

Государственное предприятие, стремящееся к максимизации прибыли, разумеется, может использовать денежный расчет, пока бóльшая часть предприятий находится в частной собственности и, следовательно, еще существуют рынок и рыночные цены. Единственным препятствием для его функционирования и развития является то, что управляющие таким предприятием, будучи государственными чиновниками, не имеют личной заинтересованности в успехе дела, которая характерна для администрации частных предприятий. Поэтому директору нельзя предоставить свободу независимого принятия

решений по ключевым вопросам. Поскольку он не страдает от потерь, к которым при определенных обстоятельствах может привести его коммерческая политика, он легко может принимать на себя риск, на который никогда не пошел бы по-настоящему ответственный директор, которому приходится разделять значительную долю убытков. Поэтому власть руководителя государственного предприятия должна быть каким-то образом ограничена. Независимо от того, очерчена ли она набором жестких правил, или решениями контролирующего комитета, или разрешениями высшей власти, бюрократическое управление в любом случае страдает от неповоротливости и от недостаточной способности приспособливаться к изменяющимся условиям, что всегда и везде ведет государственные предприятия к краху.

Но в действительности очень редко, когда государственное предприятие нацелено исключительно на прибыль и оставляет в стороне все остальные соображения. Как правило, от государственного предприятия требуется, чтобы оно учитывало «национальные» и другие подобные соображения. Ожидается, например, что в своей политике материально-технического снабжения и сбыта они будут отдавать предпочтение отечественной, а не зарубежной продукции. От государственных железных дорог требуют, чтобы структура тарифов соответствовала специфической коммерческой полити-

2. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА**

ке правительства, чтобы они строили и эксплуатировали убыточные линии просто для того, чтобы способствовать экономическому развитию определенных территорий, а также по стратегическим и иным аналогичным соображениям. Когда при принятии деловых решений играют роль такие факторы, не может и речи идти ни о каком контроле с помощью методов учета издержек и расчета прибыли и убытков. Директор государственных железных дорог, который в конце года представляет неблагоприятный балансовый отчет, может сказать: «Конечно, если судить со строго коммерческой точки зрения частного предприятия, ориентированного на прибыль, то руководимая мной железная дорога работала с убытком; но если принять во внимание такие факторы, как наша национальная экономическая и военная политика, то не следует забывать, что большие достижения в этих сферах не учитываются при расчете прибыли и убытков». Ясно, что в таких обстоятельствах расчет прибыли и убытков теряет всю свою ценность для оценки успеха предприятия, так что — даже не считая других факторов, действующих в том же направлении, — железная дорога должна управляться теми же бюрократическими методами, как, например, тюрьма или отделение налоговой инспекции.

Ни одно частное предприятие, независимо от его размера, никогда не может стать бюрократическим, пока

**КОГДА ФИРМА ДОЛЖНА УЧИТЫВАТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕДРАССУДКИ И РАЗНОГО РОДА САНТИМЕНТЫ... ОНА
ВСКОРЕ ОБНАРУЖИВАЕТ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ В СОСТОЯНИИ
СТРОИТЬ СВОИ РАСЧЕТЫ НА ПРОЧНОЙ ОСНОВЕ ПРИБЫЛИ
И УБЫТКОВ**

2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

оно управляется исключительно на основе прибыли. Твердое следование предпринимательскому принципу максимизации прибыли позволяет даже крупнейшим концернам абсолютно точно определять роль каждой сделки и вклад каждого подразделения в общий результат. Пока предприятия стремятся только к прибыли, они защищены от пороков бюрократизма. Бюрократизация частных предприятий, которая, как мы видим сегодня, происходит повсюду, является прямым результатом интервенционизма, вынуждающего предприятия принимать в расчет факторы, которые при условии свободы определения своей политики вряд ли играли бы какую-либо роль в ведении дела. Когда фирма должна учитывать политические предрассудки и разного рода сантименты, чтобы избежать постоянного беспокойства со стороны многочисленных государственных органов, она вскоре обнаруживает, что больше не в состоянии строить свои расчеты на прочной основе прибыли и убытков. Например, некоторые предприятия коммунального хозяйства в Соединенных Штатах, чтобы избежать конфликтов с общественным мнением, а также с законодательными, судебными и административными органами правительства, проводя кадровую политику, не берут на работу католиков, евреев, атеистов, дарвинистов, негров, ирландцев, немцев, итальянцев и вновь прибывших иммигрантов. В интервенционистском государстве,

чтобы избежать обременительных наказаний, каждое предприятие вынуждено приспосабливаться к пожеланиям властей. В результате эти и другие соображения, чуждые предпринимательскому принципу извлечения прибыли, начинают играть все большую и большую роль в ведении дела, тогда как роль точных расчетов и учета издержек соответственно уменьшается, и частное предприятие начинает все больше принимать на вооружение методы управления государственными предприятиями с их развитым аппаратом формальных правил и инструкций. Одним словом, оно становится бюрократизированным.

Таким образом, прогрессирующая бюрократизация крупных предприятий ни в коей мере не является результатом неумолимой тенденции, присущей развитию капиталистической экономики. Она является не чем иным, как следствием политики интервенционизма. В отсутствие вмешательства государства в их функционирование даже самыми крупными концернами можно было бы управлять так же по-деловому, как и небольшими фирмами.

ГЛАВА 3

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1. Границы государства

Либерал не видит никакого противоречия между внутренней политикой и внешней политикой. С его точки зрения, так часто поднимавшийся и подробно обсуждавшийся вопрос о том, следует ли отдавать приоритет соображениям внешней политики по сравнению с интересами внутренней политики и наоборот, является праздным. Ибо либерализм изначально является политической концепцией, охватывающей весь мир, и те же самые идеи, которые он стремится реализовать в ограниченной области, он считает действительными и для более широкой сферы международной политики. Если либерал и разграничивает внешнюю и внутреннюю политику, то он делает это исключительно с целью удобства и классификации, чтобы подразделить обширные обла-

сти политических проблем на крупные типы, а не потому, что считает, будто для каждой из них действительно различные принципы.

Цель внутренней политики либерализма та же самая, что и внешней, — мир. Она направлена на мирное сотрудничество как между народами, так и внутри каждой нации. Отправным пунктом либеральной мысли является признание ценности и важности человеческого сотрудничества, а вся политика и программа либерализма служит цели поддержания и расширения существующего состояния взаимного сотрудничества между членами рода человеческого. Конечным идеалом либерализма является полное сотрудничество всего человечества, протекающее мирно и без трений. Либеральная мысль всегда имеет в виду все человечество, а не просто его части. Либерализм не останавливается на ограниченных группах; он не заканчивается на границе деревни, провинции, страны или континента. Его мышление отличается космополитичностью и всемирностью: оно вбирает в себя всех людей и весь мир. В этом смысле либерализм есть гуманизм, а либерал — гражданин мира, космополит.

Сегодня, когда в мире господствуют антилиберальные идеи, в глазах широких масс космополитизм выглядит подозрительно. В Германии не в меру рьяные патриоты не могут простить великим немецким поэ-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

там, особенно Гёте, что их мысли и чувства, вместо того чтобы ограничиваться национальными рамками, имели космополитическую направленность. Полагают, что существует непримиримый конфликт между интересами нации и интересами человечества, и тот, кто направляет свои стремления и усилия на благо всего человечества, тем самым пренебрегает интересами собственной нации. Едва ли может существовать более ошибочное мнение. Немец, работающий на благо всего человечества, наносит не больше вреда частным интересам своих соотечественников — т.е. людям, с которыми он живет на одной земле и говорит на одном языке и с которыми он образует этническую и духовную общность, — чем немец, работающий на благо всей немецкой нации, — интересам своего родного города. Человек столь же заинтересован в процветании всего мира, как и в процветании местной общины, в которой он живет.

Шовинистически настроенные националисты, утверждающие, что между разными нациями существуют непримиримые противоречия, и пытающиеся проводить политику, нацеленную на обеспечение — если понадобится, то и с помощью силы — господства своей нации над всеми остальными, обычно рьяно настаивают на необходимости и полезности внутреннего единства нации. Чем больший упор они делают на необходимости войны против зарубежных наций, тем бо-

лее настойчиво они призывают к миру и согласию среди членов собственной нации. Либерал ни в коей мере не возражает против требования внутреннего единства. Наоборот, требование мира в пределах каждой страны само является результатом либерального мышления и снискало известность лишь после того, как либеральные идеи XVIII в. получили широкое признание. До того как либеральная философия с ее безусловным прославлением мира овладела умами людей, война не ограничивалась конфликтами между странами. Нации сами были раздираемы постоянными гражданскими распрями и кровавой внутренней борьбой. В XVIII в. британцы еще противостояли друг другу в битве под Гуллоденом³⁷, и даже в XIX в., когда Пруссия развязала войну против Австрии, другие германские государства воевали по обе стороны фронта. В то время Пруссия не видела ничего зазорного в том, чтобы воевать на стороне Италии против германской Австрии, а в 1870 г. только быстрое развитие событий помешало Австрии присоединиться к Франции в войне против Пруссии и ее союзников. Многие победы, которыми гордится прусская армия, были одержаны прусскими войсками над войсками других германских государств. Именно либерализм, первым научивший народы сохранять внутренний мир, также хочет научить поддерживать его в их отношениях с другими странами.

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Решающий, неопровержимый аргумент против войны либерализм выводит из факта международного разделения труда. Разделение труда давным-давно уже вышло за границы каждой отдельной страны. Ни одна цивилизованная нация сегодня не удовлетворяет свои потребности только за счет своего собственного производства. Все вынуждены получать товары из-за границы и расплачиваться за них, экспортируя отечественную продукцию. Все, что могло бы затруднить или остановить международный обмен товарами, нанесло огромный ущерб человеческой цивилизации и подорвало бы благосостояние и саму основу всей человеческой цивилизации, миллионов и миллионов людей. В век, когда народы зависят от товаров зарубежного производства, нельзя больше развязывать войны. Поскольку любое прекращение потоков импорта может иметь решающее влияние на исход войны, развязанной страной, вовлеченной в международное разделение труда, политика, желающая принять во внимание возможность войны, должна постараться сделать национальную экономику самообеспечиваемой, т.е. она даже в мирное время должна стремиться остановить международное разделение труда у своих границ. Если бы Германия пожелала отказаться от участия в международном разделении труда и попыталась удовлетворить все свои нужды только за счет отечественного производства,

то совокупный годовой продукт труда Германии уменьшился бы, и тем самым существенно понизились бы благосостояние, уровень жизни и культурный уровень немецкого народа.

2. ПРАВО НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Уже отмечалось, что страна может сохранять внутренний мир только в том случае, если демократическая конституция обеспечивает гарантии, что приспособление правительства к воле граждан происходит без трения. Ничего, кроме последовательного применения этого же принципа, не требуется для поддержания международного мира.

Либералы более ранних эпох полагали, что народы Земли миролюбивы по своей природе и только монархи желают войны, чтобы увеличить свою власть и богатство путем завоевания провинций. Поэтому они полагали, что для обеспечения прочного мира достаточно заменить правление династических государей правительствами, зависящими от народа. Если демократическая республика находит, что ее существующие границы, исторически сложившиеся до перехода к либерализму, больше не соответствуют политическим желаниям народа, то они должны быть мирно изменены, чтобы соответствовать результатам плебисцита, выра-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

жающего народную волю. Необходимо всегда иметь возможность изменить границы государства, если ясно выражена воля населения определенного района войти в состав другого государства. В XVII—XVIII вв. русские цари включили в состав своей империи обширные области, население которых никогда не испытывало желания быть частью Российского государства. Даже если бы Российская империя приняла абсолютно демократическую конституцию, желание населения этих территорий не было бы удовлетворено, потому что они не хотели связывать себя узами политического союза с Россией. Их демократическими требованиями были: свобода от Российской империи; образование независимых Польши, Финляндии, Латвии, Литвы и т.д. Тот факт, что их требования и аналогичные требования других народов (например, итальянцев, немцев в Шлезвиг-Гольштейне³⁸, славян в Габсбургской империи³⁹) можно было удовлетворить, только прибегнув к силе оружия, был самой важной причиной всех европейских войн со времен Венского конгресса⁴⁰.

Право на самоопределение в вопросе вхождения в состав какого-либо государства тем самым означает следующее: всякий раз, когда население какой-либо территории, будь то отдельная деревня, целый район или несколько прилежащих районов, дает знать путем свободного плебисцита, что оно больше не желает на-

ходиться в государстве, к которому принадлежит в настоящее время, а хочет либо образовать независимое государство, либо присоединиться к какому-либо другому государству, его желание следует уважать и удовлетворять. Это единственно возможный и эффективный способ избежать революций, гражданских и международных войн.

Называть право самоопределения «правом самоопределения наций» — значит неправильно его понимать. Это не право на самоопределение национальной единицы в сложившихся границах, а право жителей каждой территории решать, к какому государству они желают принадлежать. Еще более вопиющим образом непонимание этого различия проявляется, когда выражение «самоопределение наций» подразумевает, что национальное государство имеет право отделять и включать в свой состав против воли жителей те части нации, которые находятся на территории другого государства. Именно правом наций на самоопределение, понимаемым в этом смысле, итальянские фашисты стремятся оправдать свое требование об отделении кантона Тессин и некоторых частей других кантонов от Швейцарии и присоединение их к Италии, несмотря на то что жители этих кантонов не испытывают такого желания. Подобную позицию занимают некоторые сторонники пангерманизма в отношении немецкой Швейцарии и Нидерландов.

ВСЯКИЙ РАЗ, КОГДА НАСЕЛЕНИЕ КАКОЙ-ЛИБО ТЕРРИТОРИИ... ДАЕТ ЗНАТЬ ПУТЕМ СВОБОДНОГО ПЛЕБИСЦИТА, ЧТО ОНО БОЛЬШЕ НЕ ЖЕЛАЕТ НАХОДИТЬСЯ В ГОСУДАРСТВЕ, К КОТОРОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ... ЕГО ЖЕЛАНИЕ СЛЕДУЕТ УВАЖАТЬ И УДОВЛЕТВОРЯТЬ

Однако право на самоопределение, о котором мы говорим, это не право на самоопределение наций, а скорее право на самоопределение жителей любой достаточно большой, чтобы образовать независимую административную единицу, территории. Если каким-либо образом можно было бы предоставить право самоопределения каждому отдельному человеку, то это следовало бы сделать. Этому мешают только трудности технического характера, требующие, чтобы регион управлялся как единая административная единица и чтобы право на самоопределение было ограничено волей большинства населения достаточно крупных областей, чтобы в системе управления страной считать их территориальными единицами.

Насколько право на самоопределение вообще действовало, и везде, где бы ему ни позволяли вступить в силу, в XIX–XX вв. оно привело к образованию государств, состоящих из одной национальности (т.е. людей, говорящих на одном языке), и распаду государств, состоящих из нескольких национальностей, но только как результат свободного выбора тех, кому дано право участвовать в плебисците. Образование государств, включающих в свой состав всех членов национальной группы, было *результатом* осуществления права на самоопределение, но не его целью. Если некоторые члены нации чувствуют себя счастливее, будучи поли-

3. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

тически независимыми, а не частью государства, объединяющего всех представителей одной и той же языковой группы, можно, конечно, попытаться изменить их политические представления путем убеждения, перейти на сторону принципа национальности, в соответствии с которым все члены одной языковой группы должны создавать единое независимое государство. Если, однако, стремиться определить их политическую судьбу против их воли, апеллируя к якобы высшему праву нации, то это нарушает право на самоопределение в не меньшей степени, чем при применении любой другой формы принуждения. Раздел Швейцарии между Германией, Францией и Италией, даже если его произвести в точности по языковым границам, был бы таким же грубым нарушением права на самоопределение, как и раздел Польши.

3. Политические основы мира

Можно было бы подумать, что после опыта мировой войны осознание необходимости постоянного мира станет всеобщим. Однако до сих пор отсутствует понимание того, что прочного мира можно достичь только осуществляя повсюду либеральную программу и постоянно и последовательно придерживаясь ее, и что мировая война была не чем иным, как естественным и неизбеж-

ным следствием антилиберальной политики последних десятилетий.

Бессмысленный и бездумный лозунг возлагает ответственность за войну на капитализм. Связь между войной и политикой протекционизма очевидна, а в результате вопиющего незнания фактов протекционистские пошлины напрямую связываются с капитализмом. Люди забывают, что еще совсем недавно все националистические публикации были переполнены резкими выпадами в адрес международного капитала («финансового капитала» и «международного золотого треста») за то, что у него нет родины, что он выступает против протекционистских пошлин, за то, что он отвергает войну и вообще склонен к миру. Абсурдно также возлагать ответственность за развязывание войны на военную промышленность. Военная промышленность возникла и достигла значительных размеров только потому, что воинственно настроенные правительства и народы требовали оружия. Было бы действительно нелепо предполагать, что нации обращаются к империалистической политике из любезности к производителям пушек. Военная промышленность, как и любая другая, появилась, чтобы удовлетворить спрос. Если бы нации предпочли что-то другое вместо пуль и взрывчатки, то фабриканты производили бы именно это вместо военной продукции.

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Можно предположить, что желание мира сегодня объединяет всех. Но народы мира не совсем понимают, какие условия необходимо выполнять, чтобы его обеспечить.

Если мир не должен быть потревожен, необходимо устранить все стимулы к агрессии. Должен быть установлен такой мировой порядок, при котором нации и национальные группы были бы удовлетворены условиями жизни и не ощущали, что их вынуждают прибегать к отчаянному средству — войне. Либерал не рассчитывает, что войну можно упразднить с помощью проповедей и нравоучений. Он стремится создать социальные условия, которые устранят причины войны.

В этом отношении первым требованием является частная собственность. Важный мотив развязывания войны уже исключается, когда частная собственность гарантируется даже во время войны, когда победитель не имеет права присваивать собственность частных лиц, а присвоение государственной собственности не имеет большого значения, поскольку везде господствует частная собственность на средства производства. Однако этого далеко не достаточно, чтобы гарантировать мир. Чтобы осуществление права на самоопределение невозможно было свести к фарсу, политические институты должны быть такими, чтобы передача суверенитета над территорией от одного правительства к другому имела

минимальное значение, не приносящее никому ни выгоды, ни ущерба. У людей существует неправильное представление о том, что для этого требуется. Поэтому необходимо пояснить это на нескольких примерах.

Посмотрите на карту языковых и национальных групп Центральной или Восточной Европы и обратите внимание на то, как часто, например, в Северной или Западной Богемии граница между ними пересекается железнодорожными линиями. В условиях интервенционизма и этатизма здесь не существует способа провести границы государства, соответствующие языковым границам. Нельзя управлять чешской государственной железной дорогой на земле немецкого государства, и тем более невозможно управлять железной дорогой, у которой через каждые несколько миль меняется руководство. Абсолютно немыслимо также через каждые несколько минут или четверть часа железнодорожной поездки сталкиваться с тарифным барьером со всеми его таможенными формальностями. Таким образом, легко понять, почему этатисты и интервенционисты приходят к заключению, что «географическое» и «экономическое» единство таких районов не должно «разрываться» и что поэтому эти территории должны быть объединены под суверенитетом одного «правителя». (Очевидно, что каждая нация при этом стремится доказать, что в данных обстоятельствах только она имеет право и полномо-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

чия на роль такого правителя.) Для либерализма здесь нет никаких проблем. Частные железные дороги, если они свободны от государственного вмешательства, могут без всяких проблем пересекать территории многих государств. Если нет таможенных границ и иных ограничений, а также ограничений на передвижение людей, животных или товаров, то не имеет никакого значения, как часто маршрут поезда пересекает границу в течение нескольких часов.

Карта языковых групп показывает также существование национальных анклавов. Не имея территориальной связи с основной массой своего народа, соотечественники селятся вместе в обособленных поселениях или на языковых островах. В современных политических условиях они не могут быть инкорпорированы в материнскую страну. Тот факт, что район, окруженный государством, сегодня огражден стеной пошлин, делает неразрывность территориальной целостности политической необходимостью. Небольшое «зарубежное владение», будучи изолированным от прилегающей территории с помощью пошлин и других протекционистских мер, подвергалось бы риску экономического удушения. Но если существует свобода торговли и государство ограничивается защитой частной собственности, нет ничего проще решения этой проблемы. В таком случае ни один языковой остров не должен молчаливо согла-

шаться с нарушением своих национальных прав только из-за того, что не соединен с основной массой своего народа территориальным мостом, населенным своими соотечественниками.

Пресловутая «проблема коридора» также возникает только в условиях империалистическо-этатистско-интервенционистской системы. Страна, находящаяся в глубине материка, считает, что ей нужен «коридор» к морю для защиты своей внешней торговли от влияния интервенционистской и этатистской политики стран, территория которых отделяет ее от моря. Если бы свободная торговля была правилом, трудно было бы понять, какие преимущества можно ожидать от обладания «коридором».

Переход из одной «экономической зоны» (в этатистском смысле) в другую имеет серьезные экономические последствия. Стоит только вспомнить, например, о хлопчатобумажной промышленности Верхнего Эльзаса, которой пришлось дважды пережить этот опыт, или о польской текстильной промышленности Верхней Силезии, и т.д. Если изменение политической принадлежности территории подразумевает выгоды или ущерб для ее жителей, тогда их свобода голосовать за государство, к которому они хотели бы принадлежать, существенно ограничивается. О подлинном самоопределении можно говорить только в том случае, если решение каждого

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

индивида определяется свободной волей, а не страхом убытков или надеждой на прибыль. Капиталистический мир, организованный на либеральных принципах, не знает отдельных «экономических» зон. В таком мире вся земная поверхность образует единую экономическую территорию.

Право на самоопределение выгодно только тем, кто составляет большинство. Для защиты меньшинств требуются внутренние мероприятия, из числа которых мы в первую очередь рассмотрим те, что связаны с национальной политикой в области образования.

Сегодня в большинстве стран посещение школы или по меньшей мере домашнее обучение является обязательным. Родители обязаны отправлять своих детей в школу на протяжении определенного количества лет или вместо этого государственного обучения дать им эквивалентный объем образования дома. Бессмысленно углубляться в аргументы, выдвигавшиеся как в пользу, так и против обязательного образования, когда этот вопрос был еще животрепещущим. Они не имеют ни малейшего отношения к проблеме в том виде, как она существует сегодня. Для нас важен только *один* аспект этого вопроса, а именно то, что продолжающаяся приверженность политике обязательного образования совершенно несовместима с попытками установить прочный мир.

Несомненно, жители Лондона, Парижа и Берлина сочтут такое заявление невероятным. Что общего может иметь система обязательного образования с проблемами войны и мира? Однако нельзя обсуждать этот вопрос, подобно многим другим, только с точки зрения народов Западной Европы. Разумеется, в Лондоне, Париже и Берлине проблема обязательного образования решается без труда. В этих городах не возникает сомнения, на каком языке вести обучение. Население, которое живет в этих городах и посылает своих детей в школу, в общем и целом можно считать однородным по национальному составу. Но даже не говорящие на английском языке, но живущие в Лондоне люди считают, что в интересах их детей, чтобы обучение велось на английском языке и ни на каком другом. То же самое относится к Парижу и Берлину.

Однако проблема обязательного образования имеет совершенно иное значение в тех обширных регионах, где говорящие на разных языках народы живут бок о бок в смешанном многоязычном сообществе. Здесь вопрос о том, на каком языке вести обучение, приобретает ключевое значение. То или иное решение с течением времени может определить национальность всего района. Школа способна отдалить детей от национальности, к которой принадлежат их родители, и может использоваться как средство угнетения целых национальностей.

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Тот, кто контролирует школы, имеет возможность причинять вред одним национальностям и приносить пользу своей собственной.

Предложение посылать каждого ребенка в ту школу, где говорят на языке его родителей, не является решением проблемы. Прежде всего, даже если оставить в стороне проблему детей со смешанным языковым происхождением, не всегда просто решить, какой язык является их родным. В многоязычных районах профессии многих людей требуют знания и применения всех языков, на которых говорят в стране. Кроме того, часто человек не может — опять же из-за средств к существованию — открыто объявить о принадлежности к той или иной национальности. В интервенционистской системе это может стоить ему потери покупателей, принадлежащих к другим национальностям, или работы, если предприниматель — представитель другой национальности. Далее, многие родители даже предпочли бы послать своих детей в школы иной национальности, чем их собственная, потому что они ставят преимущества двуязычия или ассимиляции с другой национальностью выше, чем лояльность к своему народу. Оставить за родителями право выбора школы для своих детей означает подвергнуть их всем мыслимым формам политического принуждения. Во всех районах, где национальности перемешаны, школа представляет собой главнейший по-

литический приз. Ее невозможно лишить политического характера до тех пор, пока она остается государственным и обязательным институтом. Фактически существует только *одно* решение: государство, правительство, законы никак не должны касаться школы и образования. Государственные средства не должны использоваться на эти цели. Воспитание и обучение должно быть полностью предоставлено родителям и частным объединениям и учреждениям.

Лучше будет, если несколько ребят вырастут без формального образования, чем если они воспользуются благами школьного обучения только для того, чтобы, повзрослев, столкнуться с риском быть убитыми или искалеченными. Неграмотный, но здоровый человек всегда лучше грамотного калеки.

Но даже если мы устраним духовное насилие, осуществляемое системой обязательного образования, мы все еще будем далеки от того, чтобы сделать все необходимое для устранения всех источников трений между национальностями, проживающими на многоязычных территориях. Школа — лишь одно из средств угнетения национальностей, возможно, на наш взгляд, самое опасное, но, безусловно, не единственное. Любое вмешательство в экономическую жизнь со стороны государства может стать средством преследования людей, принадлежащих к национальностям, говорящих на ином,

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

чем правящая группа, языке. По этой причине в интересах сохранения мира деятельность правительства должна быть ограничена сферой, в которой она является в самом строгом смысле слова незаменимой.

Мы не можем обойтись без государственного аппарата в деле защиты и сохранения жизни, свободы, собственности и здоровья личности. Но даже служа этим целям, судейская и полицейская активность может стать опасной в районах, где может быть найдено хоть какое-то основание для отличия одной группы от другой при ведении официальной деятельности. Только в странах, где не существует никаких особых мотивов для пристрастного отношения, в целом не будет никаких причин опасаться того, что магистрат, который, как предполагается, должен применять законы о защите жизни, свободы, собственности и здоровья, будет действовать с предубеждением. Там же, где различия в религии, национальности и подобные различия поделили людей на группы, разделенные столь глубокой пропастью, что исключается любое проявление справедливости и человечности, и где не осталось места ничему, кроме ненависти, ситуация совершенно иная. Тогда судья, сознательно, а гораздо чаще бессознательно, действующий с предубеждением, полагает, что он выполняет высший долг, когда использует права и полномочия своей должности в интересах собственной группы.

Если правительственный аппарат не имеет никаких иных функций, кроме защиты жизни, свободы, собственности и здоровья граждан, то возможно хотя бы составить правила, которые настолько строго очертят сферу свободной деятельности административных властей и судов, чтобы не осталось простора для произвольных субъективных решений. Но как только часть управления производством передается государству, как только аппарат правительства призван определять размещение благ высшего порядка, становится невозможно удержать чиновников в рамках ограничивающих правил и инструкций, которые гарантировали бы определенные права каждому гражданину. Уголовный кодекс, предназначенный для того, чтобы наказывать убийц, может, по крайней мере до некоторой степени, проводить разделительную линию между тем, что считается, и тем, что не должно считаться убийством, и тем самым установить определенные рамки, в пределах которых судья волен ориентироваться на собственные оценки. Конечно, каждый юрист слишком хорошо знает, что даже самый хороший закон можно извратить: в конкретных делах, при толковании, применении и исполнении его положений. Но в случае с правительственным ведомством, на которое возложено управление транспортом, шахтами или государственной землей, независимо от того, насколько можно ограничить

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

свободу его действий по каким-то другим основаниям (обсуждавшимся выше), самое большее, что можно сделать, чтобы сохранять его беспристрастность в отношении спорных вопросов национальной политики, — это дать указания, сформулированные в утверждениях самого общего характера. Этому ведомству необходимо предоставить свободу маневра во многих отношениях, поскольку невозможно заранее знать, в каких обстоятельствах оно будет действовать. Тем самым широко открывается дверь для проявлений произвола, пристрастности и злоупотребления официальной властью.

Даже в районах проживания людей разных национальностей существует необходимость в едином управлении. Невозможно на каждом перекрестке поставить одновременно по чешскому и по немецкому полицейскому, каждый из которых защищал бы только людей своей национальности. И даже если это было бы возможно, все равно возникал бы вопрос, кто должен действовать, если в ситуацию, требующую вмешательства, вовлечены люди обеих национальностей. Недостатки, появляющиеся вследствие необходимости единого управления на этих территориях, неизбежны. Но если трудности существуют уже при выполнении таких необходимых функций государства, как защита жизни, свободы, собственности и здоровья, не следует раздувать их до поистине чудовищных масштабов, распространяя активность го-

сударства на другие области, где по самой их природе должен быть предоставлен еще больший простор произвольным суждениям.

Обширные территории были заселены людьми не одной национальности, одной расы или одной религии, а пестрой смесью разных народов. В результате миграции, неизбежно следующей за изменениями в размещении производства, все больше новых территорий постоянно сталкиваются с проблемой смешанного населения. И если нет желания искусственно усугублять трения, которые возникают в результате совместного проживания различных групп, то необходимо ограничить деятельность государства только теми задачами, выполнение которых возможно только им.

4. НАЦИОНАЛИЗМ

Пока странами правили монархические деспоты, идея приведения границ государства в соответствие с границами проживания различных национальностей не могла найти одобрения. Если властелин желал присоединить какую-либо провинцию к своему королевству, он мало заботился о том, согласны ли жители — подданные — со сменой правителя или нет. Относящимся к делу считалось только одно соображение, а именно: хватит ли военной силы, чтобы завоевать и удержать

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

данную территорию. Публично все оправдывалось более или менее искусственно сконструированными законными притязаниями. Национальность жителей данной территории вообще не принималась во внимание.

Именно с подъемом либерализма вопрос о том, как следует проводить границы государств, впервые стал рассматриваться независимо от военных, исторических и юридических соображений. Либерализм, в соответствии с которым государство создается по воле большинства людей, живущих на определенной территории, отклоняет все военные соображения, прежде имевшие решающее значение в определении границ государства. Он отвергает право завоевания. Он не может принять аргумента о «стратегических границах» и находит абсолютно непостижимым требование присоединить участок земли к своему государству с целью заполучить бруствер⁴¹. Либерализм не признает исторического права принца на наследование какой-либо провинции. В либеральном понимании король может править только людьми, а не определенным участком земли, жители которого рассматриваются просто как придаток. Монарх милостию Божией носит титул по названию территории, например «король Франции». Короли, коронованные либерализмом, получают свои титулы не от названия территории, а от имени народа, которым они правят как конституционные монархи. Так, Луи-Филипп носил титул

«король французов», и точно так же существует «король бельгийцев», как когда-то был «король эллинов».

Именно либерализм создал правовую форму, с помощью которой может быть выражено желание народа принадлежать или не принадлежать определенному государству, — плебисцит. Государство, к которому желают принадлежать жители некоторой территории, должно быть выявлено путем опроса. Но даже если были бы выполнены все необходимые политические и экономические условия (например, национальная политика в области образования) с целью не допустить сведения плебисцита к фарсу, даже если было бы возможно провести опрос жителей каждой общины и повторять этот опрос всякий раз, когда меняются обстоятельства, все равно останутся определенные нерешенные проблемы как источник возможных трений между разными национальностями. Ситуация вынужденной принадлежности к государству, в случае если это является результатом выборов, не менее тягостна, чем когда она является результатом военного завоевания. Но она вдвойне трудна для человека, который отрезан от большинства сограждан языковым барьером.

Быть членом национального меньшинства всегда означает быть гражданином второго сорта. Обсуждение политических вопросов должно, конечно, вестись посредством письменного и устного слова — в речах,

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

газетных статьях и книгах. Однако этими средствами политического просвещения и дискуссии языковое меньшинство не владеет в той же степени, как те, для кого родным языком (языком, используемым в повседневной речи) является язык, на котором ведется обсуждение. В конце концов, политическая мысль народа — это отражение идей, содержащихся в политической литературе. Отлитый в форму писаного закона результат политических дискуссий приобретает непосредственное значение для гражданина, говорящего на ином языке, поскольку он должен повиноваться закону. Однако он чувствует отстраненность от активного участия в формировании воли законодательной власти или по крайней мере чувствует, что ему не позволено участвовать в ее формировании в той же степени, как тем, чьим родным языком является язык правящего большинства. И когда он предстает перед судьей или любым другим чиновником с ходатайством или петицией, он сталкивается с людьми, политическая мысль которых ему чужда, потому что она развилась под воздействием иных политических влияний.

Но даже, помимо всего этого, сам факт того, что представителям меньшинства, когда они предстают перед судом или административными властями, приходится пользоваться чужим для них языком, уже серьезно мешает им во многих отношениях. Есть большая разни-

ца — при рассмотрении дела говорить с судьей напрямую или быть вынужденным пользоваться услугами переводчика. На каждом шагу человека, принадлежащего к национальному меньшинству, заставляют почувствовать, что он живет среди чужих и что он — гражданин второго сорта, даже если закон это отрицает.

Все эти неудобства действуют весьма угнетающе даже в государстве с либеральной конституцией, где активность государства ограничена защитой жизни и собственности граждан. Но они становятся совершенно невыносимыми в интервенционистском или социалистическом государстве. Если административные власти имеют право повсюду вмешиваться по своему собственному усмотрению, если простор в принятии решений, предоставленный судьям и чиновникам, столь широк, что оставляет место и для проявления политических пристрастий, тогда член национального меньшинства оказывается предоставленным произволу и угнетению со стороны чиновников, принадлежащих к правящему большинству. Что происходит, когда школы и церкви также не являются независимыми, а подлежат регулированию со стороны государства, уже обсуждалось.

Именно здесь следует искать корни агрессивного национализма, проявления которого мы сегодня наблюдаем. Попытки усмотреть естественные, а не политические причины острых противоречий, существующих

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

сегодня между народами, абсолютно ошибочны. Все признаки предположительно врожденного чувства антипатии между народами, которые обычно приводятся в доказательство, существуют также и в пределах каждой отдельной нации. Баварцы ненавидят пруссаков, пруссаки — баварцев. Не менее лютая ненависть существует между отдельными группами в Польше и во Франции. Тем не менее в рамках своих стран немцам, полякам и французам удастся жить мирно. Особое политическое значение чувству антипатии поляков к немцам и немцев к полякам придает стремление каждого из этих двух народов захватить под свой политический контроль пограничные области, в которых немцы и поляки живут бок о бок, и использовать это для угнетения людей другой национальности. Стремление людей использовать школы, чтобы отдалить детей от языка их родителей, суды и административные учреждения, политические и экономические меры и прямую экспроприацию, чтобы преследовать тех, кто говорит на иностранном языке, разжигает всепожирающий пожар ненависти между народами. Поскольку люди готовы прибегать к силовым методам, чтобы создать благоприятные условия для политического будущего собственной нации, они устанавливают систему угнетения в многоязычных областях, которая угрожает миру во всем мире.

До тех пор пока либеральная программа не будет проводиться на территориях со смешанным национальным населением в полном объеме, ненависть между людьми разных национальностей будет становиться еще более жестокой и продолжать разжигать новые войны и восстания.

5. ИМПЕРИАЛИЗМ

В предыдущие века жажда завоеваний у абсолютных монархов была направлена на расширение сферы их власти и увеличение богатства. Ни один государь не мог быть окончательно могущественным, ибо только силой он мог удержать свою власть в борьбе против внешних и внутренних врагов. Ни у одного государя не могло быть довольно богатства — он нуждался в деньгах для содержания солдат.

Для либерального государства вопрос о том, будут расширены границы его территории или нет, не имеет большого значения. Оно не может стать богаче путем аннексии новых провинций, так как «доход», получаемый с территории, должен использоваться на покрытие затрат на ее управление. Для либерального государства, которое не вынашивает никаких агрессивных планов, укрепление военной мощи не является важной проблемой. Так, либеральные парламенты противились любым

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

попыткам увеличить военный потенциал их стран и выступали против любой воинственной и захватнической политики.

Но либеральная политика мира, которая в начале 60-х годов прошлого столетия, когда либерализм одерживал одну победу за другой, считалась гарантированной, по крайней мере в Европе, была основана на допущении, что люди, живущие на каждой территории, будут иметь право сами определять государство, к которому они желают принадлежать. Но поскольку абсолютистские власти не имели намерений мирно отказываться от своих прерогатив, то, для того чтобы обеспечить это право, сначала понадобился ряд нешуточных войн и революций. Свержение иностранного господства в Италии, сохранение немцев в Шлезвиг-Гольштейне перед лицом угрожавшей денационализации, освобождение поляков и южных славян стали возможны только силой оружия. Только в одном из множества мест, где существующий политический порядок оказался противоречащим требованиям права на самоопределение, проблему удалось разрешить мирно: либеральная Англия освободила Ионийские острова. В других местах та же самая ситуация привела к войнам и революциям. Из борьбы за создание объединенного немецкого государства развился катастрофический современный франко-германский конфликт⁴²; польский вопрос остался нерешенным, потому

что царь подавлял одно восстание за другим; балканский вопрос был урегулирован только частично; а невозможность решения проблемы Габсбургской монархии против воли правящей династии в конце концов привела к инциденту, ставшему непосредственной причиной мировой войны⁴³.

Современный империализм отличается от экспансионистских тенденций абсолютистских княжеств тем, что его движущей силой являются не члены правящей династии и даже не дворянство, бюрократия или офицерский корпус армии, стремящиеся к личному обогащению и возвышению посредством разграбления ресурсов завоеванных территорий, а народные массы, которые видят в нем самое подходящее средство сохранения национальной независимости. В рамках сложной системы антилиберальной политики, которая настолько расширила функции государства, что вряд ли оставила хоть одну область человеческой деятельности свободной от правительственного вмешательства, тщетно надеяться даже на умеренно удовлетворительное решение политических проблем регионов, где люди нескольких национальностей живут бок о бок. Если правительство этих территорий не проводит последовательно либеральную линию, не может идти речи ни о каком приближении к равноправию в отношении различных национальных групп. В этом случае могут быть только те, кто

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

правит, и те, кем правят. Единственный выбор состоит в том, кто из них будет молотом, а кто наковальней. Тем самым стремление к сильному, насколько это возможно, национальному государству — которое способно распространить свой контроль на все территории, где люди разных национальностей живут попеременно, — становится необходимым требованием национального самосохранения.

Но проблема смешанных языковых территорий не ограничивается давно заселенными странами. Капитализм открывает для цивилизации новые земли, предлагающие более благоприятные условия производства, чем большие части стран, заселенных давно. Капитал и труд перетекают в наиболее благоприятные места. Миграции, связанные с этими факторами, намного превосходят все предыдущие миграции народов по миру. Только эмигранты из небольшого числа стран могут переселяться на земли, где политическая власть находится в руках их соотечественников. В противном случае миграция опять вызывает все те конфликты, которые обычно развиваются на многоязычных территориях. В особых случаях, на которых мы здесь останавливаться не будем, проблемы, возникающие в заокеанских колониях, носят несколько иной характер, чем в давно заселенных странах Европы. Тем не менее конфликты, возникающие в результате неудовлетворительного положения

ИМЕННО В ОТНОШЕНИИ АНГЛИИ ВПЕРВЫЕ БЫЛ УПОТРЕБЛЕН ТЕРМИН «ИМПЕРИАЛИЗМ» С ЦЕЛЬЮ ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

национальных меньшинств, в конечном счете одинаковы. Желание каждой страны оградить своих подданных от такой перспективы приводит, с одной стороны, к борьбе за приобретение колоний, подходящих для заселения европейцами, а с другой стороны, к принятию на вооружение политики применения импортных пошлин для защиты внутреннего производства, действующего в менее благоприятных условиях по сравнению с более конкурентоспособной иностранной промышленностью, в надежде сделать таким образом эмиграцию рабочих ненужной. Фактически для того чтобы насколько возможно расширить защищенные рынки, совершаются попытки завладеть даже территориями, которые считаются неподходящими для заселения европейцами. Начало современного капитализма мы можем датировать концом 70-х годов прошлого века, когда промышленные страны Европы стали отказываться от политики свободной торговли и участвовать в гонке за колониальные «рынки» в Африке и Азии.

Именно в отношении Англии впервые был употреблен термин «империализм» с целью охарактеризовать современную политику территориальной экспансии. Разумеется, империализм Англии первоначально был направлен не столько на присоединение новых территорий, сколько на создание пространства единой коммерческой политики из многочисленных владений,

подвластных английской короне. Это был результат специфической ситуации, в которой оказалась Англия, метрополия, владеющая самыми обширными колониальными поселениями в мире. Тем не менее цель, которой стремились достичь английские империалисты, создавая таможенный союз, охватывающий доминионы и метрополию, совпадала с целью колониальных приобретений Германии, Италии, Франции, Бельгии и других европейских стран, а именно с созданием защищенных экспортных рынков.

Масштабные коммерческие цели, на достижение которых была направлена политика империализма, нигде не были достигнуты. Мечта о всебританском таможенном союзе осталась нереализованной. Территории, аннексированные европейскими странами в последние десятилетия, как и те, в которых им удалось добиться «концессий», играют столь незначительную роль в обеспечении мирового рынка сырьем и полуфабрикатами и соответственно в потреблении промышленных товаров, что подобные договоренности не могут вызвать никаких существенных перемен. Чтобы достичь целей, к которым стремится империализм, европейским нациям недостаточно было оккупировать территории, населенные дикарями, не способными к сопротивлению. Им пришлось добиваться территорий, которыми владели народы, готовые и способные защищать себя. И именно

3. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

здесь политика империализма потерпела крушение или скоро придет к этому. В Абиссинии, в Мексике, на Кавказе, в Персии, в Китае — везде мы видим, как империалистические агрессоры отступают или по крайней мере уже испытывают огромные трудности.

6. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Соображения и цели, направляющие колониальную политику европейских держав с начала эпохи Великих географических открытий, абсолютно противоположны всем принципам либерализма. Основная идея колониальной политики состояла в использовании военного превосходства белой расы над людьми других рас. Европейцы, оснащенные всеми видами оружия и изобретениями, которые предоставила им их цивилизация, намеревались покорить более слабые народы, ограбить их и поработить. Делались попытки смягчить и приукрасить подлинные мотивы колониальной политики заявлениями о том, что ее единственной целью было дать возможность первобытным народам приобщиться к благам европейской цивилизации. Даже допуская, что это было действительной целью правительств, посылавших завоевателей в отдаленные части мира, либерал все равно не видит никакого удовлетворительно-го основания, чтобы считать колонизацию этого вида

полезной или выгодной. Если, как мы считаем, европейская цивилизация действительно превосходит цивилизацию первобытных племен Африки или цивилизации Азии — хотя последние могут быть по-своему достойны уважения, — она должна доказать свое превосходство, побудив эти народы принять ее по собственному желанию. Может ли быть более печальное доказательство бесплодия европейской цивилизации, чем то, что ее можно распространить только с помощью огня и меча?

Ни в одной главе истории не было столько крови, как в истории колониализма. Кровь проливалась бесполезно и бессмысленно. Цветущие земли были опустошены; были уничтожены и исчезли с лица земли целые народы. Все это никак нельзя ни извинить, ни оправдать. Власть европейцев в Африке и в ключевых районах Азии абсолютна. Она резко противоречит всем принципам либерализма и демократии, и нет никаких сомнений, что мы должны бороться за ее отмену. Единственный вопрос заключается в том, каким путем изменить это нетерпимое состояние, чтобы причинить минимум вреда.

Самым простым и радикальным решением для европейских государств был бы отзыв своих чиновников, солдат и полиции из этих областей, чтобы предоставить их жителей самим себе. Не имеет значения, сделать ли это немедленно или провести плебисцит среди коренных жителей, прежде чем отказаться от колоний. Едва

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ли могут быть какие-либо сомнения в результате подлинно свободного выбора. Европейские правители заморских колоний не могут рассчитывать на согласие своих подданных.

Прямым следствием такого радикального решения стали бы если не полная анархия, то, по меньшей мере, постоянные конфликты на территориях, освоенных европейцами. Не рискуя ошибиться, можно считать, что пока коренные жители научились у европейцев только плохому, а не хорошему. И это вина не аборигенов, а их европейских завоевателей, которые научили их только порокам. Они привезли в колонии оружие и всевозможные средства уничтожения; в качестве чиновников и офицеров они посылали своих худших и самых жестоких представителей; силой оружия они установили колониальное правление, которое по своей кровавой жестокости соперничает с деспотической системой большевиков. Европейцы не должны удивляться тому, что плохой пример, который они явили собою в своих колониях, теперь приносит «плоды худые». В любом случае они не имеют права фарисейски жаловаться по поводу низких нравов среди коренных жителей. Так же необоснованны их утверждения о том, что коренные жители еще недостаточно созрели для свободы и что им нужно еще по крайней мере несколько лет обучения под кнутом иностранных правителей, прежде

чем их можно будет предоставить самим себе. Ибо это самое «обучение», по крайней мере частично, в ответе за те ужасные условия, которые существуют сегодня в колониях, пусть даже его последствия не проявятся со всей очевидностью до окончательного вывода европейских войск и чиновников.

Возможно, кто-то будет утверждать, что недопущение анархии, которая предположительно разразится после освобождения колоний, как раз и является обязанностью европейцев как высшей расы, поэтому они должны сохранять свои доминионы в интересах и во благо самих коренных жителей. Чтобы усилить этот аргумент, можно нарисовать мрачные картины условий, существовавших в Центральной Африке и во многих районах Азии до установления европейского правления. Можно вспомнить охоту на рабов, которую вели арабы в Центральной Африке, и бессмысленное насилие многочисленных индийских деспотов. Разумеется, в этой аргументации много лицемерия, и нельзя забывать, например, что работорговля в Африке могла процветать только потому, что в качестве покупателей на рынке рабов выступали потомки европейцев в американских колониях. Но нам нет нужды углубляться в аргументы за и против этой логики. Если все, на что можно сослаться в пользу сохранения европейского владычества в колониях, это якобы интересы коренных жителей,

3. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

тогда необходимо сказать, что было бы лучше, если бы с этим владычеством было полностью покончено. Никто не имеет права соваться в дела других, чтобы содействовать их интересам, и не следует, имея в виду свои интересы, делать вид, что бескорыстно действуешь только в интересах других.

Однако есть еще один аргумент в пользу правления и влияния европейцев на колониальных территориях. Если бы европейцы не установили свой суверенитет над тропическими колониями, если бы они не поставили свою экономическую систему в значительную зависимость от импорта тропического сырья и заморской сельскохозяйственной продукции, за которую они расплачиваются промышленными товарами, еще можно было бы спокойно обсуждать вопрос о целесообразности включения этих регионов в систему мирового рынка. Но так как все эти территории посредством колонизации уже вынужденно включены в структуру всемирного экономического сообщества, то мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Сегодня экономика Европы в значительной степени базируется на включенности в мировую экономику Африки и значительной части Азии в качестве поставщиков разнообразного сырья. Это сырье не отбирается у коренных жителей этих территорий силой. Оно не вывозится в качестве дани, а отдается в ходе добровольного обмена за промышлен-

ные товары из Европы. Таким образом, отношения основаны не на одностороннем преимуществе; наоборот, они имеют взаимовыгодный характер, и население колоний извлекает из них столько же выгоды, что и население Англии или Швейцарии. Любое прекращение торговых отношений повлекло бы за собой серьезный экономический ущерб как для Европы, так и для колоний и привело к резкому падению уровня жизни огромных масс людей. Если медленное распространение экономических отношений по всему свету и постепенное развитие мировой экономики было одним из важнейших источников увеличения богатства за последние полтора столетия, то поворот этой тенденции вспять стал бы для мира экономической катастрофой невиданных масштабов. По своему масштабу и последствиям эта катастрофа далеко превзошла бы кризис, связанный с экономическими последствиями мировой войны. Следует ли позволить благосостоянию Европы, а одновременно и колоний, прийти в упадок, чтобы дать коренным жителям шанс определить собственную политическую судьбу, если это в любом случае приведет не к их свободе, а просто к смене хозяев?

Это соображение должно быть решающим при оценке колониальной политики. Европейские чиновники, войска и полиция должны оставаться в этих областях до тех пор, пока их присутствие необходимо для под-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

держания правовых и политических условий, необходимых для того, чтобы гарантировать участие колониальных территорий в международной торговле. В колониях должна существовать возможность ведения коммерческих операций, промышленного и сельскохозяйственного производства, эксплуатации шахт и доставки продукции страны по железной дороге или водным путям до побережья, а далее в Европу и Америку. Продолжение этих процессов соответствует интересам всех, не только жителей Европы, Америки и Австралии, но и самих коренных жителей Азии и Африки. Там, где колониальные державы в обращении со своими колониями не выходят за эти пределы, против их деятельности не возникает никаких возражений даже с либеральной точки зрения.

Но всем известно, как серьезно колониальные державы нарушали этот принцип. Едва ли есть необходимость напоминать об ужасах, творившихся, как сообщали заслуживающие доверия английские корреспонденты, в Бельгийском Конго. Предположим, что эти зверства не предусматривались правительством Бельгии и их следует списать на крайности и дурной нрав чиновников, посланных в Конго. Однако тот факт, что почти все колониальные державы установили в своих заморских владениях торговую систему, которая ставит в выгодное положение товары из метрополии, показы-

вает, что в современной колониальной политике преобладают соображения, крайне далекие от тех, которые должны доминировать в этой сфере.

Чтобы гармонизировать интересы Европы и белой расы с интересами людей цветных рас, обитающих в колониях, по всем вопросам экономической политики, верховную власть по управлению всеми заморскими территориями, где нет системы парламентского правления, нужно отдать Лиге наций. Лига должна была бы следить, чтобы тем землям, которые сегодня не имеют самоуправления, оно было предоставлено как можно скорее и чтобы полномочия метрополии ограничивались защитой собственности и гражданских прав иностранцев, а также торговых отношений. Местные жители, а также граждане других держав должны получить право обращаться с жалобами непосредственно в Лигу, когда какое-либо мероприятие метрополии выходит за рамки, ограниченные необходимостью обеспечивать безопасность торговли, коммерции и вообще экономической деятельности, а Лиге наций должно быть предоставлено право осуществлять эффективное урегулирование таких жалоб.

Применение этих принципов означало бы, по сути дела, что все заморские территории европейских стран будут сначала переведены под мандат Лиги. Но даже это следовало бы рассматривать лишь как переход-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ный этап. Конечной целью должно по-прежнему оставаться полное освобождение колоний от деспотического владычества, под которым они живут сегодня.

Такое решение трудной проблемы — которая с течением времени становится все труднее — было бы в интересах не только стран Европы и Америки, не имеющих колоний, но и колониальных держав, а также коренных жителей. Колониальным державам приходится осознавать, что в долгосрочной перспективе им не удастся удержать свой суверенитет над колониями. Как только капитализм проник на эти территории, коренные жители стали более уверенными в себе. Культурного неравенства между верхушкой местного общества и офицерами и чиновниками, возглавляющими администрацию от имени метрополии, больше не существует. В военном и политическом плане распределение власти стало сегодня совсем иным, чем было всего лишь одно поколение назад. Попытки европейских держав, Соединенных Штатов и Японии обращаться с Китаем как с колониальной территорией, провалились. В этот самый момент англичане отступают в Египте, в Индии они уже в положении обороняющихся. То, что Нидерландам не удастся удержать Ост-Индию перед лицом действительно серьезной атаки, хорошо известно. То же самое касается французских колоний в Африке и Азии. Американцы испытывают серьезные проблемы с Филип-

пинами и готовы отказаться от них, если представится подходящий случай. Перевод колоний под опеку Лиги наций гарантировал бы колониальным державам сохранение их капиталовложений и избавил от жертв в ходе подавления восстаний коренных жителей. Население колоний также могло бы только благодарить за предложение, которое обеспечило бы им независимость мирным путем с гарантией, что соседи, склонные к завоеваниям, в будущем не будут угрожать их политической независимости.

7. СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

Теоретическая демонстрация последствий протекционистских тарифов и свободной торговли является краеугольным камнем классической экономической теории. Она является настолько ясной, настолько очевидной, настолько бесспорной, что ее оппоненты не смогли выдвинуть против нее никаких аргументов, которые не были бы немедленно опровергнуты как совершенно ошибочные и нелепые.

Тем не менее сегодня во всем мире мы сталкиваемся с протекционистскими тарифами, а часто даже с открытыми запретами на импорт. Даже в Англии, на родине свободной торговли, господствует протекционизм. С каждым днем принцип национальной автаркии заво-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

евывает новых сторонников. Даже страны с населением всего несколько миллионов человек, как, например, Венгрия и Чехословакия, пытаются при помощи политики высоких тарифов и запретов на импорт стать независимыми от остального мира. Основная идея внешне-торговой политики Соединенных Штатов заключается в обложении всех товаров, произведенных за рубежом с более низкими издержками, импортными пошлинами, покрывающими всю разницу. Гротескность этой ситуации придает тот факт, что все страны хотят уменьшить свой импорт и в то же время увеличить свой экспорт. Результатом этой политики является вмешательство в международное разделение труда и тем самым общее снижение производительности труда. Единственная причина того, что этот результат не стал более заметен, заключается в том, что прогресс капиталистической системы всегда был достаточным, чтобы его перевесить. Однако не может быть никакого сомнения в том, что сегодня каждый был бы богаче, если бы протекционистские тарифы искусственно не изгоняли производство из более благоприятных мест в менее благоприятные.

В условиях системы совершенно свободной торговли капитал и труд применялись бы там, где существуют более благоприятные условия для производства. Другие места использовались бы до тех пор, пока где-либо для производства существовали более благопри-

ятные условия. Пока в результате развития транспорта, совершенствования технологии и более тщательного исследования стран, недавно открывшихся для торговли, обнаруживается, что существуют более благоприятные для производства места, чем те, которые используются в настоящее время, производство будет перемещаться в эти районы. Капитал и труд имеют тенденцию перемещаться из тех районов, где условия производства менее благоприятны, в районы, где они более благоприятны.

Но миграция капитала и труда предполагает не только полную свободу торговли, но также и полное отсутствие препятствий на пути их перемещения из одной страны в другую. Это было далеко не так в то время, когда впервые была разработана классическая теория свободной торговли. Целый ряд препятствий стоял на пути свободного перемещения как капитала, так и труда. Из-за незнания условий, общей небезопасности, что касается законов и порядка, и множества других аналогичных причин капиталисты неохотно инвестировали в зарубежные страны. Что касается рабочих, то они считали невозможным покинуть свою родину не только из-за незнания иностранных языков, но и из-за правовых, религиозных и иных трудностей. В самом начале XIX в. капитал и рабочая сила могли, разумеется, свободно перемещаться в пределах каждой страны, но на пути их перемещения из одной страны в другую существова-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ли препятствия. Единственное оправдание разделения экономической теории внутренней и внешней торговли следует искать в том факте, что в первом случае существует свободная мобильность капитала и рабочей силы, тогда как это не так в отношении торговли между странами. Таким образом, проблему, которую должна была решить классическая теория, можно сформулировать следующим образом: каковы последствия свободы торговли потребительскими товарами между двумя странами, если перемещение капитала и труда из одной страны в другую ограничено?

Ответ на этот вопрос дала теория Рикардо. Отрасли производства распределяются между странами таким образом, что каждая страна направляет свои ресурсы в те отрасли, где она обладает наибольшим преимуществом перед другими странами. Меркантилисты опасались, что страна с менее благоприятными условиями производства будет импортировать больше, чем экспортировать, и в конце концов окажется без денег; они требовали вовремя вводить протекционистские тарифы и запреты на импорт, чтобы не допустить возникновения этой печальной ситуации. Классическая теория показывает, что опасения меркантилистов были безосновательны. Ибо даже стране, где условия производства во всех отраслях экономики менее благоприятны, чем в других странах, нет нужды опасаться, что она будет экспортировать мень-

ше, чем импортировать. Классическая теория блестяще и неопровержимо доказала, что страны с относительно благоприятными условиями производства должны считать выгодным импортировать из стран с относительно неблагоприятными условиями производства те товары, которые им, разумеется, производить самим было бы дешевле, но не настолько дешево, как другие товары, на производстве которых они специализируются.

Таким образом, классическая теория свободной торговли говорит государственному деятелю следующее: есть страны с относительно благоприятными и страны с относительно неблагоприятными природными условиями производства. При отсутствии правительственного вмешательства международное разделение труда само собой приведет к тому, что каждая страна найдет свое место в мировой экономике независимо от того, каковы в ней условия производства по сравнению с условиями других стран. Разумеется, страны с относительно благоприятными условиями производства будут богаче, чем остальные, но этот факт в любом случае невозможно изменить путем принятия политических мер. Это просто следствие различий в природных факторах производства.

Такова была ситуация, с которой столкнулся старый либерализм, и его ответом на эту ситуацию была классическая доктрина свободной торговли. Но со вре-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

мен Рикардо мир существенно изменился, и проблема, перед лицом которой оказалась доктрина свободной торговли в последние 60 лет перед началом мировой войны, в корне отличалась от той, с которой она имела дело в конце XVIII — начале XIX вв. XIX в. частично устранил препятствия, стоявшие на пути свободного перемещения капитала и рабочей силы. Во второй половине XIX в. капиталисту было намного легче инвестировать свой капитал за рубежом, чем это было во времена Рикардо. Законность и порядок опирались на значительно более прочное основание; знание иностранных стран, нравов и обычаев расширилось; акционерные компании предоставили возможность разделить риск зарубежных предприятий среди большого числа людей и тем самым снизили его. Конечно, было бы преувеличением сказать, что в начале XX в. капитал был столь же мобилен при переливе из одной страны в другую, как и в пределах своей страны. Безусловно, определенные различия еще существовали. Тем не менее допущение, что капитал должен оставаться в границах каждой страны, больше не было обоснованным. То же самое относится и к рабочей силе. Во второй половине XIX в. миллионы людей покинули Европу в поисках лучшей возможности найти работу за океаном.

Поскольку условия, предполагаемые классической доктриной свободной торговли, а именно немо-

бильность капитала и рабочей силы, больше не существовали, разграничение последствий свободы торговли для внутреннего и внешнего рынка также неизбежно лишилось своей обоснованности. Если капитал и труд также свободно могут перемещаться между странами, как и в границах каждой из них, тогда нет никаких оснований для разграничения между последствиями свободной торговли во внутренней и внешней торговле. В этом случае то, что было сказано для первой, справедливо и для второй: в результате свободы торговли для производства будут использоваться только те места, где условия для него сравнительно благоприятны, тогда как места, где условия производства сравнительно неблагоприятны, останутся неиспользованными. Капитал и труд перемещаются из стран с менее благоприятными условиями производства в страны, где условия производства более благоприятны, или, точнее, из давно освоенных, плотно заселенных европейских стран в Америку и Австралию, предлагающих более благоприятные условия для производства.

Для европейских стран, которые помимо старых районов заселения в Европе имели в своем распоряжении заморские территории, пригодные для колонизации европейцами, это означало только то, что они поселяют часть своего населения за океаном. Например, в случае с Англией часть ее сыновей живет сейчас в Канаде,

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Австралии или Южной Африке. Эмигранты, покинувшие Англию, могли сохранить свое английское гражданство и национальность на своей новой родине. Но для Германии положение дел было иным. Эмигрировав, немец селился на территории чужой страны и оказывался среди людей другой национальности. Он становился гражданином иностранного государства, и следовало ожидать, что спустя одно, два или самое большее три поколения связь его детей с немецким народом прекратится, что станет завершением процесса ассимиляции. Германия столкнулась с проблемой: должна ли она безразлично смотреть на то, как часть ее капитала и ее народа эмигрирует за океан.

Не следует совершать ошибку и полагать, что проблемы торговой политики, с которыми столкнулись Англия и Германия во второй половине XIX в., были одинаковыми. Для Англии это был вопрос о том, следует ли ей позволить большому количеству своих сыновей эмигрировать в доминионы, и не было никаких причин каким-либо образом препятствовать их эмиграции. Для Германии же проблема заключалась в том, стоять ли ей в стороне, в то время как ее граждане эмигрируют в британские колонии, в Южную Америку, где, как следовало ожидать, с течением времени они откажутся от своего гражданства и национальности так же, как это уже сделали сотни тысяч и миллионы тех, кто эмигрировал

раньше. Не желая, чтобы это случилось, Германская империя, в 60–70-е годы двигавшаяся в направлении к политике свободной торговли, к концу 70-х годов переключилась на политику протекционизма. Она отгородилась от остального мира импортными пошлинами с целью защитить сельское хозяйство и промышленность Германии от иностранной конкуренции. Под защитой пошлин сельское хозяйство Германии было способно до некоторой степени выдерживать конкуренцию с Восточной Европой и заморскими территориями, фермы которых работали на более хорошей земле, а промышленность Германии получила возможность образовать картели, которые удерживали внутренние цены выше цен мирового рынка, давая возможность использовать полученную таким образом прибыль, чтобы за рубежом держать цены ниже, чем у конкурентов.

Но конечная цель, которой стремились достичь путем возврата к протекционизму, не могла быть достигнута. Чем больше дорожала жизнь и росли издержки производства в Германии как прямое следствие протекционистских тарифов, тем в более сложном положении оказывалась ее торговля. Конечно, Германии удалось совершить мощный промышленный скачок в первые три десятилетия эпохи новой торговой политики. Но этот скачок произошел бы и в отсутствие протекционистских тарифов, ибо он прежде всего был результатом

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

внедрения новых технологий в металлургической и химической промышленности Германии, которые позволили им лучше использовать природные ресурсы, имевшиеся в стране в изобилии.

Антилиберальная политика, уничтожив свободное перемещение рабочей силы в международной торговле и значительно ограничив даже мобильность капитала, в определенной степени уничтожила различия, существовавшие в условиях свободной торговли между началом и концом XIX в., и вернула мир к тем условиям, которые преобладали в то время, когда доктрина свободной торговли впервые была сформулирована. Снова капитал и прежде всего труд были ограничены в своем передвижении. В существующих сегодня условиях беспрепятственная торговля потребительскими товарами не способна стимулировать никаких миграционных движений. И вновь результатом было бы такое положение дел, при котором отдельные народы мира будут заняты в тех видах и отраслях производства, для которых в их странах существуют относительно лучшие условия.

Каковы бы ни были предпосылки развития международной торговли, протекционистские тарифы могут привести лишь к *одному*: помешать вести производство там, где для него существуют наиболее благоприятные природные и общественные условия, и вынудить вести производство там, где условия хуже. Результатом про-

текционизма поэтому является снижение производительности человеческого труда. Сторонник свободной торговли далек от отрицания того, что зло, с которым народы мира желают бороться посредством политики протекционизма, действительно является злом. Он лишь утверждает, что средства, рекомендованные империалистами и протекционистами, не способны уничтожить это зло. Поэтому он предлагает другой путь. Чтобы создать необходимые условия для прочного мира, либерал желает изменить одну характерную черту современной международной ситуации, а именно тот факт, что эмигранты из таких стран, как Германия и Италия, с которыми при разделе мира обошлись как с падчерицами, должны жить в районах, где в результате принятия на вооружение антилиберальной политики они обречены на утрату своей национальности.

8. СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Либерализм иногда упрекают в том, что его программа преимущественно негативна. Утверждают, что это следует из самой природы свободы, которую можно мыслить только как свободу *от* чего-либо, ибо требование свободы заключается, в сущности, в отвергании разного рода притязаний. С другой стороны, полагают, что программа авторитарных партий позитивна. Посколь-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ку с терминами «негативный» и «позитивный» связаны вполне определенные ценностные суждения, такая манера высказывания уже содержит в себе скрытую попытку дискредитировать политическую программу либерализма.

Нет нужды вновь повторять, что либеральная программа — общество, основанное на частной собственности на средства производства, — не менее позитивна, чем любая другая мыслимая политическая программа. Негативным в либеральной программе является только отрицание, отторжение и борьба со всем, что противоречит этой положительной программе. Защитная поза программы либерализма — как и любого движения — определяется позицией, занимаемой по отношению к ней оппонентами. Там, где противодействие наиболее сильное, ответ либерализма также должен быть сильным; там, где оно относительно слабо или совершенно отсутствует, достаточно нескольких слов, соответствующих обстоятельствам. А поскольку противодействие, с которым пришлось сталкиваться либерализму по ходу истории, менялось, оборонительный аспект либеральной программы также претерпел изменения.

Лучше всего это видно по позиции, занимаемой им в вопросе свободы передвижения. Либерал требует, чтобы каждый человек имел право жить там, где он хочет. Это не является «негативным» требованием. Воз-

возможность для каждого человека работать и распоряжаться заработанным там, где ему нравится, составляет самую суть общества, основанного на частной собственности на средства производства. Этот принцип приобретает характер отрицания лишь тогда, когда он сталкивается с силами, стремящимися ограничить свободу передвижения. Негативный аспект права на свободу передвижения с течением времени полностью изменился. Когда в XVIII—XIX вв. возник либерализм, ему пришлось бороться за свободу эмиграции. Сегодня борьба идет за свободу иммиграции. В то время либерализму приходилось противостоять законам, которые препятствовали сельским жителям переезжать в города и грозили суровым наказанием любому, кто хотел покинуть родину и добиться большего на чужбине. Однако иммиграция была в целом свободной и беспрепятственной.

В наши дни, как это хорошо известно, положение совсем иное. Новая тенденция зародилась несколько десятилетий назад с появлением законов против иммиграции китайских кúли⁴⁴. Сегодня в любой стране мира, которая может быть привлекательной для иммиграции, существуют более или менее строгие законы, либо полностью запрещающие ее, либо жестко ограничивающие.

Эту политику нужно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, как политику профсоюзов, а во-вторых, как политику национального протекционизма.

СЕГОДНЯ В ЛЮБОЙ СТРАНЕ МИРА, КОТОРАЯ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ДЛЯ ИММИГРАЦИИ, СУЩЕСТВУЮТ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ СТРОГИЕ ЗАКОНЫ, ЛИБО ПОЛНОСТЬЮ ЗАПРЕЩАЮЩИЕ ЕЕ, ЛИБО ЖЕСТКО ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ

Не считая таких насильственных мер, как закрытие фабрик, обязательные для всех забастовки и яростное преследование тех, кто желает работать, единственный способ, которым профсоюзы могут оказать какое-либо влияние на рынок труда, — это ограничить предложение труда. Но поскольку профсоюзы не в силах уменьшить количество рабочих, живущих на свете, у них остается единственная возможность: заблокировать доступ к рабочим местам и таким образом уменьшить количество рабочих в одной отрасли промышленности или в одной стране за счет рабочих, занятых в других отраслях или живущих в других странах. По причинам практической политики те, кто работает в какой-либо отрасли, располагают ограниченными возможностями не пускать туда остальных рабочих. С другой стороны, введение подобных ограничений на въезд иностранной рабочей силы не связано ни с какими особыми политическими трудностями.

В Соединенных Штатах Америки природные условия производства более благоприятны и соответственно производительность труда и вследствие этого заработная плата более высокие, чем в большинстве районов Европы. При отсутствии иммиграционных барьеров европейские рабочие в поисках работы в массовом порядке эмигрировали бы в Соединенные Штаты. Американское иммиграционное законодательство дела-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ет это исключительно трудным делом. Тем самым стоимость труда в Соединенных Штатах поддерживается на уровне, превышающем тот, который сложился бы при полной свободе миграции, тогда как в Европе она находится ниже этого уровня. С одной стороны, выигрывает американский рабочий, с другой — проигрывает европейский.

Однако было бы ошибкой рассматривать последствия иммиграционных барьеров исключительно с точки зрения их непосредственного влияния на заработную плату. Они являются гораздо более глубокими. В результате относительно избыточного предложения труда в районах со сравнительно неблагоприятными условиями производства и относительного дефицита рабочей силы в районах, где условия производства сравнительно благоприятны, производство в первых стимулируется, а в последних сдерживается сильнее, чем это было бы в случае существования полной свободы миграции. Таким образом, результаты ограничения свободы передвижения те же, что и влияние протекционистского тарифа. В одной части мира сравнительно благоприятные возможности для производства не используются, в то время как в другой части мира эксплуатируются менее благоприятные возможности для производства. Если встать на точку зрения человечества в целом, результатом окажется снижение производительности челове-

ского труда, уменьшение предложения товаров. Поэтому попытки оправдать политику ограничения иммиграции экономическими причинами обречены изначально. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что миграционные барьеры снижают производительность труда. Когда профсоюзы США и Австралии препятствуют иммиграции, они борются не только против интересов рабочих остальных стран мира, но и против интересов всех с целью обеспечить особые привилегии для самих себя. И тем не менее совершенно не ясно, не окажется ли общее повышение производительности труда, которое может быть вызвано установлением полной свободы миграции, недостаточным, чтобы полностью компенсировать членам профсоюзов Америки и Австралии потери, которые они могут понести от иммиграции иностранных рабочих.

Рабочим Соединенных Штатов и Австралии не удалось бы добиться введения ограничений на иммиграцию, не будь у них еще одного аргумента в защиту своей политики. В конце концов даже сегодня сила некоторых либеральных принципов и идей настолько велика, что с ними невозможно бороться, если не привести соображений якобы более важных, чем цель достижения максимальной производительности. Мы уже видели, как в оправдание протекционистских тарифов ссылаются на «национальные интересы». Те же самые соображения приводятся в пользу ограничения иммиграции.

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Говорят, что в случае отсутствия всех миграционных барьеров Америку и Австралию заполонят орды иммигрантов из сравнительно перенаселенных районов Европы. Они понаедут в таких несметных количествах, что уже нельзя будет рассчитывать на их ассимиляцию. Если в прошлом иммигранты в Америку вскоре принимали английский язык и американский образ жизни и традиции, то это благодаря тому, что они не прибывали в таких огромных количествах. Небольшие группы иммигрантов, распределявшиеся по огромной территории, быстро интегрировались в американский народ. Отдельный иммигрант уже наполовину ассимилировался, когда следующие иммигранты высаживались на американскую землю. Одной из наиболее важных причин такой быстрой национальной ассимиляции было то, что иммигранты из зарубежных стран не прибывали в слишком больших количествах. Полагают, что сейчас все будет иначе, и существует реальная угроза того, что доминирующее положение, или, точнее, исключительная власть, англосаксов в Соединенных Штатах будет разрушена. Больше всего опасений вызывает возможность массовой иммиграции монголоидных народов Азии. В отношении США эти страхи, возможно, преувеличены. Что касается Австралии, то они не беспочвенны. В Австралии примерно столько же жителей, что и в Австрии; однако ее площадь в 100 раз больше, а природные ре-

сурсы, безусловно, несравненно богаче. Если открыть Австралию для иммиграции, то с высокой долей вероятности можно предположить, что через несколько лет ее население будет состоять главным образом из японцев, китайцев и малайцев.

Очевидно, что неприязнь большинства людей к представителям других национальностей, особенно к представителям других рас, слишком велика, чтобы предполагать возможность мирного урегулирования этих антагонизмов. Едва ли можно ожидать, что Австралия добровольно разрешит иммиграцию европейцев-неангличан, и абсолютно не может идти речи о том, что она позволит искать работу и постоянное место жительства на своем континенте азиатам. Австралийцы английского происхождения настаивают на том, что тот факт, что именно англичане первыми открыли эту землю для заселения, дал английскому народу особые права на исключительное владение всем континентом на вечные времена. Однако представители других наций мира ни в коей мере не стремятся оспаривать право австралийцев занимать землю, которая в Австралии уже используется. Они только считают несправедливым то, что австралийцы не позволяют использовать более благоприятные, но неиспользуемые условия производства и вынуждают их продолжать производство в менее благоприятных условиях в их странах.

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Этот вопрос имеет исключительное значение для перспектив мирового сообщества. По сути дела, от его удовлетворительного разрешения зависит судьба цивилизации. По одну сторону находятся сотни миллионов европейцев и азиатов, вынужденных работать в менее благоприятных условиях производства, чем они могли бы найти на территориях, куда их не пускают. Они требуют открыть ворота запретного рая, чтобы они могли повысить производительность своего труда и тем самым добиться более высокого уровня жизни. По другую сторону находятся те, кому уже достаточно повезло, и они могут называть свою землю с более благоприятными условиями производства. Они не хотят — если это рабочие, а не собственники производства — отказываться от более высокой заработной платы, которая в сложившемся положении им гарантируется. Однако страх перед наплывом иностранцев испытывает вся нация. Нынешние обитатели благодатной земли опасаются, что однажды они могут стать меньшинством в собственной стране, и тогда им придется испытать все ужасы национальных преследований, которым, например, сегодня подвергаются немцы в Чехословакии, Италии и Польше.

Нельзя отрицать, что эти страхи вполне оправданы. Из-за огромной власти, которая сегодня находится в распоряжении государства, национальное меньшинство должно ожидать самого худшего от большинства

другой национальности. До тех пор пока государству будут предоставлены такие широкие полномочия, которые оно имеет сегодня и которые общественное мнение считает его правом, мысль о том, что придется жить в государстве, правительство которого находится в руках людей чужой национальности, несомненно, будет вселять ужас. Страшно жить в государстве, где на каждом углу человек подвергается преследованиям — замаскированным под личину справедливости — со стороны правящего большинства. Ужасно быть неполноценным, пусть даже и ребенком в школе, из-за своей национальности и быть виноватым перед каждым судебским и административным чиновником из-за принадлежности к национальному меньшинству.

Если рассматривать конфликт с такой точки зрения, то кажется, что он не допускает никакого другого решения, кроме войны. В этом случае следует ожидать, что меньшая по численности нация будет побеждена, и, например, народы Азии, насчитывающие сотни миллионов человек, добьются изгнания потомков людей белой расы из Австралии. Но мы не хотим заниматься подобными догадками. Ибо не подлежит сомнению, что такие войны — а мы должны предположить, что всемирную проблему такого огромного масштаба невозможно решить раз и навсегда в результате всего лишь *одной* войны — имели бы катастрофические последствия для цивилизации.

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

Ясно, что никакое решение проблемы иммиграции невозможно, если следовать идеалу интервенционистского государства, вмешивающегося во все сферы человеческой деятельности, или идеалу социалистического государства. Только принятие на вооружение либеральной программы могло бы привести к полному исчезновению проблемы иммиграции, которая сегодня кажется неразрешимой. Какие трудности могли бы возникнуть в Австралии, управляемой в соответствии с либеральными принципами, от того, что в одних частях континента большинство составляют японцы, а в других — англичане?

9. **СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ЕВРОПЫ**

Соединенные Штаты Америки являются самой могущественной и богатой страной в мире. Ни в какой другой стране капитализм не имел возможности развиваться свободнее и с меньшим вмешательством со стороны государства. Поэтому жители США намного богаче, чем жители любой другой страны на Земле. Более 60 лет их страна не принимала участия ни в каких войнах. Если бы не истребительная война против коренных жителей этой земли, если бы не ненужная война против Испании в 1898 г. и если бы не их участие в мировой войне, то сегодня лишь немногие глубокие старики

могли бы из первых рук рассказать о том, что такое война. Вряд ли сами американцы по достоинству оценивают тот факт, что политика либерализма и капитализма в их стране была реализована более полно, чем в какой-либо другой. Даже иностранцы не знают, что же сделало эту вызывающую столько зависти республику богатой и могущественной. Но за исключением тех, кто, будучи переполненным чувством обиды, имитирует глубокое осуждение «материализма» американской культуры, всех людей объединяет страстное желание, чтобы их страна стала такой же богатой и могучей, как США.

В качестве самого простого способа достижения этой цели в определенных кругах витает идея образования «Соединенных Штатов Европы». Сами по себе отдельные страны европейского континента располагают слишком незначительными населением и территорией, чтобы отстоять свои позиции в мировой борьбе за господство против растущей мощи США, России, Британской империи, Китая и других образований подобного размера, которые могут появиться в будущем, возможно в Южной Америке. Поэтому они должны объединиться в военный и политический союз, в оборонительный и наступательный альянс, единственно способный в будущем гарантировать Европе важное место в мировой политике, которое она занимала в прошлом. Особую поддержку идее панъевропейского союза оказывает

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

с каждым днем крепнущее осознание того, что нет ничего более нелепого, чем политика протекционистских тарифов, проводимая сегодня европейскими странами. Только дальнейшее развитие разделения труда способно увеличить благосостояние и произвести изобилие товаров, необходимое для поднятия уровня жизни и тем самым культурного уровня масс. Экономическая политика всех стран, а особенно малых европейских стран, направлена как раз на разрушение международного разделения труда. Если условия, в которых функционирует американская промышленность с потенциальным рынком в 120 млн богатых потребителей, не деформированным тарифами и прочими препятствиями, сравнивать с условиями, с которыми вынуждена мириться немецкая, чехословацкая и венгерская промышленность, то сразу становится очевидной крайняя абсурдность усилий по созданию маленьких автаркичных экономических территорий.

Зло, с которым пытаются бороться те, кто отстаивает идею Соединенных Штатов Европы, несомненно, существует, и чем скорее оно будет устранено, тем лучше. Но образование Соединенных Штатов Европы — не самое подходящее средство для достижения этой цели.

Любая реформа международных отношений должна быть нацелена на устранение ситуации, когда каждая страна стремится всеми возможными путями

увеличить свою территорию за счет других стран. Проблема международных границ, которой сегодня придается такая огромная важность, должна потерять всю свою значимость. Страны должны прийти к пониманию того, что важнейшей проблемой международной политики является установление прочного мира; они должны осознать, что мир во всем мире можно обеспечить только в том случае, если сфера деятельности государства будет ограничена самыми узкими рамками. Только тогда размеры и протяженность территории, находящейся под суверенитетом государства, больше не будут иметь такого решающего значения для жизни человека, ради которого стоит проливать реки крови при решении пограничных споров. Узость мышления, не видящего ничего за пределами собственного государства и своего народа и не имеющего никакого понятия о важности международного сотрудничества, должна быть заменена космополитическим мировоззрением. Однако это возможно лишь при условии, если сообщество наций, международное супергосударство будет устроено таким образом, чтобы ни один народ и ни одна личность не подвергались угнетению из-за национальности или национальных особенностей.

Националистическая политика, всегда начинающаяся со стремления разорить своего соседа, в конечном итоге должна привести к разорению всех. Чтобы

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

преодолеть этот провинциализм и заменить его космополитической политикой, народам мира необходимо прежде всего осознать, что взаимное противостояние не в их интересах и что каждая нация наилучшим образом служит своему делу тогда, когда она стремится способствовать развитию всех наций и добросовестно воздерживается от любой попытки использовать силу против других наций или их частей. Таким образом, необходима не замена национального шовинизма шовинизмом, имеющим своим объектом более крупное наднациональное образование, а скорее осознание того, что любой вид шовинизма ошибочен. Прежние милитаристские методы международной политики должны уступить новым, мирным методам, направленным на совместные усилия, а не на взаимные боевые действия.

Однако поборники пан-Европы и Соединенных Штатов Европы имеют в виду иные цели. Они планируют не создание государства нового типа, политика которого отличалась бы от политики милитаристских и империалистических государств, существующих сегодня, а воспроизведение старых милитаристских и империалистических представлений о государстве. Пан-Европа должна быть больше составляющих ее отдельных государств; она должна быть более мощной, чем они, и поэтому более эффективной в военном отношении и лучше готовой противостоять таким великим державам, как

Англия, США и Россия. Европейскому шовинизму надлежит занять место французского, немецкого или венгерского шовинизма; единый фронт, образованный всеми европейскими нациями, должен быть направлен против «иностранцев»: британцев, американцев, русских, китайцев и японцев.

Однако шовинистическое политическое сознание и шовинистическая военная политика могут базироваться лишь на национальной основе, но не географической. Общность языка тесно связывает представителей одной национальности вместе, тогда как языковые различия создают пропасть между различными нациями. Если бы не этот факт — не считая всех идеологий, — то шовинистическое мышление никогда не могло бы развиваться. Географ с картой в руках вполне может, если ему нравится, считать европейский континент (за исключением России) единым; но географическое единство не вызывает у жителей этого региона никакого чувства общности и солидарности, на которых государственный деятель мог бы основывать свои планы. Человека, живущего на Рейне, можно убедить, что в сражении за немцев Восточной Пруссии он защищает свое дело. Можно даже подвести его к пониманию, что дело всего человечества — это также его дело. Но он никогда не сможет понять, стоя в одном ряду с португальцами, поскольку они тоже континентальные европейцы, что дело остров-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ной Англии — это дело врага или, в лучшем случае, нейтрального чужака. Из сознания людей невозможно вытравить (и, кстати, либерализм к этому и не стремится) след, оставленный длительным историческим развитием, который заставляет сердце немца биться сильнее при любом упоминании о Германии, немецком народе или обо всем типично немецком. Это чувство национальности существовало до того, как была предпринята политическая попытка основать на нем идею немецкого государства, немецкой политики и немецкого шовинизма. Все благие планы заменить национальные государства федерацией государств, будь то центральноевропейская, панъевропейская, панамериканская или построенная на столь же искусственных основаниях, страдают одним и тем же фундаментальным пороком. Они не учитывают, что слова «Европа» или «пан-Европа» и «европейский» или «панъевропейский» не обладают такого рода эмоциональным оттенком, поэтому не способны пробуждать чувства, вызываемые словами «Германия» и «немецкий».

Яснее всего эта проблема станет видна, если направить наше внимание на вопрос, который играет решающую роль во всех подобных проектах, — на соглашение о торговой политике такой федерации государств. Сегодня на баварца можно воздействовать призывами защитить немецких трудящихся — скажем, в Саксо-

нии — как достаточным оправданием пошлин, в результате которых ему, баварцу, придется за какой-то товар платить дороже. Можно надеяться, что когда-нибудь его удастся вернуть к осознанию того, что все политические меры, направленные на достижение автаркии, и, следовательно, любые протекционистские тарифы являются бессмысленными и саморазрушительными, а потому должны быть ликвидированы. Но никогда не удастся убедить поляка или венгра в том, что он должен платить за какой-либо товар цену, превышающую его цену на мировом рынке, просто для того, чтобы позволить французам, немцам или итальянцам продолжать производство в своих странах. Безусловно, можно добиться поддержки политики протекционизма, соединив апеллирование к чувству национальной солидарности с националистической теорией о том, что интересы разных стран несовместимы. Но ничто не может служить идеологическим фундаментом для системы протекционизма федерации государств, разбивать все возрастающее единство мировой экономики на множество мелких автаркичных национальных территорий — это явный абсурд. Но невозможно противодействовать политике экономической изоляции в национальном масштабе путем замены ее такой же политикой на уровне более крупного политического образования, состоящего из большого количества разных национальностей. Единственный

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

способ противодействовать протекционистским тенденциям и автаркии — это признать их пагубность и по достоинству оценить гармонию интересов всех наций.

Поскольку было показано, что дезинтеграция мировой экономики на ряд небольших автаркичных районов имеет вредные последствия для всех наций, то отсюда с необходимостью следует вывод в пользу свободы торговли. Чтобы доказать, что панъевропейская зона автаркии должна оградиться от остального мира протекционистскими тарифами, сначала следует продемонстрировать, что интересы португальцев и румын, гармонируя друг с другом, вступают в противоречие с интересами Бразилии и России. Необходимо привести доказательства того, что венграм было бы полезно отказаться от отечественной текстильной промышленности в пользу немецкой, французской или бельгийской, но импорт английского или американского текстиля нанес бы ущерб интересам венгров.

Движение за создание образования федерации европейских государств выросло из справедливого признания несостоятельности всех форм шовинистического национализма. Но то, что сторонники этого движения хотят создать вместо него, неосуществимо, так как не имеет жизненной основы в сознании людей. И даже если цель панъевропейского движения могла бы быть достигнута, то мир от этого не стал бы лучше. Борьба объединенного

европейского континента против других великих мировых держав была бы не менее губительной, чем нынешняя борьба стран Европы между собой.

10. Лига НАЦИЙ

Точно так же как в глазах либерала государство не является высшим идеалом, оно не является и наилучшим инструментом принуждения. Метафизическая теория государства провозглашает — приближаясь в этом отношении к тщеславию и высокомерию абсолютных монархов, — что каждое отдельное государство суверенно, т.е. представляет собой последний и высший суд. Но для либерала мир не заканчивается на границах государства. На его взгляд, если национальные границы и имеют какое-либо значение, то лишь случайное и подчиненное. Политическое мышление либерала охватывает все человечество. Отправным моментом всей его политической философии является убеждение в том, что разделение труда — явление международное, а не национальное. Он с самого начала осознает, что недостаточно установить мир в пределах каждой страны, намного важнее, чтобы все народы жили в мире друг с другом. Поэтому либерал требует, чтобы политическая организация общества расширялась до тех пор, пока не достигнет кульминации в мировом государстве,

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

объединяющем все нации на равноправной основе. По этой причине он считает законодательство любой страны подчиненным международному праву и именно поэтому требует, чтобы национальные, судебные и административные органы обеспечивали мир между странами таким же образом, каким судебные и исполнительные органы каждой страны отвечают за поддержание мира на своей территории.

Долгое время создания такой наднациональной всемирной организации требовали лишь отдельные мыслители, которых считали утопистами и на которых не обращали никакого внимания. Конечно, после окончания наполеоновских войн⁴⁵ мир периодически становился свидетелем конференций государственных деятелей ведущих держав, собиравшихся за круглым столом для выработки согласованных договоренностей, а с середины XIX в. было учреждено множество наднациональных институтов, самыми известными из которых являются Красный Крест⁴⁶ и Международный почтовый союз. Однако все это имело мало общего с созданием подлинно наднациональной организации, даже Гаагская конференция мира⁴⁷ вряд ли означала какой-либо прогресс в этом отношении. И лишь после ужасов мировой войны смогла получить всеобщую поддержку идея организации всех стран, которая была бы в состоянии предотвращать будущие конфликты. После окончания

войны победители предприняли шаги по созданию ассоциации, которую они назвали «Лига Наций»⁴⁸ и которую все воспринимают как ядро действительно эффективной будущей международной организации. В любом случае не может быть никаких сомнений, что то, что сегодня существует под этим названием, никоим образом не является воплощением либерального идеала наднациональной организации. Прежде всего некоторые из наиболее важных и могущественных стран мира вообще не входят в эту организацию. США, не говоря уже о менее крупных странах, все еще стоят в стороне. Кроме того, статья Версальского договора об учреждении Лиги Наций изначально страдает тем, что проводит различие между двумя категориями государств-членов: теми, кто пользуется полными правами, и теми, кто, проиграв мировую войну, не является полноправным членом этой организации. Ясно, что такое неравенство в статусе внутри сообщества наций должно нести в себе семена войны подобно любому делению на касты в рамках одной страны. К сожалению, сочетание всех этих недостатков ослабило Лигу и сделало ее бессильной при решении любых существенных вопросов, с которыми она сталкивается. Стоит только вспомнить ее поведение в конфликте между Италией и Грецией или в отношении к вопросу о Мосуле⁴⁹, а особенно в случаях, когда от решения Лиги Наций зависела судьба угнетен-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ных меньшинств. Во всех странах, а особенно в Англии и Германии, некоторые считают, что в интересах превращения этой бутафорской Лиги Наций в реальную — в подлинно наднациональное государство следует как можно снисходительнее относиться к ее нынешним слабостям и недостаткам. Подобный оппортунизм никогда не ведет ни к чему хорошему независимо от того, какой вопрос решается. Лига Наций является (и с этим, безусловно, должны будут согласиться все, за исключением чиновников и аппарата ее комитетов) неадекватным институтом, никоим образом не отвечающим требованиям, которым должна соответствовать всемирная организация.

Вместо того чтобы преуменьшать или игнорировать этот факт, его нужно постоянно и настойчиво акцентировать с целью привлечь внимание ко всем изменениям, которые необходимо произвести, чтобы превратить эту бутафорию в настоящую Лигу Наций. Ничто не причиняет большего вреда идее наднациональной всемирной организации, чем интеллектуальная путаница, вызываемая утверждением, что нынешняя Лига представляет собой полную или почти полную реализацию того, что должен требовать каждый честный и искренний либерал. Настоящую Лигу Наций, способную обеспечить прочный мир, невозможно построить на принципе неизменности традиционных, историче-

ски определенных границ каждой страны. Лига Наций сохраняет фундаментальный дефект всего предшествующего международного права: устанавливая процедурные правила разрешения споров между нациями, она заинтересована только в сохранении статус-кво и проведении в жизнь существующих соглашений, а не в выработке каких-либо иных норм урегулирования споров. Однако при таких обстоятельствах мир невозможно гарантировать иначе как путем приведения ситуации в мире в состояние замороженной неподвижности. Разумеется, Лига все же сулит, пусть и очень осторожные и со многими оговорками, перспективы некоторого будущего регулирования границ, отдавая предпочтение требованиям ряда наций или частей наций. Она также обещает — опять же очень осторожно и с оговорками — защиту национальных меньшинств. Это позволяет нам надеяться, что из этих крайне несовершенных начинаний однажды сможет развиваться всемирное сверхгосударство, действительно заслуживающее этого названия, которое будет способно обеспечить нациям необходимый им мир. Но этот вопрос будет решаться не в Женеве на сессиях нынешней Лиги и, безусловно, не в парламентах входящих в нее стран. Ибо затронутая проблема — это не вопрос организации или методов международного управления, а величайший идеологический вопрос, с которым когда-либо сталкивалось человечество. Это

3. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

вопрос о том, удастся ли нам во всем мире создать такое умонастроение, без которого все соглашения о сохранении мира и все решения третейских судов в критический момент окажутся всего лишь бесполезным клочком бумаги. Таким умонастроением может быть только безоговорочное и безусловное принятие либерализма. Либеральное решение должно пропитать все нации, либеральные принципы должны проникнуть во все политические институты, если мы хотим создать необходимые предпосылки для мира и устранить причины войны. До тех пор, пока нации цепляются за протекционистские тарифы, иммиграционные барьеры, обязательное образование, интервенционизм и этатизм, человечеству постоянно будут досаждать все новые конфликты, способные в любое время вылиться в открытые военные действия.

11. Россия

Законопослушный гражданин своим трудом служит как себе, так и окружающим его людям и тем самым мирно интегрируется в общественный порядок. В то же время грабитель настроен не на честный труд, а на насильственное присвоение плодов чужого труда. Тысячи лет мир находился под игом военных захватчиков и феодалов, принимавших как должное, что плоды

усердия других людей существуют для их потребления. Эволюция человечества по пути цивилизации и усиления общественных связей потребовала прежде всего преодоления интеллектуального и физического влияния военной и феодальной каст, которые стремились править миром, и замены идеала наследственного господина идеалом буржуазии. Вытеснение милитаристского идеала, уважающего только воина и презирающего честный труд, ни в коем случае не было доведено до конца. В каждом народе есть индивиды, умы которых все еще находятся в плену идей и образов милитаристской эпохи. У некоторых народов прорываются наружу и периодически одерживают верх кратковременные атавистические импульсы к грабежу и насилию (хотя, казалось бы, они давно укрощены). Однако в целом можно сказать, что у народов белой расы, населяющих сегодня Центральную и Западную Европу и Америку, ментальность, которую Герберт Спенсер назвал «милитаристской», сменилась ментальностью, которой он дал имя «индустриальная». Сегодня есть только *одна* великая нация, которая твердо придерживается милитаристского идеала, а именно русские.

Разумеется, даже среди русского народа есть такие, кто не разделяет этой идеи. Остается только сожалеть, что они не смогли одержать верх над своими соотечественниками. С того момента, когда Россия начала

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

влиять на европейскую политику, она постоянно ведет себя как разбойник, поджидающий в засаде момента, когда он сможет наброситься на свою жертву и ограбить ее. Никогда русские цари не признавали никаких других ограничений для расширения своей империи, кроме продиктованных силой обстоятельств. Позиция большевиков в отношении территориального расширения своего господства не отличается ни на йоту. Они также признают только одно правило: при завоевании новых земель можно, а на самом деле нужно, идти так далеко, насколько отваживаешься, учитывая свои ресурсы. Счастливым обстоятельством, спасшим цивилизацию от уничтожения русскими, было то, что народы Европы оказались достаточно сильны, чтобы успешно отразить нападение орд русских варваров. Опыт, приобретенный русскими в наполеоновских войнах, крымской войне и турецкой кампании 1877–1878 гг.⁵⁰, показал им, что, несмотря на огромную численность солдат, их армия не способна предпринять атаку на Европу. Мировая война просто подтвердила это.

Оружие разума опаснее штыков и пушек, разумеется, отклик, который идеи русских нашли в Европе, объясняется прежде всего тем, что Европа сама была полна этими идеями до того, как они пришли из России. На самом деле точнее было бы сказать, что сами эти идеи по происхождению не были русскими, как

бы ни соответствовали они характеру русского народа, а были заимствованы русскими в Европе. Интеллектуальное бесплодие русских столь велико, что они никогда не смогли бы сами найти выражение собственной глубинной природы⁵¹.

Либерализм, который полностью основан на науке и политика которого представляет не что иное, как применение результатов науки, должен остерегаться высказывания ненаучных ценностных суждений. Ценностные суждения стоят вне науки и всегда являются чисто субъективными. Поэтому нельзя говорить о нациях как о более или менее достойных. Следовательно, вопрос о том, являются ли русские менее достойными или нет, лежит за пределами нашего обсуждения. Мы вовсе этого не утверждаем. Мы говорим только о том, что они *не желают* входить в систему человеческого общественного сотрудничества. В отношении человеческого общества и сообщества наций их позиция — это позиция народа, стремящегося к потреблению того, что накоплено другими. Люди, жизненными силами которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут создать прочную социальную организацию. Они должны скатиться к условиям полного варварства. По сравнению с США природа более щедро одарила Россию и плодородием земли, и разнообразными полезными ископаемыми. Если бы русские следовали такой же капиталистиче-

3. **ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

ской политике, как американцы, то сегодня они были бы самыми богатыми людьми в мире. Деспотизм, империализм и большевизм сделали их самыми бедными. Сегодня они ищут капиталы и кредиты по всему миру.

Если с этим согласиться, то отсюда следует ясный вывод о том, каким должен быть руководящий принцип политики цивилизованных наций в отношении России. Пусть русские остаются русскими. Пусть в собственной стране они делают что хотят. Но им нельзя позволить выходить за пределы своей территории, чтобы они не разрушили европейскую цивилизацию. Разумеется, это не означает, что ввоз и перевод русской литературы следует запретить. Невротики могут наслаждаться ей, сколько пожелают, здоровые люди в любом случае будут ее сторониться. Это не означает, что русским следует запретить распространять свою пропаганду и раздавать по всему миру взятки, как это делали цари. Если современная цивилизация не сможет защитить себя от нападений наемников, то она в любом случае долго не просуществует. Речь также не идет о том, чтобы препятствовать американцам и европейцам посещать Россию, если она их привлекает. Пусть они своими глазами, на свой страх и риск и под свою ответственность посмотрят на страну массовых убийств и массовой нищеты. Это не означает также, что следует мешать капиталистам предоставлять Советам займы или как-то инвестировать ка-

питал в Россию. Если они достаточно глупы, чтобы верить в то, что когда-либо они вновь увидят хоть часть своих денег, пусть рискуют.

Но правительства Европы и Америки должны прекратить способствовать советскому деструкционизму, субсидируя экспорт в Советскую Россию и тем самым внося финансовый вклад в укрепление в России советской системы. Пусть они прекратят пропаганду эмиграции и экспорта капитала в Советскую Россию.

Следует ли русским отказаться от советской системы — решать им самим в своем кругу. Страна кнута и лагерьей сегодня уже не представляет угрозы миру. Со всем их стремлением к войне и разрушению русские уже не способны серьезно угрожать миру в Европе. Поэтому их вполне спокойно можно предоставить самим себе. Единственно, чему следует противостоять, так это тенденции с нашей стороны поддерживать или содействовать деструктивной политике Советов.

ГЛАВА 4

ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

1. «ДОКТРИНЕРСТВО» ЛИБЕРАЛОВ

Классический либерализм упрекают в излишнем упрямстве и недостаточной готовности идти на компромиссы. Якобы именно благодаря этой негибкости он потерпел поражение в борьбе с разного рода нарождающимися антикапиталистическими партиями. Если бы он, как это сделали другие партии, осознал важность компромисса и уступок популярным лозунгам для завоевания расположения широких масс, то смог бы сохранить по крайней мере часть своего влияния. Но он никогда не заботился о том, чтобы создать партийную организацию и партийный аппарат, как это сделали антикапиталистические партии. Он никогда не придавал значения политической тактике в ходе предвыборных кампаний или парламентской работы. Он никогда не принимал

участия в лукавых интригах или политическом торге. Это непреклонное доктринерство неизбежно привело к упадку либерализма.

Фактические утверждения, содержащиеся в этом заявлении, полностью соответствуют истине. Но считать это упреком по отношению к либерализму — значит обнаруживать полное непонимание его сути и духа. Основное и самое глубокое из фундаментальных прозрений либеральной мысли состоит в том, что именно идеи составляют фундамент, на котором возведено и держится все величественное здание человеческого общественно-го сотрудничества, и что прочная общественная структура не может быть построена на основе ложных и ошибочных идей. Ничто не может служить заменой идеологии, которая повышает ценность человеческой жизни путем поощрения общественного сотрудничества, — и менее всего ложь, называется ли она «тактикой», «дипломатией» или «компромиссом». Если люди добровольно, в силу понимания общественной необходимости, не будут делать то, что нужно делать для сохранения общества и роста всеобщего благосостояния, то никто не сможет направить их на путь истинный никакими хитрыми уловками и махинациями. Если они ошибаются и заблуждаются, их нужно попытаться просветить с помощью обучения. Но если их невозможно просветить, если они упорствуют в своем заблуждении, тогда ничего нельзя сделать, что-

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

бы предотвратить катастрофу. Трюки и ложь демагогических политиков могут пригодиться тем, кто, будь они честны или вероломны, работает на разрушение общества. Но дело общественного прогресса, дело дальнейшего развития и интенсификации общественных связей не может делаться посредством лжи и демагогии. Никакой силе на Земле, никакой хитрой уловке или ловкому обману не удалось одурачить человечество настолько, чтобы заставить его принять социальное учение, которое оно не только не признает, но и открыто отвергает.

Для того, кто желает вернуть мир к либерализму, открыт только один путь — убедить своих сограждан в необходимости принятия на вооружение либеральной программы. Эта просветительская работа — единственная задача, которую либерал может и должен выполнять, чтобы предотвратить, насколько у него хватит сил, самоуничтожение, к которому сегодня общество стремительно приближается. Здесь нет места для уступок ни одному из любимых или привычных предрассудков и заблуждений. Что касается решения вопроса о том, будет ли общество продолжать свое существование, будут ли миллионы людей процветать или погибнут, то здесь нет места для компромиссов, проистекающих от слабости или от чрезмерного почтения к чувствам других.

Если либеральным принципам будет вновь позволено направлять политику великих наций, если ре-

волюция в общественном мнении снова предоставит капитализму свободу, мир постепенно сумеет выкарабкаться из того состояния, в которое его завела политика объединенных антикапиталистических фракций. Иного выхода из нынешнего политического и социального хаоса нет.

Самой серьезной иллюзией классического либерализма был его оптимизм в отношении направленности эволюции общества. Поборникам либерализма — социологам и экономистам XVIII — первой половины XIX вв. и их сторонникам — казалось бесспорным, что человечество будет неуклонно подниматься по ступеням совершенства и ничто не в состоянии остановить этот прогресс. Они были твердо убеждены, что рациональное знание открытых ими фундаментальных законов общественного сотрудничества и взаимозависимости вскоре станет всеобщим, и после этого общественные узы, мирно объединяющие человечество, станут еще теснее, общее благосостояние будет постоянно расти, а цивилизация будет подниматься на все более высокие уровни культуры. Ничто не могло поколебать их оптимизма. Когда атаки на либерализм стали все более неистовыми, когда со всех сторон господство либеральных идей в политике стало оспариваться, они расценили это как последний залп арьергардных боев отживающей системы, не требовавший серьезного изучения и контратаки,

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

поскольку в любом случае вскоре она рухнет без посторонней помощи.

Либералы придерживались мнения, что все люди обладают достаточными интеллектуальными способностями, чтобы правильно рассуждать о сложных проблемах общественного сотрудничества и действовать соответствующим образом. Они были настолько поражены ясностью и самоочевидностью рассуждений, посредством которых они пришли к своим политическим идеям, что просто не могли взять в толк, каким образом кто-то мог их не понять. Они никогда не осознавали двух фактов: во-первых, широкие массы не обладают достаточной способностью мыслить логически, и, во-вторых, в глазах большинства людей, даже если они способны признать истину, кратковременная конкретная выгода, которой можно воспользоваться немедленно, кажется более значимой, чем устойчивый больший выигрыш, который необходимо отложить. Большинство людей не имеют интеллектуальных способностей, необходимых для того, чтобы проникнуть в суть проблем — в конечном счете очень сложных — общественного сотрудничества, не говоря уже о том, что они не обладают силой воли, необходимой для того, чтобы переносить временные жертвы, которые требует любая деятельность в обществе. Лозунги интервенционизма и социализма, а особенно предложения по частичной экспроприации

частной собственности всегда находили быстрое и восторженное одобрение масс, ожидавших от них прямой и немедленной выгоды.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Не может быть более прискорбного непонимания смысла и природы либерализма, чем мнение о том, что можно обеспечить победу либеральных идей, прибегая к методам, применяемым сегодня другими политическими партиями.

В сословно-кастовом обществе, состоящем не из граждан, обладающих равными правами, а подразделенном на разряды, представители которых обладают разными обязанностями и правами, политических партий в современном смысле не существует. До тех пор пока не задеваются особые привилегии и неприкосновенность различных каст, между ними царит мир. Но как только кастовые привилегии и общественное положение ставятся под вопрос, возникают споры, и гражданской войны можно избежать только в том случае, если та или иная сторона, осознавая свою слабость, уступит, не прибегая к оружию. Во всех конфликтах подобного рода позиция каждого индивида с самого начала определяется его положением как члена той или иной касты. Разумеется, некоторые ренегаты, в предвкушении, что, перейдя на сто-

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

рону врагов, они смогут получить какой-то выигрыш, могут сражаться против членов своей касты, поэтому рассматриваются ими как предатели. Но, не считая таких исключительных случаев, человек не сталкивается с вопросом, к какой из противостоящих групп ему следует присоединиться. Он стоит на стороне членов своей касты и разделяет их судьбу. Каста или касты, не удовлетворенные своим положением, восстают против существующего порядка и должны отвоевывать свои требования, преодолевая сопротивление остальных. Конфликт заканчивается тем — если только в случае поражения мятежников все не остается как было, — что старый порядок заменяется новым, в котором права различных каст отличаются от их распределения в прошлом.

С приходом либерализма появилось требование об отмене всех особых привилегий. Сословно-кастовое общество было вынуждено уступить дорогу новому порядку, в котором существовали только граждане с равными правами. Атаке подверглись уже не только особые привилегии различных каст, а само существование всех привилегий. Либерализм уничтожил все социальные барьеры и освободил человека от ограничений, которыми опутывал их старый порядок. Именно в капиталистическом обществе, в условиях системы правления, основанной на либеральных принципах, человеку впервые была предоставлена возможность непосредственно уча-

ствовать в политической жизни и предложено принять личное решение по поводу политических целей и идеалов. В прежнем сословно-кастовом обществе политические конфликты возникали только между разными кастами, каждая из которых выступала против остальных единым фронтом; или, если такие конфликты отсутствовали, то внутри касты, которой было позволено участвовать в политической жизни, между различными группировками и кликами возникали фракционные конфликты за влияние, власть и место у руля. Только при государственном устройстве, когда все граждане пользуются равными правами — в соответствии с либеральным идеалом, который никогда и нигде не был достигнут полностью, — могут существовать политические партии, состоящие из людей, объединенных стремлением воплотить в жизнь свои представления в области законодательства и государственного управления. Различия во взглядах на наилучшие пути достижения либеральной цели — обеспечения мирного общественного сотрудничества — вполне могут существовать, и эти различия во взглядах должны вызвать споры в виде конфликта идей.

Таким образом, в либеральном обществе могут существовать и социалистические партии. В либеральной системе не исключено существование даже партий, стремящихся добиться особого правового положения

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

для отдельных групп. Но все эти партии должны признавать либерализм (по крайней мере временно, пока они не выйдут победителями) и использовать в своей политической борьбе только оружие интеллекта, который либерализм расценивает как единственно допустимое в подобных столкновениях, даже если в конечном счете, подобно социалистам или поборникам особых привилегий, члены антилиберальных партий отвергают либеральную философию. Так, некоторые из домарксистских «утопических» социалистов боролись за социализм в рамках либерализма, а в золотой век либерализма в Западной Европе духовенство и дворянство пытались достичь своих целей в рамках современного конституционного государства.

Партии, которые мы видим сегодня, относятся к совершенно другому типу. Разумеется, какая-то часть их программы имеет отношение ко всему обществу и обращена к проблеме достижения общественного сотрудничества. Но содержание этой части их программы состоит только из уступок, которые либеральной идеологии удалось из них выжать. То, чего они добиваются в действительности, изложено в другой части их программы, на которую только и направлено их внимание и которая находится в непримиримом противоречии с частью, сформулированной в терминах всеобщего благосостояния. Современные политические партии являются вы-

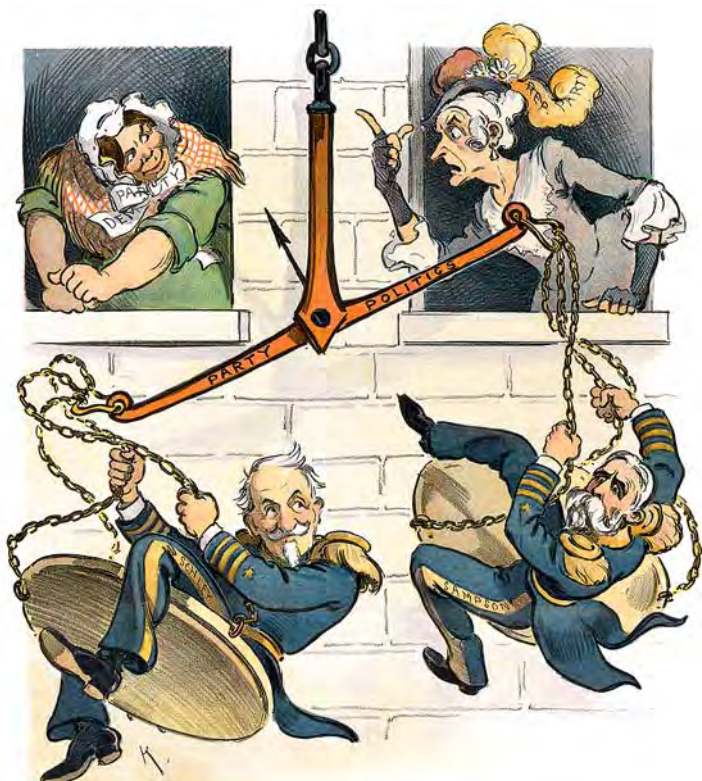
разителями интересов не только некоторых привилегированных социальных групп, оставшихся от прежних времен и желающих сохранить и расширить традиционные привилегии, которые либерализм вынужден был им оставить, поскольку его победа не была полной, но и определенных групп, которые стремятся к определенным привилегиям, т.е. желают добиться статуса касты. Либерализм адресуется ко всем и предлагает программу, одинаково приемлемую для всех. Он никому не обещает привилегий. Призывая к отказу от проталкивания особых интересов, он даже требует пойти на определенные жертвы, хотя, конечно, лишь временно, — отказаться от относительно небольшого преимущества, чтобы получить большую выгоду. Но партии особых интересов адресуются только к части общества. Этой части, для которой они только и намерены работать, они обещают особые преимущества за счет остального общества.

Все современные политические партии и все современные партийные идеологии возникли в качестве реакции на либерализм со стороны групп особых интересов, борющихся за привилегированное положение. Разумеется, привилегированные социальные группы с особыми интересами и исключительными правами и конфликты между ними существовали и до подъема либерализма, но в те времена идеология сословного общества могла выражаться абсолютно прямо и без

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

смущения. В конфликтах, случавшихся между сторонниками и оппонентами особой привилегии, никогда не возникали ни вопросы об антиобщественном характере всей системы, ни необходимость ее оправдания с точки зрения интересов общества. Поэтому нельзя напрямую сравнивать старую систему привилегированных социальных групп с деятельностью и пропагандой современных партий особых интересов.

Чтобы понять истинный характер этих партий, необходимо иметь в виду тот факт, что изначально они появились исключительно с целью защиты особых привилегий от учений либерализма. Доктрины этих партий не являются, подобно доктрине либерализма, политическим приложением всеобъемлющей, тщательно продуманной теории общества. Политическая идеология либерализма выведена из фундаментальной системы идей, которая сначала была разработана в качестве научной теории, без мыслей об ее политическом значении. В отличие от этого, особые права и привилегии, отстаиваемые антилиберальными партиями, изначально уже существовали в общественных институтах, и именно в оправдание последних затем были предприняты попытки разработать соответствующую идеологию — задача, которая в целом воспринималась как второстепенная и от которой легко можно было отделаться несколькими краткими фразами. Фермерские

ВСЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ... ВОЗНИКЛИ В КАЧЕСТВЕ РЕАКЦИИ НА ЛИБЕРАЛИЗМ СО СТОРОНЫ ГРУПП ОСОБЫХ ИНТЕРЕСОВ, БОРЮЩИХСЯ ЗА ПРИВЛЕГИРОВАННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

группы считают достаточным указать на необходимость сельского хозяйства. Профсоюзы апеллируют к незаменимости труда. Партии среднего класса указывают на важность существования социального слоя, представляющего собой золотую середину. Кажется, их мало беспокоит, что подобные призывы никак не способствуют доказательству для широкой публики необходимости или даже выгоды особых привилегий, которых они добиваются. Группы, которые они хотят привлечь на свою сторону, пойдут за ними в любом случае, а что касается остальных, то любые попытки рекрутирования сторонников из их рядов будут тщетными.

Таким образом, все современные партии особых интересов, независимо от того, сколь различны их цели или насколько яростно они могут сражаться друг против друга, образуют единый фронт в борьбе против либерализма. Для них всех основной принцип либерализма, состоящий в том, что правильно понимаемые интересы всех людей в долгосрочной перспективе совместимы, — все равно что красная тряпка для быка. Они убеждены в существовании непримиримых конфликтов интересов, которые могут быть урегулированы только в результате победы одной фракции над другими, с выгодой для первой и в ущерб последним. Либерализм, как утверждают эти партии, не то, чем он старается казаться. Он также представляет собой не что иное, как партийную про-

грамму, отстаивающую особые интересы конкретной группы — буржуазии, т.е. капиталистов и предпринимателей, против интересов всех остальных групп.

Это голословное утверждение представляет собой часть пропаганды марксизма, что в значительной степени объясняет успех последнего. Если считать доктрину о непримиримом конфликте между интересами различных классов общества, основанного на частной собственности на средства производства, догмой, выражающей суть марксизма, тогда все партии, действующие сегодня на европейском континенте, следует рассматривать как марксистские. Доктрина классовых противоречий и классового конфликта принята на вооружение и националистическими партиями, поскольку они также считают, что противоречия в капиталистическом обществе существуют и что порождаемые ими конфликты должны развиваться естественным образом. От марксистских партий они отличаются только тем, что хотят преодолеть классовые конфликты, вернувшись к сословному обществу, устроенному в соответствии с их рекомендациями, и перенеся линию фронта на международную арену, где, как они считают, она и должна проходить. Они не оспаривают утверждения, что общество, основанное на частной собственности на средства производства, порождает конфликты. Они просто говорят, что не следует допускать их возникновения, а что-

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

бы их устранить, они хотят направлять и регулировать частную собственность с помощью актов государственного вмешательства. Капитализм они хотят заменить интервенционизмом. Однако в конечном счете это ничем не отличается от того, что говорят марксисты. Они также обещают привести мир к новому социальному порядку, в котором не будет классов, классовых противоречий или классовых конфликтов.

Чтобы понять смысл доктрины классовой борьбы, необходимо иметь в виду, что она направлена против либеральной доктрины гармонии правильно понимаемых интересов всех членов свободного общества, основанного на принципе частной собственности на средства производства. Либералы утверждали, что с устранением всех искусственных кастовых и сословных различий, с отменой всех привилегий и установлением равенства перед законом больше ничто не стоит на пути мирного сотрудничества всех членов общества, потому что тогда их правильно понимаемые долгосрочные интересы совпадут. Все возражения, которые сторонники феодализма, особых интересов и сословных различий пытались выдвинуть против этой доктрины, очень скоро продемонстрировали свою полную необоснованность и не смогли завоевать сколько-нибудь заметной поддержки. Однако в системе каталлактики⁵² Рикардо можно обнаружить отправную точку новой теории конфликта инте-

ресов в рамках капиталистического общества. Рикардо полагал, что ему удалось показать, каким образом в ходе поступательного экономического развития изменяется соотношение трех форм дохода в его системе, а именно прибыли, ренты и заработной платы. Именно это побудило нескольких английских авторов в 30–40-х годах XIX в. говорить о трех классах — капиталистах, землевладельцах и наемных рабочих — и утверждать, что между этими группами существуют неразрешимые противоречия. Эту мысль позднее подхватил Маркс.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс еще не проводил различий между кастой и классом. Только позднее, когда в Лондоне он познакомился с работами забытых памфлетистов 20–30-х годов и под их влиянием стал изучать систему Рикардо, он осознал, что проблема заключается в том, чтобы показать, что даже в обществе, свободном от кастовых различий и привилегий, все равно существуют непримиримые конфликты. Этот антагонизм интересов Маркс вывел из системы Рикардо, выделив три класса — капиталистов, землевладельцев и рабочих. Но он никогда твердо не придерживался этой классификации. Иногда он утверждает, что существуют всего два класса — имущих и неимущих; иногда он выделяет больше классов, чем два или три. Однако ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей ни разу не попытались хоть как-то

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

определить понятие и природу классов. Показательно, что глава под названием «Классы» в третьем томе «Капитала» внезапно обрывается после нескольких предположений. С момента первого появления «Манифеста Коммунистической партии», где Маркс впервые сделал классовое противоречие и классовую борьбу краеугольным камнем всего своего учения, до момента его смерти прошла жизнь целого поколения. На протяжении всего этого времени Маркс писал том за томом, но он так никогда по существу и не объяснил, что следует понимать под словом «класс». Трактую проблему классов, Маркс никогда не шел дальше догмы, или, лучше сказать, лозунга — простого утверждения, не подкрепленного никаким доказательством.

Чтобы доказать правильность доктрины классовой борьбы, необходимо было установить два факта: с одной стороны, что интересы членов одного класса идентичны, а с другой — что то, что выгодно одному классу, наносит ущерб другому. Этого, однако, сделано не было. Фактически такие попытки даже не предпринимались. Как раз потому, что все «товарищи по классу» находятся в одинаковом «социальном положении», между ними существует не тождество интересов, а, наоборот, конкуренция. Например, рабочий, принятый на работу на более благоприятных условиях, заинтересован в устранении конкурентов, которые могли бы сни-

зять его доход до среднего уровня. В то время, когда доктрина международной солидарности пролетариата постоянно провозглашалась в пространных резолюциях международных марксистских конгрессов, рабочие Соединенных Штатов и Австралии возводили непреодолимые преграды на пути иммиграции. Посредством сложной сети мелких норм и правил английские тред-юнионы сделали невозможным проникновение посторонних в свои отрасли труда. Хорошо известно, что на протяжении последних нескольких лет было сделано рабочими партиями во всех странах. Конечно, можно сказать, что этого не должно было случиться; что рабочим следовало бы действовать иначе; то, что они сделали, было неправильным. Но невозможно отрицать, что это прямо соответствовало их интересам — по крайней мере на тот момент.

Либерализм показал, что антагонизм интересов, который, как предполагается в соответствии с широко бытующим мнением, существует между разными людьми, группами или слоями общества, основанного на частной собственности на средства производства, на самом деле отсутствует. Любое увеличение совокупного капитала повышает доход капиталистов и землевладельцев в абсолютном исчислении, а доход рабочих — как абсолютно, так и относительно. Что касается их дохода, то любое изменение интересов различных групп и слоев

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

общества — предпринимателей, капиталистов, землевладельцев и рабочих — происходит совместно и имеет одно направление на протяжении всех фаз своего колебания; меняется лишь соотношение их долей в общественном продукте. Только в случае подлинной монополии на определенный вид полезных ископаемых интересы землевладельцев противоречат интересам членов других групп. Интересы предпринимателей никогда не могут расходиться с интересами потребителей. Предприниматель преуспевает тем больше, чем лучше ему удастся предвосхитить желания потребителей.

Конфликты интересов могут возникать только в той мере, в какой интервенционистская политика государства или вмешательство общественных сил, вооруженных властью принуждения, ограничивают свободу собственников распоряжаться своими средствами производства. Например, с помощью протекционистских тарифов может быть искусственно завышена цена на определенные изделия, или посредством устранения всех конкурентов на их рабочие места может быть увеличена заработная плата определенных групп рабочих. К такого рода случаям применима знаменитая аргументация школы свободной торговли, никем не опровергнутая и неопровержимая вовеки. Конечно, подобные особые привилегии могут быть выгодными для соответствующих групп, ради которых они были установле-

ны, но только в том случае, если другие группы не смогли добиться подобных привилегий для себя. Но нельзя предполагать, что большинство людей можно будет длительное время вводить в заблуждение по поводу реальной значимости этих привилегий, чтобы они добровольно их терпели. Если же, несмотря на это, привилегии будут введены принудительно при помощи силы, то это спровоцирует открытое неповиновение — короче говоря, нарушение мирного хода общественного сотрудничества, сохранение которого соответствует интересам всех. Если попытаться решить эту проблему, сделав особые привилегии не исключением в пользу одного или нескольких человек, групп или слоев общества, а общим правилом, прибегая, например, к импортным пошлинам, чтобы защитить большую часть изделий, продаваемых на внутреннем рынке, или используя одинаковые меры, чтобы затруднить доступ к большинству профессий, то преимущества, извлекаемые каждой группой, будут уравниваться причиняемым им ущербом, и конечным результатом будет то, что все пострадают от снижения производительности труда.

Если кто-то отвергает доктрину либерализма и высмеивает вызывающую споры теорию «гармонии интересов всех людей», то в отличие от того, что ошибочно полагают все школы антилиберальной мысли, также неверно, что может существовать солидарность

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

интересов в рамках более узких кругов, например среди людей одной нации (против людей другой нации) или среди членов одного «класса» (против других классов). Чтобы доказать существование такой солидарности, необходим особый способ аргументации, которому никто еще не следовал и даже не пытался следовать. Ибо все аргументы, которые можно использовать в пользу доказательства солидарности интересов членов любой группы, помимо этого доказывают гораздо большее, а именно солидарность интересов в рамках всемирного общества. То, что эти мнимые конфликты интересов, которые на первый взгляд кажутся непримиримыми, в действительности являются разрешимыми, можно показать только посредством рассуждения, которое трактует все человечество как по своей сути гармоничное сообщество и не оставляет места для демонстрации какого бы то ни было непримиримого антагонизма между народами, классами, расами и т.д.

Антилиберальным партиям только кажется, что они доказывают солидарность интересов в рамках наций, классов, рас и т.д. На самом деле они всего лишь рекомендуют членам этих отдельных групп объединиться в общей борьбе против всех остальных групп. Когда они говорят о солидарности интересов в рамках этих групп, они не столько констатируют этот факт, сколько утверждают постулат. На самом деле они говорят не то,

что «интересы одинаковы», а скорее то, что «интересы нужно сделать одинаковыми путем объединения для совместных действий».

Современные партии особых интересов с самого начала совершенно открыто и недвусмысленно провозглашают, что целью их политики является создание особых привилегий для определенной группы. Аграрные партии выступают за протекционистские тарифы и другие преимущества (например, субсидии) для фермеров; усилия партий госслужащих направлены на обеспечение привилегий бюрократам; региональные партии занимаются выбиванием особых преимуществ для жителей определенных регионов. Как бы они ни старались смягчить свое поведение, заявляя, что благосостояние всего общества может быть достигнуто только путем содействия интересам сельского хозяйства, государственных служащих и т.д., очевидно, что деятельность всех этих партий направлена на получение выгод для какой-то одной группы общества, без учета общества в целом и всех остальных групп. В самом деле, их исключительная забота только об одной части общества и их усилия и старания, направленные на обеспечение только их блага, с годами становятся все более очевидными и циничными. Когда современные антилиберальные движения еще пребывали в младенческом возрасте, они были вынуждены действовать в этих вопросах бо-

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

лее осмотрительно, так как поколение, воспитанное на либеральной философии, считало антиобщественным немаскированное отстаивание особых интересов различных групп.

Защитники особых интересов могут образовывать крупные партии только путем создания единой боевой единицы из объединенных сил различных групп, особые интересы которых находятся в конфликте друг с другом. Однако привилегии, предоставляемые одной группе, имеют практическую ценность только тогда, когда они достаются меньшинству и не перевешиваются привилегиями, предоставляемыми другой группой. Но сегодня небольшие группы не могут на это надеяться, если только обстоятельства не складываются исключительно благоприятно, тогда как либеральное осуждение привилегий знати все еще сохраняет некоторые следы своего бывшего влияния, чтобы суметь добиться рассмотрения своих претензий, когда привилегированный класс добивается превосходства над всеми другими группами. Поэтому все партии особых интересов стремятся создать крупные партии из относительно небольших групп с различающимися, а по сути дела откровенно противоречащими друг другу интересами. Но, учитывая образ мышления, заставляющий малые партии выдвигать и отстаивать требования особых привилегий, достижение этой цели совершенно невозможно

посредством открытого объединения различных групп. Никаких временных жертв нельзя требовать от человека, который пытается добиться привилегированного положения для своей группы или даже для одного себя. Если бы он был способен понять причины, по которым необходимо идти на временные жертвы, то он мыслил бы либерально, а не в категориях тех, кто борется за особые привилегии. Нельзя также открыто сказать ему, что он больше выиграет от привилегий, предназначенных для него, чем потеряет от привилегий для других, на которые он должен будет согласиться, ибо никакие разговоры и переписку по этому поводу в долгосрочной перспективе нельзя утаить от остальных, что побудит их поднять свои требования еще выше.

Таким образом, партии особых интересов обязаны соблюдать осторожность. Говоря о своей главной цели, они должны изъясняться двусмысленными выражениями, призванными затуманить истинное положение дел. Протекционистские партии представляют собой наилучший пример такого рода увиливания. Они всегда должны заботиться о том, чтобы представить заинтересованными в предлагаемых ими протекционистских тарифах более широкие группы. Когда ассоциации производителей выступают в защиту протекционистских тарифов, партийные лидеры стараются не упоминать о том, что затрагиваемые при этом интересы от-

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

дельных групп, а часто даже отдельных концернов ни в коей мере не тождественны и не гармоничны. Ткач несет потери от пошлин на станки и пряжу и поддержит протекционистское движение лишь в расчете на то, что пошлины на текстиль будут достаточно высоки, чтобы компенсировать его потери от других тарифов. Фермер, выращивающий корм для скота, требует пошлин на фураж, против чего возражают животноводы; виноградарь требует пошлин на вино, что невыгодно как для фермера, не культивирующего виноград, так и для городского потребителя. Тем не менее протекционисты появляются в виде сплоченной партии, объединенной общей программой. Это можно сделать, только завуалировав существо вопроса.

Любая попытка создать партию особых интересов на основе равномерного распределения привилегий среди большинства населения была бы абсолютно бессмысленной. Привилегия, достаемая большинству, перестает быть таковой. В преимущественно аграрной стране, экспортирующей продукцию сельского хозяйства, невозможно создать аграрную партию, действующую на благо фермеров. Чего она должна требовать? Протекционистские тарифы не могут принести пользы фермерам, которым необходимо экспортировать свою продукцию; а субсидии не могут выплачиваться большей части производителей, потому что меньшинство не

может их обеспечить. С другой стороны, меньшинство, требующее привилегий для себя, должно создать иллюзию, что за ним стоят большие массы населения. Когда аграрные партии в промышленных странах предъявляют свои требования, они включают в то, что они называют «фермерским населением», безземельных рабочих, батраков и владельцев небольших участков земли, не заинтересованных в покровительственном тарифе на сельскохозяйственную продукцию. Когда рабочие партии выдвигают требования от имени некоторой группы рабочих, они всегда говорят об огромных массах трудящихся и замалчивают тот факт, что интересы членов профсоюза, работающих в различных отраслях производства, не тождественны, а, наоборот, фактически антагонистичны и что даже в рамках отдельных отраслей и фирм существуют острые конфликты интересов.

Это одна из двух фундаментальных слабостей всех партий, добивающихся привилегий во имя особых интересов. С одной стороны, они вынуждены опираться только на небольшую группу, поскольку привилегии перестают быть привилегиями, когда они предоставляются большинству; но, с другой стороны, какие-то перспективы на осуществление своих требований у них есть только в том случае, если они будут выступать в обличье поборников и представителей большинства. Тот факт, что многие партии в различных странах иногда добивались

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

успеха в преодолении этой трудности при помощи пропаганды и им удавалось вселить во все социальные слои и группы убеждение, что последние могут ожидать особенных выгод от победы этой партии, говорит лишь о дипломатическом и тактическом искусстве ее руководства и о нехватке рассудительности и политической незрелости широких масс избирателей. Это никоим образом не доказывает, что реальное решение этой проблемы действительно возможно. Конечно, можно одновременно обещать более дешевый хлеб городским жителям и более высокие цены на зерно фермерам, но нельзя одновременно сдержать оба этих обещания. Достаточно легко обещать одной группе поддержать увеличение определенных государственных расходов без соответствующего сокращения других государственных расходов и в то же время сулить другой группе перспективы более низких налогов; но нельзя в одно и то же время сдержать оба этих обещания. Методика этих партий основана на разделении общества на производителей и потребителей. Они также имеют обыкновение наделять государство самостоятельным бытием в вопросах фискальной политики, что позволяет им защищать новые расходы государственного казначейства, не особо заботясь о том, как подобные расходы будут оплачены, и в то же время жаловаться на тяжкое бремя налогов.

Другой основной порок этих партий состоит в том, что требования, выдвигаемые ими в пользу каждой конкретной группы, безграничны. Для них существует только одно ограничение количества требуемого: сопротивление, оказываемое другой стороной. Это полностью соответствует характеру партий, жаждущих привилегий во имя особых интересов. Однако партии, которые не следуют какой-то определенной программе, но вступают в конфликты в ходе реализации безграничной жажды привилегий для одних и ограничения прав других, должны привести к разрушению любой политической системы. Люди начинают все яснее осознавать это и говорят о кризисе современного государства и парламентской системы. В действительности же речь идет о кризисе идеологий современных партий особых интересов.

3. КРИЗИС ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

И ИДЕЯ КОНГРЕССА,

ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕГО ОСОБЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Парламентаризм в том виде, как он медленно развивался в Англии и в некоторых ее колониях с XVII в. и на европейском континенте после свержения Наполеона, июльской и февральской революций⁵³, предполагает всеобщее принятие идеологии либерализма. Все, кто

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

наделен ответственностью решать в парламенте, как следует управлять страной, должны быть проникнуты убеждением, что правильно понимаемые интересы всех общественных групп и членов общества совпадают и всякого рода особые привилегии для отдельных групп и классов населения вредят общему благу и должны быть устранены. Различные партии в парламенте, уполномоченные исполнять функции, отведенные ему всеми конституциями недавнего времени, разумеется, могут занимать разные позиции по отдельным политическим вопросам, но они должны считать себя представителями нации в целом, а не представителями отдельных районов или социальных слоев. Над всеми различиями во взглядах должно господствовать убеждение, что в конечном счете все объединены общим делом и одной целью и что спорить можно только о средствах достижения цели, к которой все стремятся. Между партиями нет непреодолимой пропасти, их не разделяют неразрешимые конфликты интересов, ради которых они готовы бороться до последнего, не останавливаясь перед страданиями всей нации и даже перед разрушением всей страны. Разделяют партии позиции, занимаемые ими в отношении конкретных проблем политики. Поэтому существует лишь две партии: партия, находящаяся у власти, и партия, которая хочет быть у власти. Даже оппозиция стремится получить власть не для того, чтобы обеспечить определенные интересы или

заполнить чиновничьи должности членами своей партии, а для того, чтобы воплотить свои идеи в законодательстве и осуществить их при управлении страной.

Только при таких условиях реальны парламент и парламентская система правления. Какое-то время эти условия существовали в англосаксонских странах, и некоторые следы этого можно еще встретить там и в наши дни. На европейском континенте даже в период, обычно характеризуемый как золотой век либерализма, можно было говорить только о некотором приближении к этим условиям. Но уже на протяжении десятилетий условия в представительных собраниях Европы стали напоминать их прямую противоположность. Имеется огромное количество партий, и каждая партия сама разделена на многочисленные фракции, которые, как правило, внешнему миру демонстрируют единый фронт, но в советах партий обычно противостоят друг другу с такой же страстью, с какой публично они борются с другими партиями. Каждая отдельная партия и фракция считает себя единственной защитницей определенных особых интересов, которые она берется довести до победы любой ценой. Выделить «своим» из общественного котла как можно больше, помогать им при помощи протекционистских тарифов, иммиграционных барьеров, «социального законодательства» и всевозможных привилегий за счет остального общества — в этом вся суть их политики.

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

Так как их требования в принципе безграничны, то ни одна из этих партий не может достичь всех намеченных целей. Немыслимо, чтобы претензии аграрных и рабочих партий когда-нибудь можно было бы удовлетворить полностью. Тем не менее каждая партия стремится достичь такого влияния, которое позволило бы ей в максимальной степени удовлетворить свои аппетиты, заботясь в то же время о том, чтобы всегда иметь возможность объяснить избирателям, почему все их желания не могут быть выполнены. Этого можно добиться, либо попытавшись создать у публики видимость пребывания в оппозиции, хотя в действительности партия находится у власти, либо переложив вину на силу, не подвластную ее влиянию: на монарха в монархическом государстве или, при определенных обстоятельствах, на иностранные державы и т.п. Большевики не могут сделать счастливой Россию, а социалисты — Австрию, потому что им якобы мешает «западный капитализм». После по меньшей мере 50 лет правления антилиберальных партий в Германии и Австрии мы все еще читаем в их манифестах и декларациях, даже в работах их «научных» защитников, что вина за все существующее зло лежит на господстве «либеральных» принципов.

Парламент, состоящий из сторонников антилиберальных партий особых интересов, не способен заниматься своим делом и должен в конечном итоге разоча-

ровать всех. Именно это имеется в виду, когда говорят о кризисе парламентаризма.

Для разрешения этого кризиса некоторые требуют отменить демократию и парламентаризм и установить диктатуру. Мы не будем еще раз обсуждать возражения против диктатуры. Мы уже сделали это достаточно детально.

Второе предложение направлено на исправление мнимых недостатков генеральной ассамблеи, члены которой избраны напрямую всеми гражданами, путем дополнения или полной ее замены на конгресс, составленный из делегатов, избранных автономными корпоративными ассоциациями или гильдиями, сформированными различными отраслями торговли, промышленности и профессиями. Утверждается, что членам общенародного собрания не хватает необходимой объективности и знания экономических вопросов. Нужна не столько общая политика, сколько экономическая политика. Представители промышленных и профессиональных гильдий смогут прийти к согласию по вопросам, решение которых либо абсолютно не приходит в голову делегатам избирательных округов, сформированных просто по территориальному принципу, либо становится для них очевидным только с большим опозданием.

Что касается собрания, составленного из делегатов — представителей различных профессиональных ас-

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

социаций, то здесь ключевым вопросом, по которому необходимо иметь ясность, является порядок проведения голосования или, если каждый член имеет один голос, то сколько мест должно быть предоставлено каждой гильдии. Эту проблему необходимо решить до того, как конгресс соберется; но как только этот вопрос будет урегулирован, можно не затруднять себя созывом собрания на сессии, ибо тем самым исход голосования уже предопределен. Разумеется, совершенно другое дело — удастся ли поддерживать установленное распределение власти между гильдиями. Для большинства людей — не стоит строить иллюзии на этот счет — это всегда было неприемлемо. Чтобы создать парламент, устраивающий большинство, нет необходимости в собрании, разделенном по профессиональному признаку. Все будет зависеть от того, будет ли недовольство, вызванное политикой, принятой депутатами от гильдий, достаточно велико, чтобы вызвать насильственное свержение всей системы. В отличие от демократической, данная система не гарантирует, что в политику будут вноситься изменения, требуемые подавляющим большинством населения. Говоря это, мы сказали все, что необходимо сказать против идеи собрания, учрежденного на основе профессионального деления. Для либерала любая система, изначально не исключающая всякое насильственное нарушение мирного развития событий, не подлежит обсуждению.

Многие сторонники идеи конгресса, составленного из представителей гильдий, полагают, что конфликты должны улаживаться не подчинением одной фракции другой, а взаимным урегулированием разногласий. Но что произойдет, если партиям не удастся достичь соглашения? Компромиссы рождаются только тогда, когда угроза неблагоприятного исхода заставляет все стороны спора идти на какие-то уступки. Никто не мешает различным партиям достичь договоренности даже в парламенте, составленном из делегатов, избранных прямым голосованием всей нации. Никто не сможет принудительно добиться согласия в конгрессе, состоящем из депутатов, избранных членами профессиональных ассоциаций.

Исходя из этого, составленное таким образом собрание не может функционировать в качестве парламента, служащего органом демократической системы. Оно не может быть местом, где различия в политических мнениях урегулируются мирно. Оно не в состоянии предотвратить насильственное нарушение мирного развития общества восстанием, революцией и гражданской войной. Ибо ключевые решения, определяющие распределение политической власти в государстве, принимаются не в палатах собрания и не в ходе выборов, определяющих его состав. Решающим фактором распределения власти является определенный конституцией

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

относительный вес различных корпоративных ассоциаций в процессе формирования политики государства. Но этот вопрос решается вне стен палат собрания и органически не связан с выборами их членов.

Поэтому представляется вполне корректным воздержаться от употребления слова «парламент» в отношении ассамблеи, составленной из представителей корпоративных ассоциаций, организованных по профессиональному признаку. На протяжении последних двух веков политическая терминология резко разграничивает парламент и такого рода ассамблею. И если сознательно не стремиться смешивать все понятия политической науки, то следует придерживаться этого разграничения.

Сидней и Беатрис Веббы, а также ряд синдикалистов и гильдейских социалистов⁵⁴, следуя в этом отношении более ранним рекомендациям многих континентальных сторонников реформы верхней палаты парламента, предлагали систему двух палат. Одна избирается напрямую всей нацией, а вторая состоит из депутатов, избранных из округов, нарезанных по профессиональному принципу. Однако очевидно, что это предложение никоим образом не исправляет недостатки системы гильдейского представительства. На практике двухпалатная система может функционировать только при условии, что одна палата имеет приоритет

и обладает безусловной властью навязывать свою волю другой или если должны предприниматься попытки по выработке компромиссных решений, когда две палаты занимают различные позиции по какому-либо вопросу. Однако при отсутствии таких попыток остается улаживать этот конфликт вне стен палат парламента, в крайнем случае с помощью силы. Как ни крути эту проблему, в конце концов всегда возвращаешься к одним и тем же непреодолимым трудностям. Об этот камень преткновения суждено разбиваться всем подобным предложениям, называются ли они корпоративизмом, гильдейским социализмом или как-то еще. Признание неосуществимости этих проектов обнаруживается, когда люди в конце концов довольствуются рекомендацией совершенно незначительного нововведения: учреждения экономического совета, действующего исключительно в качестве консультативного органа.

Поборники идеи ассамблеи, составленной из депутатов от гильдий, пребывают в благостном заблуждении, если считают, что противоречия, разрывающие сегодня ткань национального единства, можно преодолеть, разделив население и соответственно народную ассамблею по профессиональному признаку. От этих противоречий невозможно избавиться, внося изменения в технические детали конституции. Их можно преодолеть только с помощью либеральной идеологии.

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПАРТИИ ОСОБЫХ ИНТЕРЕСОВ

Партии особых интересов, которые не видят в политике ничего, кроме обеспечения привилегий и исключительных прав для своих групп, не только делают невозможной парламентскую систему, они разрывают единство государства и общества. Они ведут не просто к кризису парламентаризма, а ко всеобщему политическому и социальному кризису. В конечном счете общество не может существовать, если оно поделено на строго очерченные группы, каждая из которых нацелена на борьбу за особые привилегии своих членов, постоянно следит за тем, чтобы ее не отодвинули на задний план, и в любой момент готова пожертвовать важнейшими политическими институтами ради получения мелких преимуществ.

Для партий особых интересов все политические вопросы представляются исключительно как проблемы политической тактики. Их конечная цель задана изначально. Их цель — получение за счет остального населения максимально возможных преимуществ и привилегий для групп, которые они представляют. Партийная платформа призвана замаскировать эту цель и придать ей некоторую видимость оправдания, но ни при каких обстоятельствах не объявлять ее публично в качестве

цели партийной политики. В любом случае члены партии знают свою цель; им не нужно ее объяснять. Однако, что из нее следует сообщить миру, является чисто тактическим вопросом.

Все антилиберальные партии стремятся исключительно к тому, чтобы добиться особых привилегий для своих членов, совершенно игнорируя происходящий при этом распад всей структуры общества. Ни одна из них ни на минуту не может выдержать критики, которой либерализм подвергает ее истинные цели. Когда их требования подвергаются логической проверке, они не могут отрицать, что их деятельность в конечном счете имеет антиобщественный и разрушительный эффект, и даже при самом поверхностном взгляде становится очевидна невозможность возникновения какого-либо общественного порядка на основе деятельности партий особых интересов, ведущих борьбу друг против друга. Разумеется, очевидность этих фактов не способна дискредитировать партии особых интересов в глазах тех, кто не может заглянуть вперед чуть дальше ближайшего будущего. Великое множество людей не интересуется тем, что произойдет послезавтра или еще позже. Они думают только о сегодняшнем, в лучшем случае — о завтрашнем дне. Они не задаются вопросом, что произойдет, если и остальные группы, преследуя свои особые интересы, будут проявлять такое же

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

безразличие к общему благу. Они надеются преуспеть не только в осуществлении своих требований, но и в подавлении требований других. Тем же, кто применяет более высокие стандарты к деятельности политических партий, кто требует, чтобы даже в политической деятельности люди следовали категорическому императиву («действуй только по такому принципу, который ты одновременно хотел бы видеть универсальным законом, т.е. так, чтобы не возникало никакого противоречия при попытке представить твою деятельность в качестве закона, которому должны подчиняться все»), идеология партий особых интересов, безусловно, не может ничего предложить.

Социализм извлек значительную выгоду из этого логического недостатка в позиции, занимаемой партиями особых интересов. Для многих, кто не в состоянии понять великий идеал либерализма, но кто мыслит слишком ясно, чтобы согласиться с претензиями на привилегированное отношение со стороны отдельных групп, принцип социализма приобрел особое значение. Идея социалистического общества — которой, несмотря на неизбежно присущие ей недостатки, нельзя отказать в величии замысла — была призвана скрыть и в то же время подтвердить слабость позиции, занимаемой партиями особых интересов. Она отвлекла внимание критики от деятельности партии и направила его на вели-

кую проблему, которая, что бы о ней ни думали, при всех обстоятельствах заслуживает серьезного и исчерпывающего рассмотрения.

На протяжении последних 100 лет социалистический идеал в той или иной форме находил себе сторонников среди многих искренних и честных людей. Множество лучших и благороднейших людей восприняли его с энтузиазмом. Он стал путеводной звездой для выдающихся государственных деятелей. Он завоевал господствующее положение в университетах и стал источником вдохновения для молодежи. Он в такой степени занимает мысли и питает чувства прошлого и нынешнего поколения, что когда-нибудь история вполне справедливо назовет нашу эпоху веком социализма. В последние десятилетия во всех странах было сделано максимум возможного, чтобы воплотить в жизнь социалистический идеал как посредством национализации и муниципализации предприятий, так и путем внедрения мероприятий, ведущих к плановой экономике. Неустранимые недостатки социалистического управления экономикой — неблагоприятное влияние на производительность труда и невозможность экономического расчета при социализме — повсюду завели эти попытки в тупик, когда любой дальнейший шаг в сторону социализма стал угрожать слишком вопиющим ухудшением снабжения народа товарами. Под давлением

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

необходимости они вынуждены были свернуть с этого пути, а социалистический идеал — даже сохраняя идеологическое господство — в практической политике стал просто маской рабочих партий в их борьбе за привилегии.

Можно показать, что сказанное верно для любой из множества социалистических партий, таких, например, как различные фракции христианских социалистов. Однако мы предлагаем ограничить наше обсуждение случаем социалистов-марксистов, которые несомненно были и остаются самой значительной социалистической партией.

В отношении социализма Маркс и его последователи были настроены совершенно серьезно. Маркс отвергал все мероприятия в пользу отдельных групп и слоев общества, которых требовали партии особых интересов. Он не подвергал сомнению обоснованность либерального аргумента о том, что следствием таких актов вмешательства будет общее снижение производительности труда. Когда он мыслил, писал и говорил последовательно, он всегда занимал позицию, что любая попытка вторжения в механизм капиталистической системы путем актов вмешательства со стороны правительства или иных органов общества, обладающих такой же властью принуждения, бессмысленна, потому что она не приводит к результату, на который надеялись

их сторонники, а вместо этого снижает эффективность экономики. Маркс хотел организовать рабочих на конфликт, который привел бы к установлению социализма, но не на борьбу за достижение особых привилегий в рамках общества, основанного на частной собственности на средства производства. Он хотел создать социалистическую рабочую партию, а не то, что он назвал «мелкобуржуазной» партией, нацеленной на отдельные частичные реформы.

Слепая приверженность предрассудкам своей схоластической системы мешала ему беспристрастно взглянуть на вещи как они есть: он полагал, что рабочие, которых находящиеся под его интеллектуальным влиянием авторы организовали в «социалистические» партии, будут согласны оставаться безучастными зрителями и спокойно наблюдать, как капиталистическая система развивается в соответствии с его доктриной, чтобы не отсрочивать тот день, когда она полностью созреет для экспроприации экспроприаторов и «превратится» в социализм. Он не понимал, что рабочие партии, точно так же как другие партии особых интересов, признавая социалистическую программу как в принципе правильную, в практической политике были озабочены только ближайшими целями получения особых привилегий для рабочих. Теория солидарности интересов всех рабочих, которую Маркс разработал, имея в виду

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

совершенно иные политические цели, сослужила прекрасную службу, искусно завуалировав тот факт, что издержки победы, одержанной одними группами рабочих, должны лечь бременем на другие группы рабочих, т.е. что в сфере так называемого «рабочего» законодательства, а также в профсоюзной борьбе интересы пролетариата никоим образом не совпадают. В этом качестве марксистская доктрина оказала партии, отстаивающей особые интересы рабочих, ту же услугу, какую германской партии центра⁷¹ и другим клерикальным партиям — обращение к религии, националистическим партиям — обращение к национальной солидарности, аграрным партиям — утверждение о том, что интересы различных групп сельскохозяйственных производителей тождественны, а протекционистским партиям — доктрина о необходимости всеобъемлющего тарифа для защиты национального рабочего класса. Чем сильнее становились социал-демократические партии, тем большее влияние в них приобретали профсоюзы и тем больше они превращались в ассоциации профсоюзов, смотревшие на все с точки зрения недопущения на фабрики нечленов профсоюзов и увеличения заработной платы.

Либерализм не имеет ничего общего ни с одной из этих партий. Он находится на противоположном полюсе от них. Он никому не обещает особой благосклонности. От каждого он требует жертв во имя сохранения

общества. Эти жертвы, или, точнее, отказ от немедленно достижимых выгод, разумеется, являются всего лишь временными; они быстро окупаются большей и более устойчивой выгодой. Тем не менее какое-то время они являются жертвами. Из-за этого в конкуренции с другими партиями либерализм с самого начала оказывается в своеобразном положении. Антилиберальный кандидат обещает особые привилегии каждой группе избирателей: более высокие цены производителям и более низкие цены потребителям, повышение жалования государственным чиновникам и снижение налогов налогоплательщикам. Он готов согласиться с любыми расходами за счет государственного казначейства или богатых людей. Ни одна группа не является для него слишком маленькой, чтобы не попытаться снискать ее расположение с помощью подарка из «всемирного» кармана. Либеральный кандидат может лишь сказать всем избирателям, что стремление к таким особым привилегиям антиобщественно.

5. ПАРТИЙНАЯ ПРОПАГАНДА И ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Когда либеральные идеи стали распространяться за пределы своей родины — Западной Европы и проникать в Центральную и Восточную Европу, традиционные

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

власти — монархи, дворянство и духовенство, — полагаясь на находящиеся в их распоряжении инструменты подавления, ощущали себя в полной безопасности. Они не считали необходимым бороться с либерализмом и духом эпохи Просвещения с помощью интеллектуальных средств. Подавление, преследование и заключение в тюрьму недовольных казались им более полезными. Они похвалялись военным и полицейским аппаратом насилия и принуждения. Слишком поздно они с ужасом осознали, что новая идеология лишает их этого оружия, завоевывая умы чиновников и солдат. Потребовалось поражение старого порядка в борьбе против либерализма, чтобы научить его сторонников той простой истине, что на свете нет ничего сильнее, чем идеологии и идеологи, и что против идей можно сражаться только с помощью идей. Они осознали, что глупо полагаться на оружие, так как вооруженных людей можно использовать лишь тогда, когда они готовы повиноваться, и что основой любой власти и господства в конечном итоге является идеология.

Признание этой социологической истины было одним из фундаментальных убеждений, на которых основывалась политическая теория либерализма. Из этого либерализм сделал лишь один вывод: в конечном счете истина и справедливость должны восторжествовать, потому что их победа в царстве идей не подлежит

сомнению. А тот, кто побеждает в этом царстве, в конце концов должен добиться успеха и в реальном мире, поскольку никакое преследование не сможет его подавить. Поэтому излишне особо беспокоиться о распространении либерализма. В любом случае его победа не вызывает сомнения.

Даже в этом отношении оппонентов либерализма можно понять, только если иметь в виду, что их действия являются не чем иным, как противоположностью того, чему учит либерализм; т.е. они основываются на неприятии и противодействии либеральным идеям. Они были не в состоянии противопоставить либеральной идеологии всеобъемлющую и последовательную социальную и экономическую доктрину, ибо либерализм является единственно возможным выводом, который можно сделать из такой доктрины. Однако программа, которая обещает что-то только одной группе или нескольким группам, не имеет шансов завоевать всеобщую поддержку и изначально обречена на политический провал. Таким образом, эти партии не имели иного выхода, кроме как найти способы подчинить своему исключительному влиянию группы, к которым они адресуются, и удерживать их в этом положении. Им пришлось позаботиться о том, чтобы либеральные идеи не нашли приверженцев среди классов, от которых они зависели.

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

С этой целью они создали партийные организации, которые держат человека такой мертвой хваткой, что он даже не помышляет о том, чтобы не подчиниться. В Германии и Австрии, где эта система была разработана с педантичной тщательностью, и в странах Восточной Европы, где она была скопирована, индивид сегодня уже не столько гражданин, сколько член партии. Партия опекает его с пеленок. Спортивная и общественная деятельность организуется по партийному признаку. По партийному признаку управляется все: кооперативная система фермеров, с помощью которой фермер только и имеет возможность претендовать на свою долю в субсидиях и дотациях, выделяемых сельскохозяйственным производителям, институты содействия интересам лиц свободных профессий, биржи труда для рабочих и система сберегательных банков. Во всех вопросах, где власти обладают свободой действий, индивид, для того чтобы добиться уважения своих интересов, нуждается в поддержке своей партии. При таких обстоятельствах неучастие в партийных делах ведет к подозрениям, а выход из партии влечет за собой серьезный экономический ущерб, если не полное разорение, и социальный бойкот.

К проблеме лиц свободных профессий у партий особых интересов специфический подход. Свободные профессии юриста, врача, писателя и художника пред-

ставлены не так многочисленно, чтобы позволить им создавать партии особых интересов для защиты своих прав. Поэтому они наименее подвержены влиянию идеологии особых классовых привилегий. Представители свободных профессий были дольше всех и наиболее упорно привержены либерализму. Они ничего не могли выиграть, проводя политику безжалостной и непреклонной борьбы за обеспечение своих частных интересов. На эту ситуацию партии, действующие от имени организованных групп давления, смотрели с чрезвычайной опаской. Они не могли мириться с устойчивой приверженностью интеллигенции к либерализму. Они опасались, что их собственные ряды поредеют, если либеральные идеи, вновь разработанные и растолкованные некоторыми представителями этих групп, обретут достаточную силу, чтобы найти признание и одобрение в среде широких партийных масс. Они только что узнали, насколько опасными подобные идеологии могут быть для исключительных прав привилегированных социальных групп сословно-кастового общества. Поэтому партии особых интересов стали методично внедрять у себя такую организацию, чтобы поставить представителей «либеральных» профессий в зависимость от себя. Вскоре это было достигнуто путем включения их в структуру партийного механизма. Врачи, юристы, писатели и художники

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

должны вступать в ряды организаций своих пациентов, клиентов, читателей и покровителей и подчиняться этим организациям. Тот, кто уклонялся или открыто бунтовал, подвергался бойкоту до тех пор, пока не становился податливее.

Подчинение независимых представителей свободных профессий дополнялось процедурой назначения на преподавательские должности и на государственную службу. Там, где партийная система развита хорошо, назначаются только члены партии: либо партии, находящейся у власти, либо всех партий особых интересов в соответствии с достигнутым между ними соглашением, — вполне возможно, неформальным. И в конце концов при помощи угрозы бойкота под контроль ставится даже независимая пресса.

Организация этих партий увенчалась формированием собственных отрядов вооруженных людей. Организованные на военный манер, по образцу национальной армии, они разработали свои мобилизационные и оперативные планы, имеют в своем распоряжении оружие и готовы к бою. Маршируя по улицам под своими знаменами в сопровождении духовых оркестров, они возвещают о начале новой эры бесконечной агитации и боевых действий.

До сих пор два обстоятельства смягчали опасность этой ситуации. Прежде всего в ряде наибо-

лее значительных стран было достигнуто определенное равновесие партийных сил. Там, где этого нет, как в России и Италии, для подавления и преследования сторонников оппозиционных партий используется мощь государства при полном игнорировании остатков либеральных принципов, еще признаваемых в остальном мире.

Второе обстоятельство, которое пока не позволяет случиться самому худшему, состоит в том, что даже страны, проникнутые враждебностью к либерализму и капитализму, полагаются на капиталовложения из стран, которые служили классическими примерами либерального и капиталистического духа, — прежде всего из Соединенных Штатов Америки. Без их кредитов последствия проводимой ими политики проедания капитала уже были бы более очевидными. Антикапитализм может поддерживать свое существование, только паразитируя на капитализме. Поэтому он должен в определенной степени учитывать общественное мнение Запада, где либерализм все еще признается, пусть даже в весьма разбавленной форме. В том факте, что капиталисты стремятся предоставлять займы только тем заемщикам, которые имеют перспективы расплатиться с долгом, деструктивистские партии видят только «мировое господство капитала», по поводу которого они поднимают столько шума и криков.

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

6. ЛИБЕРАЛИЗМ

КАК «ПАРТИЯ КАПИТАЛА»

Таким образом, легко увидеть, что, не отрицая самой природы либерализма, его нельзя зачислить в один разряд с партиями особых интересов. Он радикально отличается от них всех. Они созданы для борьбы и восхваляют насилие; либерализм, напротив, стремится к миру и власти идей. Именно по этой причине все партии, какими бы непримиримыми они ни были в других отношениях, образуют единый фронт против либерализма.

Враги либерализма заклеили его как партию особых интересов капиталистов. Это характеризует их образ мышления. Они способны воспринимать политическую идеологию только как защиту определенных особых привилегий, несовместимых с общим благом.

Либерализм нельзя представлять как партию особых интересов, привилегий и исключительных прав, потому что частная собственность на средства производства — это не привилегия, действующая исключительно к выгоде капиталистов, а институт, существующий в интересах общества в целом, и, следовательно, институт, который приносит пользу всем. Такого мнения придерживаются не только либералы, но до некоторой степени и их оппоненты. Когда марксисты отстаивают точку зрения, что социализм не может стать

реальностью до тех пор, пока мир не «созреет» для него, так как ни одна общественная система никогда не исчезнет до тех пор, пока не «разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточный простор»⁵⁶, они признают, по крайней мере сейчас, общественную необходимость частной собственности. Даже большевики, которые еще совсем недавно огнем, мечом и виселицей распространяли свою интерпретацию марксизма — т.е. что «зрелость» уже достигнута, — теперь вынуждены признать, что еще слишком рано. Однако если условия таковы, что без капитализма и его правовой «надстройки» — частной собственности — невозможно обойтись, пусть даже и в данный момент, то можно ли говорить об идеологии, которая считает частную собственность основой общества, что она служит только эгоистическим интересам владельцев капитала в ущерб интересам всех остальных?

Конечно, хотя антилиберальные идеологии считают частную собственность необходимой, будь то на время или навсегда, они тем не менее полагают, что ее следует регулировать и ограничивать посредством авторитарных декретов и тому подобных актов вмешательства со стороны государства. Они рекомендуют не либерализм и капитализм, а интервенционизм. Однако экономическая наука показала, что система интервенционизма приводит к результатам, которые противоре-

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

чат первоначальным намерениям, и обречена на провал. Она не способна достичь целей, которых намерены добиваться сторонники интервенционизма. Следовательно, ошибочно полагать, что, кроме социализма (общественной собственности) и капитализма (частной собственности), мыслима и может действовать третья система организации общественного сотрудничества, а именно интервенционизм. Попытки заставить работать интервенционизм должны неизбежно привести к условиям, идущим вразрез с замыслами их авторов, перед которыми возникает альтернатива либо воздержаться от всех актов вмешательства и тем самым предоставить частную собственность самой себе, либо заменить частную собственность социализмом.

Этот тезис также поддерживают не одни только либеральные экономисты. (Разумеется, популярное представление о том, что экономисты делятся по партийному признаку, совершенно ошибочно.) Маркс также во всех своих теоретических дискуссиях видел только альтернативу между социализмом и капитализмом, а реформаторов, которые, находясь в плену «мелкобуржуазного мышления», отвергали социализм и одновременно все же хотели переделать капитализм, он высмеивал и презирал. Экономическая наука никогда даже и не пыталась показать осуществимость системы частной собственности, регулируемой и ограничиваемой

правительством. Когда «катедер-социалисты» любой ценой стремились доказать это, они начинали с отрицания возможности научного знания в области экономики и в конце концов заканчивали заявлением о том, что все, что делает государство, непременно должно быть рациональным. Так как наука показала абсурдность политики, которую они предлагали, то они попытались объявить несостоятельными логику и науку.

То же самое верно и в отношении доказательства возможности и осуществимости социализма. Усилия домарксистских авторов оказались тщетными. Им не удалось этого сделать, точно так же как они не смогли разрушить веские возражения против осуществимости их утопии, сформулированные их критиками на основании открытий науки. В середине XIX в. казалось, что с социалистической идеей уже покончено. Но тут появился Маркс. Конечно, он не представил доказательств — которые на самом деле и не могут быть приведены — того, что социализм осуществим, а просто заявил — разумеется, не будучи способным это доказать, — что приход социализма неизбежен. Из этого произвольного допущения и из аксиомы, которая ему казалась самоочевидной, что все случающееся в человеческой истории позже представляет собой движение вперед по сравнению с тем, что происходило раньше, Маркс сделал вывод о том, что поэтому социализм более совершенен, чем ка-

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

питализм, и в таком случае, естественно, не может быть сомнений в его осуществимости. Следовательно, совершенно ненаучно ни задаваться вопросом о возможности социалистического общества, ни вообще заниматься изучением проблем этого общественного порядка. Тот, кто хотел попытаться это сделать, подвергался социальными остракизму и отлучался общественным мнением, находившимся под их контролем. Не обращая внимания на все эти — разумеется, лишь внешние — трудности, экономическая наука занялась теоретическим конструированием социалистической системы и неопровержимо продемонстрировала, что любая разновидность социализма будет неспособна, поскольку в социалистическом сообществе невозможен экономический расчет. Защитники социализма редко решались что-либо возразить против этого, а то, что они выдвигали в качестве контрдоказательств, было абсолютно тривиальным и не представляет никакого интереса.

То, что было доказано наукой теоретически, было подтверждено на практике крахом всех социалистических и интервенционистских экспериментов.

Следовательно, утверждение, что защита капитализма — это дело исключительно капиталистов и предпринимателей, особым интересам которых, в противоположность интересам других групп, содействует капиталистическая система, есть не что иное, как лицемерная

пропаганда, действенность которой рассчитана на недостаток рассудительности у людей. «Имущие» имеют не больше причин поддерживать институт частной собственности, чем «неимущие». Если что-то начинает угрожать их непосредственным *особым* интересам, они редко оказываются либералами. Представление о том, что при сохранении капитализма класс собственников может вечно сохранять свое богатство, проистекает из неверного понимания природы капиталистической экономики, в которой собственность постоянно перемещается от менее способных деловых людей к более способным. В капиталистическом обществе сохранить богатство можно, только постоянно приобретая его заново в результате мудрого инвестирования. Богатые, которые уже обладают богатством, не имеют особых причин желать сохранения системы открытой для всех свободной конкуренции. Особенно если они не сами заработали свое богатство, а получили его в наследство, то они должны скорее опасаться конкуренции, чем надеяться на нее. Они-то как раз и заинтересованы в интервенционизме, который всегда имеет тенденцию сохранять существующее распределение богатства среди тех, кто им владеет. Но они не могут надеяться на какое-либо особое отношение со стороны либерализма — системы, которая не обращает никакого внимания на освященные временем традиции, защищающие интересы существующего богатства.

4. **ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ**

Предприниматель может добиться процветания только в том случае, если он предлагает то, что требуют потребители. Когда мир объят жаждой войны, либерал стремится разъяснить преимущества мира; однако предприниматель производит пушки и пулеметы. Если сегодня общественное мнение с одобрением относится к капиталовложениям в Россию, то либерал может постараться объяснить, что инвестировать капитал в страну, правительство которой открыто провозглашает в качестве конечной цели своей политики экспроприацию всего капитала, столь же разумно, как и сбрасывать товары в море; но предприниматель без колебаний осуществляет поставки в Россию, если может передать риск кому-то другому, будь то государство или какие-то менее умные капиталисты, позволяющие ввести себя в заблуждение общественным мнением, которым манипулируют на русские деньги. Либерал борется против тенденции к торговой автаркии; однако немецкий производитель строит фабрику в восточной провинции, не пускающей немецкие товары, чтобы обслуживать рынок, хотя он и находится под защитой пошлин. Ясно мыслящие предприниматели и капиталисты могут считать последствия антилиберальной политики губительными для общества в целом, но в ипостаси предпринимателей и капиталистов они стремятся не противостоять этой политике, а приспособливаться к реальным условиям.

Нет такого класса, который мог бы защищать либерализм ради собственных эгоистических интересов, причиняющих ущерб обществу в целом и другим слоям населения, по одной простой причине: либерализм не служит ничьим особым интересам. Либерализм не может рассчитывать на поддержку, которую антилиберальные партии получают ввиду того, что к ним присоединяются все, кто старается добиться какой-либо привилегии для себя за счет остального общества. Когда либерал предстает перед избирателями в качестве кандидата на выборную должность и те, чьих голосов он добивается, задают ему вопрос о том, что он или его партия намерены сделать лично для них и их группы, единственное, что он может ответить: либерализм служит всем, но не служит ничьим особым интересам.

Быть либералом — это значит осознать, что особые привилегии, предоставленные малой группе за счет всех остальных, в долгосрочном плане не могут быть сохранены без борьбы (гражданской войны); но, с другой стороны, нельзя даровать привилегии большинству, так как в этом случае будет сведена на нет ценность этих привилегий для всех, кому они должны принести особые преимущества, и единственным результатом будет снижение производительности общественного труда.

ГЛАВА 5

БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Все прежние цивилизации погибли или по крайней мере оказались в состоянии застоя задолго до того, как они добрались до уровня материального развития, которого удалось достичь современной европейской цивилизации. Народы погибали как в войнах с иноземными врагами, так и в междоусобной борьбе. Анархия приводила к деградации разделения труда; города, торговля и промышленность приходили в упадок, а с разложением экономических основ интеллектуальная и изысканная утонченность вынуждена была уступать место невежеству и жестокости. Европейцам нового времени удалось многократно усилить общественные связи между людьми и народами по сравнению с любым более ранним историческим периодом. Это было достижением идеологии либерализма, который по ходу своего развития с конца XVII в. становился все более ясным и точным и постоянно усиливал свое влияние на разум людей. Либерализм и капитализм

создали фундамент, на котором зиждутся все чудеса нашего современного образа жизни.

Сегодня наша цивилизация начала замечать, что в воздухе носится запах смерти. Дилетанты громогласно провозглашают, что все цивилизации, включая и нашу, должны погибнуть: таков безжалостный закон. Настал последний час Европы, предупреждают эти пророки рокового конца и находят отклик. Упадническое настроение ощутимо распространяется повсюду.

Но современная цивилизация не погибнет, если не погубит себя сама. Никакой внешний враг не может ее уничтожить подобно тому, как когда-то испанцы уничтожили цивилизацию ацтеков, ибо никто на Земле не может сравниться по силе со знаменосцами современной цивилизации. Ей могут угрожать только внутренние враги. Она прекратится только в том случае, если идеи либерализма будут вытеснены антилиберальной идеологией, враждебной общественному сотрудничеству.

Осознание того, что материальный прогресс возможен только в либеральном, капиталистическом обществе, распространяется во всем мире. Даже если в этом пункте антилиберал не признает своего поражения открыто, то это все равно признается в панегириках, восхваляющих стабильность и состояние покоя.

Говорят, что материальный прогресс последних поколений, разумеется, был действительно вполне при-

5. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

ятым и полезным. Однако сейчас время сделать остановку. Неистовая гонка современного капитализма должна уступить место спокойному размышлению. Человек должен иметь время для общения с собой, поэтому место капитализма должна занять другая экономическая система, которая не гоняется без устали за новинками и новизной. Романтик с ностальгией оглядывается на экономические условия Средних веков — не на реальные Средние века, а на их образ, сконструированный воображением без какого-либо соответствия исторической реальности. Или он направляет свой взор на Восток — опять же, конечно, не на реальный Восток, а на миражи своей фантазии. Как счастливы были люди без современной технологии и современной культуры! Как вообще мы могли столь легкомысленно отказаться от этого рая?

Проповедникам возврата к простым формам экономической организации общества следует иметь в виду, что только наш тип экономической системы дает возможность поддерживать тот уровень жизни, к которому мы сегодня привыкли, тому количеству людей, которое в настоящий момент населяет Землю. Возвращение к Средним векам будет означать уничтожение сотен миллионов людей. Сторонники стабильности и покоя, правда, говорят, что ни в коем случае не нужно заходить так далеко. Достаточно крепко держаться за то, что уже было достигнуто, и отказаться от дальнейшего продвижения вперед.

Те, кто превозносит состояние покоя и стабильного равновесия, забывают, что в человеке в той мере, в какой он является мыслящим существом, заложено желание улучшать материальные условия своего существования. Этот импульс искоренить невозможно, это движущая сила всей человеческой деятельности. Если не давать человеку действовать на благо общества, одновременно обеспечивая свои потребности, тогда для него остается открытым один путь: делать себя богаче, а других беднее с помощью насильственного угнетения и грабежа окружающих.

Верно, что напряжение и борьба за повышение уровня жизни не делают людей счастливее. Тем не менее стремление к улучшению материального положения заложено в природе человека. Если ему отказано в удовлетворении этого стремления, он становится тупым и жестоким. Массы не будут слушать призывы быть скромными и довольствоваться малым; возможно, философы, проповедующие подобные наставления, страдают серьезными иллюзиями. Если сказать людям, что их отцам было значительно хуже, они ответят, что не знают, почему они не должны жить лучше.

Итак, хорошо это или плохо, одобряется ли это блюстителями нравов или нет, но бесспорно, что люди всегда стремились и всегда будут стремиться к улучшению своего положения. Таков неотвратимый удел чело-

5. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

века. Неугомонность и беспокойство современного человека представляет собой возбуждение его ума, нервов и чувств. Заставить его вернуться к пассивности прошлых периодов человеческой истории не проще, чем восстановить его детскую невинность.

Но, в конце концов, что предлагается в обмен на отказ от дальнейшего материального прогресса? Счастье и чувство удовлетворенности, внутренняя гармония и мир не появятся просто потому, что люди больше не будут стремиться к дальнейшему улучшению удовлетворения своих потребностей. Озлобленные чувством обиды, образованные люди воображают, что бедность и отсутствие потребностей создают особенно благоприятные условия развития духовных способностей человека, но это полнейшая чушь. При обсуждении этих вопросов следует избегать эвфемизмов и называть вещи своими именами. Современное богатство проявляется прежде всего в культе тела: гигиене, чистоте, спорте. Будучи сегодня роскошью обеспеченных слоев населения — возможно, за исключением Соединенных Штатов, — в не столь отдаленном будущем все это будет достижимо для каждого, если экономическое развитие будет продолжаться прежними темпами. Можно ли считать, что если не допускать достижения широкими массами уровня физической культуры, которой уже наслаждаются состоятельные слои общества, то это будет как-то способство-

вать развитию внутреннего мира человека? Неужели счастье нужно искать в неопрятном теле?

В ответ на панегирики Средним векам можно лишь сказать, что нам не известно, чувствовал ли средневековый человек себя более счастливым, чем современный человек. Но тех, кто предлагает нам в качестве образца образ жизни жителей Востока, мы имеем право спросить: действительно ли Азия является таким уж райским местом, как они это описывают?

Чрезмерное восхваление стационарной экономики в качестве общественного идеала является последним аргументом, к которому вынуждены прибегать враги либерализма, чтобы обосновать свои доктрины. Однако не будем забывать, что отправным пунктом их критики было то, что либерализм и капитализм якобы сдерживают развитие производительных сил, что они виноваты в нищете широких народных масс. Оппоненты либерализма полагали, что общественный порядок, к которому они стремятся, способен создать большее богатство, чем тот, который они критикуют. А теперь, прижатые к стенке контрастованием экономической науки и социологии, они вынуждены соглашаться с тем, что только капитализм и либерализм, только частная собственность и беспрепятственная деятельность предпринимателей могут гарантировать наивысшую производительность человеческого труда.

**ОЗЛОБЛЕННЫЕ ЧУВСТВОМ ОБИДЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ЛЮДИ
ВООБРАЖАЮТ, ЧТО БЕДНОСТЬ И ОТСУТСТВИЕ ПОТРЕБНО-
СТЕЙ СОЗДАЮТ ОСОБЕННО БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ
РАЗВИТИЯ ДУХОВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА, НО ЭТО
ПОЛНЕЙШАЯ ЧУШЬ**

Часто утверждают, что современные политические партии разделены глубинным противоречием их изначальных философских убеждений, которое невозможно разрешить с помощью рациональной аргументации. Поэтому обсуждение этих противоречий бесплодно. Каждая сторона останется непоколебимой в своих убеждениях, так как последние основаны на всеобъемлющем мировоззрении, которое нельзя изменить никакими доводами разума. Следовательно, не может идти и речи о том, что люди, стремящиеся к столь различным целям, могут договориться о едином образе действий.

Едва ли есть что-либо более абсурдное, чем эта точка зрения. Не считая немногочисленных последовательных аскетов, пытающихся избавиться от всех внешних привязанностей и которым в конце концов удастся достичь состояния отречения от всех желаний и действий, а фактически состояния самоуничтожения, все люди белой расы, как бы ни были различны их взгляды на сверхъестественные явления, сходятся в предпочтении общественной системы, в которой труд более производителен по сравнению с системой, в которой он является менее производительным. Даже те, кто полагает, что постоянное увеличение удовлетворения человеческих потребностей не является благом и было бы лучше, если бы мы производили меньше материальных благ — хотя сомнительно, что число людей, искренне придер-

5. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

живающихся этого мнения, очень велико, — не желали бы, чтобы то же количество труда приносило меньше материальных благ. Как максимум они желали бы, чтобы было меньше труда, а следовательно, меньше продукции, но не того, чтобы то же количество труда производило меньше продукции.

Сегодняшние политические антагонизмы являются не спорами по поводу основных вопросов философии, а противоречивыми ответами на вопрос, каким образом быстрее всего и с минимальными жертвами достичь цель, которую все признают законной. Целью, к которой стремятся все люди, является максимальное удовлетворение человеческих потребностей, процветание и изобилие. Разумеется, это не все, к чему стремятся люди, но это все, чего они могут достичь при помощи внешних средств и общественного сотрудничества. Внутреннее блаженство — счастье, спокойствие духа, восторг — каждый человек должен искать только в себе.

Либерализм не является ни религией, ни мировоззрением, ни партией особых интересов. Он не является религией, потому что не требует веры, в нем нет ничего мистического и у него нет догм. Он не является мировоззрением, потому что он не пытается объяснить Космос и ничего не говорит и не стремится что-либо сказать по поводу смысла и цели человеческого бытия. Он не является партией особых интересов, потому что он не пре-

доставляет и не старается предоставить никаких особых преимуществ ни одному индивиду и ни одной группе людей. Это нечто совсем иное. Либерализм — это идеология, учение о взаимосвязях членов общества и одновременно приложение этого учения к поведению человека в реальном обществе. Либерализм не обещает ничего выходящего за рамки того, чего можно достичь в обществе и посредством общества. Он стремится дать людям лишь одно: мирный, спокойный рост материального благополучия для всех, чтобы защитить их от внешних причин боли и страданий, насколько это находится во власти общественных институтов. Уменьшение страданий и увеличение счастья — вот цель либерализма.

Ни одна секта и ни одна политическая партия не считают, что они могут позволить себе отказаться от содействия своему делу с помощью обращения к чувствам людей. Напыщенная риторика, гром музыки и песен, полотнища знамен, цветы и цвета используются в качестве символов, а лидеры стараются привязать своих последователей к собственной личности. Либерализм не имеет с этим ничего общего. У него нет ни партийного цветка, ни партийного знамени, ни партийной песни, ни партийных идолов, ни символов, ни лозунгов. В его распоряжении суть и доводы. Они и должны привести его к победе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРА О ЛИБЕРАЛИЗМЕ

Чтобы эта книга не стала слишком длинной, я вынужден был быть краток. Я посчитал это оправданным, поскольку все основные проблемы либерализма уже тщательно рассмотрены мной в серии всеобъемлющих книг и эссе.

Для читателя, желающего обрести более исчерпывающее понимание этих вопросов, я прилагаю следующий список наиболее важной литературы.

Либеральные идеи можно обнаружить уже в работах многих более ранних авторов. Великие английские и шотландские мыслители XVIII и начала XIX вв. первыми привели эти идеи в систему. Всякий, кто желает познакомиться с либеральной мыслью, должен обратиться к ним: *David Hume* «ESSAYS MORAL, POLITICAL, AND LITERARY» (1741 and 1742)⁵⁷, и *Adam Smith* «AN INQUIRY INTO THE NATURE AND CAUSES OF THE WEALTH OF NATIONS» (1776)⁵⁸, но особенно к многочисленным произведениям Бентама, начиная с «DEFENCE OF USURY» (1787) и до «DEONTOLOGY, OR THE SCIENCE OF MORALITY», опубликованной после его смерти в 1834 г. Все его работы, за исключением «DEONTOLOGY», были опубликованы Боурингом в период между 1838 и 1843 г. в полном собрании сочинений⁵⁹.

Джон Стюарт Милль является эпигоном классического либерализма и, находясь под влиянием своей жены, особенно в последние годы жизни, полон мелких компромиссов. Он

медленно скатывается к социализму и является автором неосмотрительного смешивания либеральных и социалистических идей, что привело к упадку английского либерализма и к подрыву уровня жизни английского народа. Тем не менее — или, возможно, именно поэтому — необходимо познакомиться с основными работами Милля: «PRINCIPLES OF POLITICAL ECONOMY» (1848); «ON LIBERTY» (1859); «UTILITARIANISM» (1862)⁶⁰.

Без тщательного изучения Милля невозможно понять события последних двух поколений. Ибо Милль является великим адвокатом социализма. Все аргументы, которые могут быть выдвинуты в пользу социализма, любовно разработаны им. По сравнению с Миллем все остальные социалистические авторы — даже Маркс, Энгельс и Лассаль — едва ли имеют какое-либо значение.

Невозможно понять либерализм без знания экономической науки. Ибо либерализм — это прикладная экономика; он является социальным и политическим курсом, базирующимся на научном фундаменте. Здесь, помимо уже упомянутых работ, необходимо познакомиться с великим представителем классической экономической школы: *David Ricardo* «PRINCIPLES OF POLITICAL ECONOMY AND TAXATION» (1817)⁶¹.

Лучшим введением в современную научную экономическую теорию являются: *H. Oswalt* «VORTRAGE ÜBER WIRTSCHAFTLICHE GRUNDBEGRIFFE» (разные издания); *C. A. Verijm Stuart* «DIE GRUNDLAGEN DER VOLKSWIRTSCHAFT» (1923).

Немецкими шедеврами современной экономической науки являются: *Carl Menger* «GRUNDSATZE DER VOLKSWIRTSCHAFTLEHRE» (первое издание 1871)⁶²; *Eugen von Bohm-Bawerk* «THE POSITIVE THEORY OF CAPITAL» (New York, 1923). Также по-

ПРИЛОЖЕНИЕ

учительной является его работа «KARL MARX AND THE CLOSE OF HIS SYSTEM» (New York, 1949)⁶³.

Два самых важных вклада, сделанные Германией в либеральную литературу, имели несчастливую судьбу, не отличающуюся от той, что выпала на долю самого немецкого либерализма. Книга Вильгельма фон Гумбольдта [*Wilhelm von Humboldt*] «IDEEEN ZU EINEM VERSUCH, DIE GRENZEN DER WIRKSAMKEIT DES STAATS ZU BESTIMMEN» (London, 1854)⁶⁴ была готова в 1792 г. В том же году Шиллер опубликовал отрывки в «Neuen Thalia», а другие отрывки появились в «Berliner Monatsschrift». Однако, так как издатели Гумбольдта боялись издавать книгу, она была отложена, забыта и только после смерти автора вновь обнаружена и опубликована.

Работа Германа Генриха Госсена [*Hermann Heinrich Gossen*] «ENTWICKLUNG DER GESETZE DES MENSCHLICHEN VERKEHRS UND DER DARAUS FLIESSENDEN REGELN FÜR MENSCHLICHES HANDELN» нашла, конечно, издателя, но, когда она вышла в свет в 1854 г., она не нашла читателей. Произведение и ее автор оставались забытыми, пока на книгу не наткнулся англичанин Адамсон.

Либеральное мышление пропитывает немецкую классическую поэзию, и прежде всего работы Гёте и Шиллера.

История политического либерализма в Германии коротка и отмечена весьма ограниченными успехами. Современная Германия — сюда включены как защитники Веймарской конституции, так и их оппоненты — бесконечно далека от духа либерализма. Люди в Германии больше не знают, что такое либерализм, но зато они хорошо знают, как его поносить. Ненависть к либерализму — это единственный вопрос, в котором немцы едины. Из новейших немецких произведений

по либерализму следует сослаться на работы Леопольда фон Визе: *Leopold von Wiese* «DER LIBERALISMUS IN VERGANGENHEIT UND ZUKUNFT» (1917); «STAATSSOZIALISMUS» (1916) и «FREIE WIRTSCHAFT» (1918).

Едва ли дыхание либерального духа когда-либо достигало народов Восточной Европы.

Несмотря на то что либеральная мысль находится в упадке даже в Западной Европе и в Соединенных Штатах, по сравнению с немцами эти народы еще можно назвать либеральными.

Из старых либеральных авторов следует также прочитать *Frederic Bastiat* «OEUVRES COMPLETES» (Paris, 1855)⁶⁵. Бастиа был блестящим стилистом, так что чтение его произведений доставляет подлинное удовольствие. Ввиду огромного прогресса, достигнутого экономической теорией после его смерти, не удивительно, что сегодня его теории устарели. Хотя его критика протекционистской и родственных ей тенденций даже сегодня остается непревзойденной. Протекционисты и интервенционисты так и не смогли дать относящегося к делу и объективного ответа на критику. Они лишь продолжают бормотать: Бастиа «поверхностен».

Читая более новую политическую литературу на английском языке, следует помнить, что сегодня в английском языке слово «либерализм» часто понимается как обозначающее умеренный социализм. Сжатое изложение либерализма дано англичанином Л. Т. Гобхаусом [*L. T. Hobhouse*] в работе «LIBERALISM» (1911)⁶⁶ и американцем Джэйкобом Холландером [*Jakob H. Hollander*] в книге «ECONOMIC LIBERALISM» (1925). Еще более удачным введением во взгляды английских либералов являются: *Hartley Withers* «THE CASE FOR CAPITALISM»

ПРИЛОЖЕНИЕ

(1920); *Ernest J. P. Benn* «THE CONFESSIONS OF A CAPITALIST» (1925); «IF I WERE A LABOR LEADER» (1926); «THE LETTERS OF INDIVIDUALIST» (1927) (последняя книга включает библиографию (р. 74 et seq.) английской литературы по основным проблемам экономической системы); «THE RETURN TO LAISSER FAIRE» (London, 1928).

Критика протекционистской политики представлена книгой: *Francis W. Hirst* «SAFEGUARDING AND PROTECTION» (1926).

Поучительна также запись публичного диспута, проведенного в Нью-Йорке 21 января 1921 г., между Селигменом и Ниарингом [*E. R. A. Seligmann u Scott Nearing*] на тему «Капитализм может предложить рабочим в Соединенных Штатах больше, чем социализм».

Введение в социологическую мысль можно найти в: *Izoulet* «LA CITÉ MODERNE» (первое издание — 1890) и *R. M. MacIver* «COMMUNITY» (1924).

История экономических идей представлена в: *Charles Gide and Charles Rist* «HISTORIE DES DOCTRINES ECONOMIQUES» (разные издания)⁶⁷, *Albert Schatz* «L'INDIVIDUALISME ECONOMIQUE ET SOCIAL» (1907) и *Paul Barth* «DIE PHILISOPHIE DER GESCHICHTE ALS SOZIOLOGIE» (разные издания).

Роль политических партий обсуждается Вальтером Зульцбахом [*Walter Sulzbach*] в «DIE GRUNDLAGEN DER POLITISCHEN PARTEIBILDUNG» (1921). Оскар Кляйн-Хаттинген [*Oskar Klein-Hattingen*, «GESCHICHTE DES DEUTSCHEN LIBERALISMUS» (1911/12, 2 vol.)] дает обзор истории немецкого либерализма, а Гвидо де Руджеро рассказывает о либерализме в Европе в: *Guido de Ruggero* «THE HISTORY OF EUROPEAN LIBERALISM» (Oxford, 1927)⁶⁸.

В заключение я назову те свои работы, которые тесно связаны с проблемами либерализма: «NATION, STAAT UND WIRTSCHAFT:

BEITRÄGE ZUR POLITIK UND GESCHICHTE DER ZEIT» (1919), английский перевод (1983); «ANTIMARXISMUS» (Weltwirtschaftliches Archive, Vol. XXI, 1925); «KRITIK DES INTERVENTIONISMUS» (1929), английский перевод (1977); «SOCIALISM» (1936), с «PLANNED CHAOS», (1951); «OMNIPOTENT GOVERNMENT» (1944); «HUMAN ACTION» (1949); «THE ANTI-CAPITALISTIC MENTALITY» (1956)⁶⁹.

2. О ТЕРМИНЕ «ЛИБЕРАЛИЗМ»

Люди, знакомые с работами по либерализму, появившимися в последние несколько лет, и с современным словоупотреблением, возможно, возразят, что то, что называлось либерализмом в этой книге, не совпадает с тем, что понимается под этим термином в современной политической литературе. Я далек от того, чтобы спорить с этим. Наоборот! Я сам специально обращал внимание: то, что сегодня подразумевается под термином «либерализм», особенно в Германии, прямо противоречит тому, что история идей должна обозначать как «либерализм», сути либеральной программы XVIII—XIX вв. Почти все, кто называет себя «либералами» сегодня, отказываются открыто декларировать свою приверженность частной собственности на средства производства и отстаивают мероприятия частью социалистические, частью интервенционистские. Они пытаются обосновать это тем, что сущность либерализма заключается не в приверженности институту частной собственности, а в каких-то других вещах, и эти другие вещи требуют дальнейшего развития либерализма, так что сегодня он больше не должен защищать частную собственность на средства производства, а вместо этого должен выступать либо за социализм, либо за интервенционизм.

ПРИЛОЖЕНИЕ

По поводу того, что может скрываться под «другими вещами», псевдолибералы должны еще нас просветить в этом вопросе. Мы много слышим о гуманизме, великодушии, реальной свободе и т.д. Все это прекрасные и благородные чувства, и каждый с готовностью под ними подпишется. Фактически все идеологии под ними подписываются уже сейчас. Любая идеология — не считая самых циничных философских школ — верит в то, что является поборником гуманизма, великодушия и реальной свободы и т.д. Социальные теории отличаются друг от друга не по конечной цели всеобщего человеческого счастья, к которому все они стремятся, а по способу, которым они пытаются этой цели достичь. Отличительной чертой либерализма является то, что он предлагает достичь этого при помощи частной собственности на средства производства.

Но, в конце концов, терминологические вопросы имеют второстепенную важность. Значение имеет не название, а то, что им обозначается. Как бы фанатично кто-либо ни был настроен против частной собственности, он все же должен согласиться с тем, что кто-то может быть ее сторонником. И если он с этим соглашается, то у него, разумеется, должно быть какое-то название, чтобы как-то обозначить это направление мысли. Следует спросить тех, кто сегодня называет себя либералами: как они назовут идеологию, которая отстаивает идеологию частной собственности на средства производства? Возможно, они ответят, что желают назвать ее «манчестеризм»⁷⁰. Слово «манчестеризм» первоначально предназначалось для осмеяния и оскорбления. Тем не менее это не препятствовало бы использованию его для обозначения либеральной идеологии, если бы не тот факт, что это выражение до сих пор всегда

использовалось для обозначения экономической, а не общей программы либерализма.

В любом случае школа, отстаивающая частную собственность на средства производства, должна иметь право претендовать на то или иное название. Но лучше всего сохранить верность историческому названию. Новая традиция словоупотребления, позволяющая даже протекционистам, социалистам и милитаристам называть себя «либералами», когда им это удобно, приведет только к путанице.

Скорее можно было бы поднять вопрос о том, не следует ли в интересах содействия распространению либеральных идей дать идеологии либерализма новое название, чтобы обойти общее предубеждение против него, особенно в Германии. Это предложение исходит из лучших побуждений, однако совершенно несовместимо с духом либерализма. Подобно тому как либерализм из внутренней необходимости должен воздерживаться от любых хитростей пропаганды и всех неискренних средств завоевания всеобщего признания, которыми пользуются все остальные движения, точно так же он не должен отказываться от старого имени просто потому, что оно непопулярно. Именно потому что слово «либерал» имеет в Германии бранный оттенок, либерализм должен крепко за него держаться. Не следует облегчать путь к либеральным взглядам, ибо важно не то, что люди сами провозглашают себя либералами, а то, что они становятся либералами и думают и действуют как либералы.

Второе возражение, которое может быть выдвинуто против терминологии, используемой в этой книге, состоит в том, что либерализм и демократия не понимаются здесь как противоположности. Сегодня в Германии «либерализм» часто

ПРИЛОЖЕНИЕ

используется для обозначения доктрины, политическим идеалом которой является конституционная монархия, а «демократия» понимается как доктрина, видящая свой политический идеал в парламентской монархии республиканского толка. Этот взгляд даже исторически абсолютно несостоятелен. Именно за парламентскую, а не конституционную монархию боролся либерализм, и его поражение в этом отношении заключалось как раз в том, что в Германской империи и в Австрии можно было добиться только конституционной монархии. Победа антилиберализма состоит в том, что немецкий Рейхстаг был столь слаб, что его правильно, хотя и невежливо, было бы охарактеризовать как «клуб болтунов», а лидер консервативной партии, сказавший, что одного лейтенанта и двенадцати солдат было бы достаточно, чтобы распустить Рейхстаг, был прав.

Либерализм представляет собой более всеобъемлющую концепцию. Он обозначает идеологию, охватывающую всю жизнь общества. Идеология демократии включает в себе только часть царства общественных взаимоотношений, относящихся к конституции государства. Причина, по которой либерализм должен обязательно требовать демократии в качестве своего политического следствия, показана в первой части этой книги. Доказательство того, почему все антилиберальные движения, включая социализм, должны также быть антидемократическими, — это задача исследования, включающего тщательный анализ характера этих идеологий. Что касается социализма, то я попытался это сделать в своей одноименной книге.

Немцам легко здесь запутаться, ибо они привыкли думать о национал-либералах и социал-демократах. Но национал-либералы с самого начала не были — по крайней мере в вопросах конституционного законодательства — ли-

беральной партией. Они были тем крылом старой либеральной партии, которое заявило, что стоит на позиции «фактов, как они существуют в действительности», то есть признало непоправимым поражение, которое либерализм потерпел в прусском конституционном конфликте от оппонентов «справа» (Бисмарка) и «слева» (последователей Лассалья). Социал-демократы были демократичными лишь до тех пор, пока не стали правящей партией, то есть пока еще не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы подавить своих оппонентов силой. В тот момент, когда они посчитали себя сильнее всех, они провозгласили себя — целесообразность чего в этот момент всегда утверждали их писатели — диктатурой. Только когда вооруженные отряды правых партий нанесли им кровавое поражение, они опять стали демократическими «впредь до дальнейшего уведомления». Их партийные писатели выражают это следующим образом: «В советах социал-демократических партий крыло, высказывающееся за демократию, одержало победу над теми, кто отстаивает диктатуру».

Разумеется, демократической можно считать только ту партию, которая при любых обстоятельствах — даже когда она сильнее всех и находится у власти — отстаивает демократические институты.

**ПРИЛОЖЕНИЕ
К МЕЖДУНАРОДНОМУ
ИЗДАНИЮ**

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

1. МЫСЛЬ И ПОВЕДЕНИЕ

Ранние историки занимались изучением только деяний и подвигов королей и воинов. Они почти не обращали внимания на медленные изменения социально-экономических условий. Их не интересовала эволюция доктрин, убеждений и умонастроений. Даже такое беспрецедентное событие, как распространение христианства, не упоминается историками первых двух веков [нашей эры].

Около 120 лет назад возник новый подход к истории. История культуры стала изучать эволюцию социальных, политических и экономических институтов, развитие технологии и методов производства, изменения в образе жизни, традициях и обычаях. Эти исследования неизбежно должны были привести к открытию, что человеческим поведением руководят идеи. Все, что делают люди, является результатом теорий, доктрин, убеждений и умонастроений, владеющих их разумом.

Помимо разума в человеческой истории нет ничего реального и материального. Главными проблемами исторического исследования являются изменения в учениях, во власти которых находится человек. Обычаи и институты являются продуктом разума.

Будучи животным, человек должен приспособляться к природным условиям земного шара или той местности, где он живет. Но это приспособление есть работа мозга. В географических интерпретациях истории этот решающий момент не признается. Среда действует только через посредство человеческого разума. На той же самой земле, где белые поселенцы создали современную американскую цивилизацию, аборигенам-индейцам даже не удалось изобрести колесо и повозку. Природные условия, которые делают лыжи весьма полезным средством передвижения, присутствовали и в Скандинавии, и в Альпах. Но скандинавы изобрели лыжи, а жители Альп — нет. На протяжении сотен, даже тысяч лет долгими зимними месяцами альпийские крестьяне сидели запертыми в своих домах и с вожделением смотрели в сторону недоступных деревень, лежащих в долине, и неприступных хуторов своих соседей-фермеров. Но это желание не пробудило в них изобретательского духа. Когда 40–50 лет назад горожане привезли в горы лыжи для занятий спортом, местные жители поначалу издевались над казавшейся им смеш-

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ной игрушкой. И лишь много позже они осознали, насколько эти «игрушки» могут быть им полезны.

Теории общей среды, разработанные социологами XIX в., столь же несостоятельны, как и теории природной среды. Все люди испытывают влияние социальных и культурных условий окружения, в котором они живут и работают. Но эти институты и условия сами являются продуктом доктрин, управлявших поведением предшествующих поколений. Они сами требуют объяснения. Отсылка к институтам и условиям не может заменить объяснения. Тэн был прав, когда, изучая историю искусства, обращался к окружению, в котором художники и поэты создавали свои произведения. Но общая история должна идти дальше. Она не должна молчаливо принимать условия среды как не поддающиеся дальнейшему анализу исходные данные.

Мы не собираемся отрицать, что условия, в которых живет человек, оказывают влияние на человеческий разум. Говоря о том, что мы должны считать мысли человека конечным источником человеческого поведения, мы не утверждаем, что разум есть нечто неделимое и конечное, вне которого ничего не существует, или нечто, не подверженное ограничениям материальной вселенной. Мы не касаемся метафизических проблем. Мы просто должны учесть тот факт, что на нынешнем этапе развития знания мы не можем объяснить, как внутренний

**ТЭН БЫЛ ПРАВ, КОГДА, ИЗУЧАЯ ИСТОРИЮ ИСКУССТВА,
ОБРАЩАЛСЯ К ОКРУЖЕНИЮ, В КОТОРОМ ХУДОЖНИКИ
И ПОЭТЫ СОЗДАВАЛИ СВОИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

человек реагирует на внешние события. Разные люди и одни и те же люди в разные моменты времени на один и тот же стимул реагируют по-разному. Почему одни люди молились идолам, а другие предпочитали умереть, но не совершить акт идолопоклонства? Почему, для того чтобы править Францией, Генрих IV перешел в другую веру, а его потомок граф Шамбор¹ отказался поменять белый флаг с геральдической лилией на триколор, хотя знал, что тем самым теряет корону Франции? Невозможно найти ответы на эти вопросы, не обращаясь к идеям, управляющим человеческим поведением.

Абсолютно неверны и различные варианты весьма популярной марксистской материалистической интерпретации истории. Состояние технологии и производительных сил является скорее продуктом работы разума, нежели фактором, определяющим состояние разума. Тот, кто пытается объяснить мысли чем-то, что само является результатом человеческих идей, просто движется в круге. Очевидная истина, что человек должен приспосабливаться к природным условиям мира, в котором он живет, никак не может служить подтверждением наивного и грубого материализма метафизики Маркса. Это приспособление осуществляется мыслью. Почему африканцы не обнаружили способов борьбы с микробами, угрожающими их жизни и здоровью, и почему европейские ученые открыли эффективные мето-

ды борьбы с этими болезнями? Никакой материализм не даст удовлетворительного ответа на этот вопрос.

II. СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ДОКТРИН

Наука не может дать исчерпывающего объяснения всему. Каждая отрасль знания останавливается перед некоторыми данными фактами, которые она должна рассматривать — по крайней мере в данный момент, но, возможно, и всегда — как конечные, далее которых она пойти не может. Эти конечные факты просто даны нашему опыту, их невозможно свести к другим фактам или силам, они необъяснимы. Мы даем им названия, например «электричество» или «жизнь», но должны признать, что не знаем, что такое электричество или жизнь, тогда как мы знаем, что такое вода или гром. Для истории такой конечной данностью является индивидуальность. Рано или поздно любое историческое исследование достигает точки, в которой оно не может объяснить факты иначе, как указав на индивидуальность.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что всякая индивидуальность в любой данный момент времени является продуктом своего прошлого. Обладая при рождении определенным набором врожденных качеств, человек приносит в мир осадок всей истории своих предков, их судьбы и превратностей их жизни. Мы называем

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

это биологической наследственностью или расовыми характеристиками. На протяжении жизни человек постоянно испытывает влияния среды, в которой живет, как природного, так и социального окружения. Но мы не можем объяснить, как все эти факторы воздействуют на его мысли. Всегда остается нечто, что мы не можем подвергнуть дальнейшему анализу. Мы не можем объяснить, почему Декарт стал великим философом, а Аль Капоне — гангстером. Последнее, что мы скажем: индивидуальность. *Individuum est ineffabile*¹.

Изучая доктрины, их происхождение, развитие, логические следствия и функционирование в обществе, мы не утверждаем, что они являются конечной данностью. Доктрины не имеют собственной жизни, они — продукт человеческой мысли. Они — часть вселенной, и мы можем предполагать, что ничто в их истории не позволяет считать их исключением из законов причинности. Но мы должны понимать, что нам не известно ничего, равным счетом ничего, о том, каким способом человек создает или производит идеи и умонастроения. Только в этом смысле мы имеем право называть доктрины конечными фактами.

Мы можем предположить, что одни доктрины помогают человеку в борьбе за жизнь, а другие — приносят вред. Одни доктрины укрепляют общественное сотрудничество, а другие — ведут к дезинтеграции общества. Но ничто не дает нам права считать, что разрушительные

доктрины должны обязательно потерять свой престиж из-за того, что ведут к пагубным последствиям. Разум выполняет биологическую функцию; он является важнейшим орудием человека в его приспособлении к природным условиям жизни. Но было бы ошибкой считать, что живые существа всегда должны добиваться успеха в борьбе за жизнь. Множество видов растений и животных исчезло по причине того, что их усилия приспособиться не увенчались успехом. Многие расы и народы вымерли, общества и цивилизации распались. Природа не предохраняет человека от увлечения пагубными идеями и создания губительных доктрин. Тот факт, что доктрина была разработана и ей удалось обрести множество сторонников, не является доказательством, что она не является деструктивной. Доктрина может быть современной, модной, может получить всеобщее признание, но тем не менее быть вредной для человеческого общества, цивилизации и выживания.

Мы должны изучать историю доктрин, потому что только она дает нам ключ к пониманию социальных, экономических и политических изменений.

III. Опыт и социальные доктрины

В естественных науках, особенно в физике, мы имеем возможность применять экспериментальный метод. В лабораторных условиях ученый изолирует раз-

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

личные условия изменения и наблюдает за их действием. Любое утверждение может быть подтверждено или опровергнуто экспериментом.

В области наук о человеческом поведении мы не можем прибегнуть к экспериментальному методу и не можем ставить эксперименты. Любой опыт является опытом сложных событий. Мы не имеем возможности наблюдать за действием только одного фактора при прочих равных условиях. Поэтому опыт не может ни подтвердить, ни опровергнуть наши утверждения и теории, относящиеся к социальным проблемам.

То, что ни одна страна не достигла сколько-нибудь высокой стадии развития цивилизации без частной собственности на средства производства, является неопровержимым фактом. Но никто не готов утверждать, что опыт доказал: частная собственность является необходимым и неотъемлемым условием цивилизации. Социально-экономический опыт не учит нас ничему. Факты необходимо комментировать при помощи наших теорий, они открыты для различных объяснений и выводов. Любая дискуссия, касающаяся смысла исторических фактов, очень скоро сводится к рассмотрению априорных теорий и исследует их без всякой ссылки на опыт. Эти теории имеют логический приоритет, они предшествуют историческому опыту, и мы схватываем смысл опыта только с их помощью.

Теории и доктрины, правильные и неправильные, способствующие или мешающие выживанию, не только руководят поведением людей, но и одновременно являются инструментами, при помощи которых мы воспринимаем их действие в истории. Мы не можем наблюдать социальные факты иначе, как в свете, в котором их показывают наши теории и доктрины. Один и тот же комплекс событий поворачивается разными гранями в зависимости от того, под каким углом зрения его рассматривает наблюдатель.

Некоторые очень модные течения совершенно исказили эти проблемы. Позитивизм, эмпиризм и историзм считали, что социальные факты можно устанавливать таким же образом, каким физика устанавливает физические факты. (Мы не будем здесь рассматривать влияние новейших открытий, которые дают нам основания считать, что и физикам придется признать, что результаты наблюдения различаются в зависимости от способа наблюдения. Представляется преждевременным делать какие-либо выводы из работ Бройля, Гейзенберга и других современных ученых.) Они считают, что факты не зависят от идей наблюдателя и что социальный опыт логически и во времени предшествует теориям. Они не понимают, что действием, посредством которого мы выхватываем какие-то случаи из потока событий и считаем их определенными фактами, неизбеж-

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

но руководит наше теоретическое понимание или, как предпочитают говорить некоторые, наши доктринальные предубеждения. Почему мы считаем платежный баланс США фактом и почему мы не обращаем внимания на платежный баланс штата Мэриленд, или города Бостон, или района Манхэттен? Почему, изучая проблемы денежного обращения Германии, мы рассматриваем состояние платежного баланса Германии? Потому что в своих исследованиях экономист, идущий этим путем, руководствуется вполне определенной (и, я должен отметить, ошибочной) теорией денег.

Статистик заблуждается, когда считает, что он исследует только чистые факты. Статистик пытается обнаружить корреляцию между различными рядами цифр, когда его теоретическое рассуждение позволяет ему предполагать, что между ними может существовать причинная связь. В отсутствие таких теоретических допущений он не обращает никакого внимания даже на очевидные корреляции и в то же время сразу пытается доказать существование корреляции, когда его заранее составленная теория постулирует такую корреляцию. Джевонс считал, что ему удалось доказать корреляцию между экономическими кризисами и солнечными пятнами. С другой стороны, ни один статистик не пытался обнаружить корреляцию между числом аистов и рождаемостью.

В жизни и реальности все связано со всем. История — это постоянный поток событий, спутанных в единую структуру. Ограниченность наших умственных сил не позволяет нам схватывать их как целое в одном акте восприятия. Мы должны анализировать их шаг за шагом, сначала изолируя небольшие детали и постепенно переходя к изучению более сложных проблем. Действие, посредством которого мы изолируем некоторые изменения из целостного контекста потока жизни и рассматриваем их как факты, не является функцией реальности. Это результат работы нашего разума. В сфере общественных наук чистых фактов не существует. То, что мы полагаем фактами, всегда есть результат способа, которым мы смотрим на мир. Сверхчеловечески совершенный интеллект на те же самые вещи смотрел бы иначе. Из XX в. на те же вещи мы смотрим иначе, чем смотрели Платон, Фома Аквинский или Декарт. Наши факты отличны от их фактов, а факты людей, которые будут жить через сто лет после нас, также будут другими.

Факты общественной жизни представляют собой часть реальности, воспринятой человеческим интеллектом. Факт содержит в себе не только реальность, но и в не меньшей степени — разум наблюдателя.

Изолированная цифра или изолированный ряд цифр не означает ничего. Ничего не означает и любой другой изолированный факт, такой, как «Брут убил Це-

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

заря». Объединение утверждений об изолированных фактах не углубляет нашего понимания и не заменяет теорий и философских учений. Но любая попытка объединить различные факты — путем установления корреляции или другим методом — является результатом наших теорий и доктрин. В контексте разных доктрин одни и те же события приобретают различный смысл. Если люди не достигли согласия по поводу теорий, то для них один и тот же опыт, одни и те же факты выглядят совершенно по-разному. Опыт русского большевизма не одинаков с точки зрения либералов (в старом смысле этого термина) и социалистов, свободных мыслителей и католиков, нацистов и славянских националистов, экономистов и любителей кино. То же самое относится и к американскому Новому курсу, падению Франции, Версальскому договору и ко всем остальным историческим фактам. Разумеется, каждая партия убеждена, что только ее интерпретация правильна и соответствует фактам и что все остальные мнения совершенно ошибочны и основаны на ложных теориях. Но конфликт доктрин невозможно разрешить, заставляя молчать тех, кто имеет другие идеи. Партия, которой удастся сделать единственно законным только свое мнение и поставить вне закона все остальные мнения, не меняет характерные черты своей системы взглядов. Доктрина остается доктриной, даже когда она признана всеми и никем

не оспаривается. Она может являться ошибочной, даже если ни один современник не подвергает ее сомнению.

Для того чтобы расширить наши знания в области человеческого поведения, мы должны изучать, с одной стороны, проблемы праксиологической и экономической теории, а с другой стороны — историю. Но в центре изучения истории находится изучение развития идей и доктрин. Первым шагом любой попытки исследовать социальные, политические или экономические изменения должно являться изучение изменений в идеях, которыми руководствуются люди, осуществляющие эти изменения.

IV. Доктрины

И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы, которые приходится решать политикам, создаются не природой и природными условиями, они определяются взглядами людей на общество.

В XVI–XVII вв. существовали религиозные проблемы, удовлетворительное решение для которых, казалось, найти невозможно. В то время у людей не могла возникнуть идея, что люди разных конфессий могут мирно жить в одной стране. В ходе войн за установление религиозного единообразия были пролиты реки крови, процветавшие страны опустошены, цивилизации раз-

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

рушены. Сегодня этот вопрос не представляет для нас никакой проблемы. В Великобритании, США и многих других странах католики и протестанты различных конфессий общаются и сотрудничают друг с другом, не испытывая никаких моральных неудобств. Проблема была решена. Она исчезла с изменением доктрин, относящихся к определению задач гражданского правительства.

Но, с другой стороны, появилась новая проблема — проблема сосуществования разных языковых групп на одной территории. Сто лет назад это не составляло проблемы, не угрожает эта проблема и США. Но для Центральной и Восточной Европы это весьма взрывоопасный вопрос. Американцам трудно понять, что это вообще может являться проблемой, потому что они незнакомы с доктринами, которые создают из этого проблему.

Однако нельзя недооценивать великие политические проблемы, являющиеся причиной конфликтов, войн и революций, и объявлять их всего лишь кажущимися. Они не менее реальны и подлинны, чем любые другие проблемы человеческого поведения. Они порождены всей структурой идей и рассуждений, которой руководствуется политика сегодняшнего дня. Они по-настоящему существуют в социальной среде, которая создается этими доктринами. Их невозможно разрешить с помощью простых рецептов. Когда-нибудь эти пробле-

мы могут исчезнуть вместе с исчезновением всей структуры идей, которые их создают.

Мы должны разделять политические и технологические проблемы. Приспособление человека к природным условиям жизни является результатом его изучения природы. Теологи и метафизики могут говорить, что естественные науки неспособны разгадать все тайны мира и дать ответы на фундаментальные вопросы бытия. Но никто не может отрицать, что естественным наукам удалось улучшить внешние условия человеческой жизни. То, что сегодня на земле живет больше людей, чем сотни и тысячи лет назад, и что любой житель цивилизованной страны наслаждается гораздо большим комфортом, чем предшествующие поколения, является доказательством полезности науки. Каждая успешная хирургическая операция противоречит скептицизму изощренных ворчунов.

Но научные исследования и применение полученных ими результатов в борьбе за человеческую жизнь могут осуществляться только в обществе, т.е. в мире, где люди сотрудничают в условиях разделения труда. Общественное сотрудничество является продуктом мышления и разума. Считать это божьим даром или природным феноменом можно только постольку, поскольку мы должны понимать, что способность мыслить является природным оснащением человека.

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Надлежащим образом пользуясь этими способностями, человек создал технологию и общество. Прогресс естественных и общественных наук, развитие технических навыков и общественного сотрудничества неразрывно взаимосвязаны. И то и другое является продуктом разума.

Нет нужды подробно останавливаться на том, что существуют проблемы, которые естественные науки не в силах разрешить. В той мере, в какой работают лабораторные экспериментальные методы, естественные науки способны получать утверждения, которые можно считать неоспоримыми фактами. Естественные науки продвигаются вперед методом проб и ошибок. То, что в результате лабораторных экспериментов удается получить ожидаемые результаты, и то, что механизмы работают так, как нам нужно, является подтверждением (верификацией) корпуса нашего физического знания, не подлежащего сомнению.

Но в области общественных наук мы не можем воспользоваться преимуществами экспериментального метода. Мы должны повторять этот факт снова и снова, потому что значение этого факта невозможно переоценить, а также потому что он полностью игнорируется современной эпистемологией и экономической наукой. Теории, которые создают и разрушают общественное сотрудничество, можно доказать или опровергнуть только

путем чистого рассуждения. Их нельзя просто подвернуть экспериментальной проверке.

Это полностью объясняет, почему создается впечатление, что конфликт социальных доктрин разрешить невозможно. Когда вместо теории флогистона Лавуазье предложил более подходящую теорию, то поначалу он натолкнулся на упорное сопротивление сторонников старой теории. Но сопротивление прекратилось очень скоро и навсегда. Лабораторные эксперименты и применение новой теории в технологиях положили ему конец. Но невозможно провести подобную проверку с целью подтверждения великих экономических достижений Юма, Рикардо и Менгера. Их необходимо испытывать посредством абстрактного рассуждения.

Есть и второе важное отличие. В капиталистическом обществе, где существует частная собственность на средства производства, новая идея может быть внедрена в практику в ограниченной области с помощью небольших ресурсов. Поэтому таким людям, как Фултон и Белл, удалось осуществить свои планы, над которыми смеялось большинство их современников. Но социальные изменения можно осуществить только с помощью мероприятий, которые нуждаются в поддержке большинства. Сторонник свободной торговли не может заниматься свободной торговлей при поддержке нескольких друзей, небольшая изолированная группа

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

сторонников мира не может установить мир. Для того чтобы заставить работать социальные доктрины, необходима поддержка общественного мнения. Для того чтобы общество функционировало удовлетворительно, десятки миллионов людей, путешествующих по железным дорогам и слушающих радиопередачи, ничего не зная о том, как строятся и эксплуатируются железные дороги или как работает радио, должны разобраться в несравнимо более сложных проблемах общественно-го сотрудничества. Все зависит от того, какое решение примет огромная масса малообразованных людей, которым не нравится много думать и размышлять, инертных и с трудом воспринимающих новые сложные идеи. Ход событий определяется их доктринальными убеждениями, какими бы грубыми и наивными они ни были. Состояние общества является результатом доктрин, которые считают правильными массы обычных людей, а не теорий, поддерживаемых небольшой группой передовых мыслителей.

Повсеместно считается, что причиной конфликта социальных идей является столкновение групповых интересов. Если бы эта теория была правильной, то перспективы человеческого сотрудничества выглядели бы безнадежными. Если единство не может быть достигнуто по причине ли того, что правильно понимаемые интересы людей противоречат друг другу, или потому что

интересы общества антагонистичны интересам индивидов, то никогда не могут быть достигнуты ни прочный мир, ни дружественное сотрудничество между людьми. Тогда нынешнее состояние цивилизации, постулирующее мир, невозможно поддерживать, и человечество обречено. В таком случае правы были нацисты, считавшие войну единственно нормальной, естественной и желательной формой человеческого взаимодействия. В таком случае правы большевики, которые не спорят со своими оппонентами, а истребляют их. В таком случае западная цивилизация — не что иное, как бесстыдная ложь, а ее достижения, как утверждал Вернер Зомбарт, — работа дьявола.

Мы должны понять, что проблемы общества являются результатом состояния социальных доктрин. Необходимо рассмотреть вопрос, возможно ли представить такое состояние организации общества, которое считалось бы удовлетворительным с точки зрения — правильно понимаемых — интересов всех людей. Если ответ на этот вопрос будет отрицательным, тогда мы должны будем сделать вывод, что конфликты наших дней являются прелюдией к неизбежному распаду общества. Если, с другой стороны, ответ будет положительным, то мы должны будем задаться вопросом, какое состояние разума ведет к конфликтам в мире, где по меньшей мере представим другой результат.

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

В любом случае конфликты являются результатом доктрин. Даже те, кто считает, что конфликты являются неизбежным результатом реального и неустрашимого антагонизма интересов, не отрицают, что, для того чтобы направлять действия людей, эти реальные антагонизмы должны быть восприняты разумом. Человек может действовать в собственных интересах, только если он знает, в чем состоят его интересы и что следует делать для того, чтобы им способствовать. И марксисты, и националисты согласны с тем, что может существовать и существовало такое состояние умов, когда классы, нации и индивиды не осознают свои истинные интересы и придерживаются доктрин, которые причиняют вред их благополучию. Несмотря на то что они постоянно повторяют, что бытие в результате некоего мистического процесса порождает правильные идеи, за открытие которых они прославляют своих великих учителей, марксисты и националисты признают, что необходимо вести постоянную пропаганду, чтобы внушить людям доктрины, адекватные их бытию. Таким образом, они тоже признают, что конфликты порождаются доктринами, а не простым состоянием вещей.

Существует еще одно широко распространенное заблуждение, согласно которому люди благодаря своим врожденным качествам или благодаря среде предрасположены к определенному мировоззрению или

философии. Люди, придерживающиеся различных философских учений, расходятся друг с другом по всем вопросам; их мнения не поддаются гармонизации; согласие недостижимо. Но это неверно. Все люди, независимо от своей партийной принадлежности, в этом мире желают одного и того же. Они стремятся защитить свою жизнь и жизнь членов своей семьи и улучшить свое материальное благополучие. Они сражаются друг с другом не потому, что стремятся достичь разных целей, а, наоборот, потому что — стремясь к одной и той же цели — они полагают, что удовлетворение, которое может получить другой человек, может помешать им самим улучшить свое положение. Когда-то существовали аскеты, честно и полностью отказывавшиеся от любых мирских стремлений и довольствовавшиеся образом жизни рыбы в воде. Не имеет смысла подробно анализировать данный случай, потому что не эти редко встречающиеся святые развязывают борьбу за получение большей доли пищи и предметов роскоши. Когда люди спорят по поводу социальных доктрин, они спорят не о мировоззрении, а о методах получения большего богатства и удовольствий. Все политические партии, действующие на исторической сцене, обещают своим последователям лучшую жизнь на земле. Они утверждают, что жертвы, которых они требуют от своих сторонников, являются необходимыми средствами обретения большего богат-

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ства. Они говорят, что эти жертвы временны, и сравнивают их с инвестициями, которые принесут многократную прибыль. Конфликт доктрин есть спор о средствах, а не о конечных целях.

Политические конфликты являются следствием доктрин, утверждающих, что единственный способ достижения счастья — это причинение вреда другим людям или угроза применить насилие. С другой стороны, мира можно достичь только будучи убежденным, что мирное сотрудничество приводит к лучшим результатам, чем борьба друг с другом. Нацисты встали на путь завоевания, потому что их доктрины внушали им, что победоносная война необходима, чтобы сделать немецкий народ счастливым. В США жители пятидесяти штатов живут мирно, потому что их доктрина учит их, что мирное сотрудничество лучше соответствует их целям, чем война. Когда несколько сотен лет назад разум американцев находился во власти другой доктрины, это привело к кровопролитной войне.

Таким образом, основным предметом исторического исследования должно быть изучение социально-экономических и политических доктрин. Создание законов и конституций, организация политических партий и армий, подписание или нарушение договоров, мирная жизнь или развязывание войны и революции — не что иное, как применение людьми этих доктрин. Мы рожда-

емся в мире, сформированном доктринами. Мы живем в среде, которая постоянно видоизменяется под влиянием изменяющихся доктрин. Действием этих доктрин определяется судьба каждого человека. Мы засеваем поле, но результат наших трудов зависит не только от воли Господа; получаемый нами урожай в не меньшей степени зависит от поведения других людей, а их поведение определяется доктринами.

V. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ДОКТРИН

Оценка различных доктрин с точки зрения предвзятых убеждений и личных предпочтений не входит в задачи научного исследования. Мы не имеем права судить идеи других людей по меркам нашей морали. Мы должны исключить из наших рассуждений рассмотрение конечных целей и ценностей. Не дело науки предписывать людям, в чем состоит их главное благо и к чему им следует стремиться. Изучая доктрины, мы должны применять только один стандарт. Мы должны задать вопрос, приведет ли их применение на практике к достижению тех целей, которых люди желают достичь. Мы должны исследовать пригодность доктрин с точки зрения тех, кто применяет их для достижения вполне определенных целей. Мы должны выяснить, соответствуют ли они целям, которым призваны служить.

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Мы не верим в то, что есть люди, которые буквально понимают старый принцип *fiat justitia pereat mundus*². На самом деле они хотят сказать: *fiat justitia ne pereat mundus*³. Они не желают разрушить общество с помощью закона. Но если бы существовали люди, которые считали бы конечной целью своих усилий разрушение цивилизации и низведение человечества до уровня неандертальцев, то мы также проверяли бы их доктрины на соответствие их конечной цели. При этом мы могли бы добавить: вместе с подавляющим большинством людей мы не разделяем этого сумасшествия, мы желаем не разрушения, а усиления цивилизации и мы готовы защищать цивилизацию против нападок со стороны ее противников.

Существует и второй критерий, в соответствии с которым следует оценивать доктрину. Мы можем задать вопрос, является ли она логически последовательной или противоречивой. Но данная оценка является второстепенной и должна быть подчинена упомянутому выше критерию целесообразности. Противоречивая доктрина неверна только потому, что ее применение на практике не позволяет достигать поставленных целей.

Было бы ошибкой называть этот метод оценки доктрин прагматическим. Мы здесь не касаемся вопроса об истине. Мы должны рассмотреть доктрину, т.е. рецепт действия; здесь неприменим никакой иной критерий, кроме выяснения, работает этот рецепт или не работает.

Столь же неверным было бы называть нашу точку зрения утилитаристской. Утилитаризм отверг все стандарты гетерономного морального закона, который надо принимать и выполнять независимо от того, к каким последствиям это приводит. С утилитаристской точки зрения деяние является преступлением, потому что его результаты вредны для общества, а не потому что какие-то люди верят, что слышат мистический голос, который называет это деяние преступлением. Мы не обсуждаем здесь проблемы этики.

Мы лишь обращаем внимание на то, что люди, которые не применяют адекватных средств, не достигнут целей, которых желают достичь.

VI. ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ И ПОПУЛЯРНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Любые попытки изучения человеческого поведения и исторических изменений должны принимать во внимание факт интеллектуального неравенства людей. Между философами и учеными, придумывающими новые идеи и разрабатывающими сложные учения, и недалекими тупицами, слабый интеллект которых не способен вместить даже простейших вещей, существует множество градаций и переходных этапов. Мы не знаем, что является причиной различий в интеллектуаль-

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ных способностях; мы просто должны признать их существование. Непозволительно отделяться от них, объясняя их разницей окружения, личного опыта и образования. Лишь небольшая элита способна воспринимать изощренные цепочки рассуждений. Большинство людей демонстрируют полную беспомощность, сталкиваясь с более тонкими проблемами выявления подразумеваемых допущений или проблемами правильного вывода. Они не способны понять ничего, кроме простейших операций счета; математика им недоступна. Бесполезно знакомить их с колючими проблемами и с теориями, для понимания которых их нужно продумать. Такие люди упрощают и огрубляют то, что они читают или слышат. Они искажают и неверно истолковывают утверждения и выводы. Любую теорию и доктрину они видоизменяют, чтобы адаптировать ее для своего уровня интеллекта.

Для кардинала Ньюмана и толпы верующих католицизм имеет неодинаковое значение. Эволюционная теория Дарвина отличается от ее популярной версии, сводящейся к тому, что человек произошел от обезьяны. Фрейдский психоанализ не тождественен пансексуализму, его версии для миллионов. Такой же дуализм верен и для социальных, экономических и политических доктрин. Все доктрины преподаются и усваиваются по крайней мере в двух различных, более того — против-

речивых, версиях. Эзотерические и экзотерические учения разделяет непреодолимая пропасть.

Поскольку изучение доктрин не является целью само по себе, то популярным доктринам следует уделять не меньше внимания, чем доктринам философов и их книгам. Разумеется, популярные доктрины ведут свое происхождение от логически продуманных и совершенных теорий ученых. Они вторичны. Но так как для применения социальных доктрин требуется поддержка со стороны общественного мнения, а общественное мнение обращается главным образом к популярной версии доктрины, то изучение последней не менее важно, чем изучение совершенных концепций. Для истории популярный лозунг может служить более важным источником информации, чем идеи, сформулированные учеными. Некоторые популярные и общепринятые мнения являются столь противоречивыми и несостоятельными, что ни один серьезный мыслитель не рискнет представить их в систематическом виде. Но если такое мнение провоцирует действие, то для исторического исследования оно не менее важно, чем любая другая доктрина, применяемая на практике. История не должна ограничивать свое внимание только правильными доктринами или доктринами, всесторонне разработанными в научных работах; история должна изучать все доктрины, определяющие поведение людей.

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

I

История западной цивилизации — это история непрекращающейся борьбы за свободу.

Общественное сотрудничество в условиях разделения труда является главным и единственным условием успеха человека в борьбе за выживание и в стремлении улучшить свое материальное благосостояние. Но поскольку человеческая природа такова, какова она есть, общество не может существовать, если в нем не действуют законы, препятствующие «непослушным» совершать деяния, несовместимые с жизнедеятельностью общества. В целях сохранения мирного сотрудничества нужно быть готовым прибегнуть к насильственному подавлению того, кто нарушает спокойствие. Обществу не обойтись без аппарата принуждения, то есть без государства и правительства. Но здесь возникает другая проблема: ограничить полномочия людей, вы-

полняющих правительственные функции, дабы они не вздумали злоупотребить властью и низвести остальных до положения рабов. Цель всякой борьбы за свободу — держать вооруженных защитников мира, правителей, полицейских в определенных границах. Политическое понятие свободы индивидуума означает: свобода от полицейского произвола.

Идея свободы всегда была характерна для Запада. Восток от Запада отличает прежде всего то, что народы Востока никогда не разрабатывали идею свободы. Непреходящая заслуга древних греков состоит в том, что они первыми поняли значение институтов, охраняющих свободу. Новейшие исторические изыскания позволяют установить происхождение некоторых научных достижений, которые прежде приписывались эллинам, из восточных источников. Однако идея свободы, бесспорно, зародилась в городах Древней Греции. Из трудов греческих философов и историков она перешла к римлянам, а затем — к европейцам и американцам. Она стала основным пунктом всех представлений людей Запада о справедливо устроенном обществе. Именно она породила философию *laissez faire*¹, которой человек обязан всеми дотоле невиданными достижениями эпохи капитализма.

Цель всех современных политических и юридических институтов — оградить свободу индивидуума

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

от посягательств со стороны правительства. Представительное правительство и правовое государство, независимость судов и трибуналов от вмешательства со стороны исполнительной власти, *habeas corpus*², судебное разбирательство и возмещение ущерба в случае незаконных действий исполнительной власти, свобода слова и прессы, отделение церкви от государства и многие другие институты преследовали всегда одну и ту же цель: ограничить всевластие должностных лиц и оградить индивидуума от произвола.

Эпоха капитализма освободила человека от всех пережитков рабства и крепостничества. Она покончила с жестокими расправами и свела наказания за преступления к минимуму, необходимому для того, чтобы отпугнуть нарушителя от совершения проступка. Она положила конец пыткам и другим недостойным методам обращения с подозреваемыми и преступниками. Она, наконец, отменила все привилегии и провозгласила равенство всех перед законом. Вчерашние подданные тиранов превратились, таким образом, в свободных граждан.

Материальные улучшения жизни явились результатом проведения этих реформ и новшеств в правительственной политике. Когда все привилегии были ликвидированы и каждому было предоставлено право вступить в соревнование с законными интересами других, это развязало руки тем, кто достаточно изобрета-

телен, чтобы развивать новые отрасли промышленности, которые сегодня столь необходимы для нормальной жизнедеятельности. Население увеличилось, но даже увеличившись, оно стало жить лучше, чем предки.

В странах западной цивилизации также всегда были апологеты тирании, то есть полного произвола самодержца или аристократии, с одной стороны, и абсолютного бесправия остального народа, с другой. Однако с эпохи Просвещения их число стало уменьшаться. Восторжествовало дело свободы. В начале XIX в. казалось, что остановить победное шествие принципа свободы невозможно. Самые выдающиеся философы и историки верили, что историческое развитие ведет к установлению институтов, гарантирующих свободу, и никакие ухищрения и козни сторонников рабства не способны воспрепятствовать тенденции к либерализации.

II

Касаясь вопроса либеральной социальной философии, часто упускают из виду важный фактор, который способствовал развитию идеи свободы, а именно исключительную роль, которая отводилась в воспитании элиты древнегреческой литературе. Среди греческих авторов были и сторонники всемогущей государственной власти как, например, Платон. Но основное содержание

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

греческой идеологии составляло осуществление принципа свободы. Греческие полисы, если их сравнивать с современными социально-политическими институтами, были олигархиями. Свобода, которую государственные деятели, философы и историки воспевали как высшее благо человека, была привилегией меньшинства. Отказывая в свободе метекам и рабам, греки, по существу, выступали за деспотию наследственной касты олигархов. Однако было бы серьезной ошибкой считать, что их дифирамбы были неискренними. В восхвалении свободы и борьбы за нее они были не менее бесхитростны, чем те американские рабовладельцы, которые две тысячи лет спустя совершенно искренне и с готовностью поставили свои подписи под Декларацией Независимости. Именно политическая литература Древней Греции породила идеи тираноборцев³, философию вигов, учения Альгузиза, Гроция, Дж. Локка, создателей современных конституций и биллей о правах. Именно изучение классического наследия, основная отличительная черта образования в эпоху либерализма, не давало выветриться духу свободы в Англии времен Стюартов, во Франции времен Бурбонов и в Италии, раздираемой междоусобными распрями.

Никто иной, как Бисмарк, самый заклятый враг свободы среди всех государственных деятелей XIX в., признается, что даже в Пруссии Фридриха Вильгельма III

оплотом республиканцев была гимназия*. Отчаянные попытки исключить классические штудии из программ либерального образования и таким образом уничтожить сам его дух явились одним из проявлений возрождающейся рабской идеологии.

Еще каких-нибудь сто лет назад мало кто мог предвидеть, какую мощную силу приобретут вскоре идеи, направленные против свободы. Казалось, идеалы свободы так прочно укоренились в сознании людей, что никакое движение вспять не смогло бы их уничтожить. Конечно, было бы бесполезно нападать на свободу открыто, призывать к возвращению в рабство. Но антилиберализм завладел умами людей, будучи загримирован под сверхлиберализм, то есть осуществление и воплощение самих идей свободы. Он пришел под личиной социализма, коммунизма, планирования.

Любому здравомыслящему человеку с самого начала было ясно, что цель апологетов социализма, коммунизма, планирования состоит в уничтожении свободы индивидуума и установлении всемогущества государственной власти. Однако большинство интеллектуалов, примкнувших к социалистам, было убеждено, что, выступая за социализм, они борются за свободу. Они на-

---

* См.: Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1940. С. 1.

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

зывали себя «левыми» и «демократами», а в настоящее время они даже претендуют на то, чтобы именоваться «либералами».

Эти интеллектуалы и следующие за ними массы подсознательно явственно ощущали, что если не смогли выполнить свои далеко идущие честолюбивые планы, то лишь по собственной вине. Они просто оказались либо недостаточно умны, либо недостаточно изобретательны. Однако им очень не хотелось признаваться в собственной бездарности ни себе самим, ни своим товарищам, лучше уж найти козла отпущения. Они убедили самих себя и попытались убедить других в том, что причина их неудач лежит не в них самих, а в несправедливости экономической организации общества. При капитализме, утверждают они, только очень немногие имеют возможность самореализоваться. «В обществе, живущем по принципу *laissez faire*, свободы могут добиться только те, кто в состоянии ее купить»*. Следовательно, заключают они, государство должно вмешиваться в жизнь общества, чтобы вершить «социальную справедливость», то есть, по их представлениям, чтобы давать неудовлетворенной своим положением посредством «по потребностям».

---

* LASKI H. ARTICLE «LIBERTY» IN THE «ENCYCLOPAEDIA OF THE SOCIAL SCIENCES». VOL. IX. P. 443.

III

До тех пор пока вопрос о социализме оставался лишь предметом теоретических споров, люди, не способные мыслить здраво и ясно, могли всерьез поверить, что при социалистическом режиме сохранение свободы возможно. Но эти иллюзии развеялись, когда опыт СССР показал всем, каковы условия жизни при социалистической системе. Отныне апологеты социализма вынуждены извращать самоочевидные факты и манипулировать словами, силясь доказать совместимость социализма и свободы.

Профессор Ласки — называвший себя «некоммунистом» и даже «антикоммунистом» — заявляет нам, что «в Советской России коммунист, несомненно, вполне ощущает свободу, но так же ясно он сознает и то, что в фашистской Италии у него этой свободы не будет»*. Действительно, русский имеет право подчиняться приказам своего начальства, но стоит ему хоть на одну сотую отклониться от «правильного» образа мысли, который определили власти предрешающие, он подвергается безжалостному уничтожению. Все политики, чиновники, писатели, музыканты, ученые, оказавшиеся жертвами «чистки», разумеется, не были антикоммуниста-

---

* Ibid., p. 445–446.

**ЕЩЕ КАКИХ-НИБУДЬ СТО ЛЕТ НАЗАД МАЛО КТО МОГ
ПРЕДВИДЕТЬ, КАКУЮ МОЩНУЮ СИЛУ ПРИОБРЕТУТ ВСКО-
РЕ ИДЕИ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ СВОБОДЫ.**

ми. Напротив, они были ярыми коммунистами, старыми членами партии, которым в знак признания их верности советской идеологии верховное руководство доверило высокие посты. Их единственная вина состояла в том, что они не успели мгновенно подстроить свои идеи, политические взгляды, содержание своих книг и симфоний к идеям и вкусам Сталина. Трудно поверить, что все эти люди «вполне ощущали свободу», если только не придать слову «свобода» смысл, прямо противоположный тому, в котором оно обычно употребляется.

В фашистской Италии, конечно, никакой свободы не было вовсе. Она переняла пресловутый советский образец «однопартийности» и в полном соответствии с ним уничтожила всякое инакомыслие. Но даже в осуществлении этого принципа между большевиками и фашистами все же огромная разница. Так, например, жил в фашистской Италии бывший член парламентской группы депутатов-коммунистов профессор Антонио Грациадеи, оставшийся до смертного часа верным своим коммунистическим убеждениям. Как заслуженный профессор в отставке он получал правительственную пенсию и имел возможность публиковать в самых известных итальянских издательствах свои труды, являющиеся образчиками ортодоксального марксизма. Его несвобода была, по-видимому, ме-

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

нее жесткой, нежели свобода коммунистов в России, которые, по выражению Ласки, «несомненно, вполне ощущали свободу».

Профессор Ласки с особым удовольствием несколько раз повторяет известный трюизм о том, что свобода на практике означает всегда лишь свободу в рамках закона. Закон же, продолжает он, стремится «обеспечить незыблемость того образа жизни, который признается желательным теми, кто управляет государственной машиной»*. Именно так функционируют законы свободной страны: они защищают общество от попыток разжигания гражданской войны и насильственного свержения правительства. Но Ласки делает серьезную ошибку, заявляя, будто в капиталистическом обществе «стремление бедных радикально изменить имущественные права богатых сразу же ставит под угрозу все перспективы свободы».

Возьмем, к примеру, Карла Маркса, который, кстати, является кумиром самого профессора Ласки и его единомышленников. Когда в 1848–1849 гг. он принимал активное участие в организации и проведении революции (сначала в Пруссии, потом в других германских государствах), то — являясь по существу иностранцем — он был выдворен и переселился с женой,

---

* Ibid., p. 446.

детьми и своей служанкой в Париж, а позже в Лондон*. Некоторое время спустя после того, как неудавшиеся революционеры были амнистированы, ему разрешили вернуться в любое место Германии, и он неоднократно пользовался этим разрешением. Отныне он не был изгнанником и добровольно избрал местом жительства Лондон*. Никто не препятствовал ему при основании Международного товарищества рабочих (1864 г.), организации, целью которой, как он сам признавался, была подготовка великой мировой революции. Никто не мешал ему в интересах этой организации ездить по европейским странам. Он преспокойно писал и издавал книги и статьи, которые, если использовать выражение Ласки, откровенно призывали к «радикальному изменению имущественных прав богатых». Маркс мирно почил в Лондоне, в своей квартире на Мэйтленд Парк-Роуд, 41, 14 марта 1883 г.

---

* О деятельности Маркса в 1848–1849 гг. см.: KARL MARX, CHRONIK SEINES LEBENS IN EINZELDATEN (КАРЛ МАРКС, ХРОНИКА ЖИЗНИ В ДАТАХ), изд. Института Маркса, Энгельса и Ленина в Москве, 1934, с. 43–81.

* * В 1845 г. Маркс добровольно отказался от прусского гражданства. Позже, в начале 60-х годов, он собирался начать политическую карьеру в Пруссии, но просьба о возвращении ему гражданства не была удовлетворена, и, таким образом, карьера стала невозможна. Повидимому, именно это побудило его остаться в Лондоне.

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

Или возьмем британскую партию лейбористов. Их попытки «радикально изменить имущественные права богатых» — как хорошо известно самому профессору Ласки — никогда не встречали противодействия, несовместимого с принципом свободы.

Маркс, будучи оппозиционером, мог преспокойно жить, писать и призывать к революции в викторианской Англии, так же как и лейбористы могли беспрепятственно заниматься политической деятельностью в послевикторианской Англии. В Советской России не потерпели бы ни малейшей оппозиции. Вот в чем разница между свободой и рабством.

IV

Те, кто критикует правовое и конституционное понятие свободы и институты, созданные для ее практического осуществления, правы в одном: защищенность индивидуума от произвола властей сама по себе недостаточна, чтобы сделать его свободным. Но подчеркивать эту бесспорную истину означает ломиться в открытую дверь. Никто из поборников свободы никогда и не утверждал, будто гарантии от произвола властей достаточно для обретения свободы. Единственное, что дает гражданину всю полноту свободы, которая только совместима с жизнью в обществе, — это рыночная экономика. Никакие

конституции и билли о правах сами по себе не создают свободы. Они лишь защищают от посягательств полицейской власти ту свободу, которую дает индивидууму экономическая система, основанная на конкуренции.

При рыночной экономике каждый имеет возможность добиваться такого положения в структуре общественного разделения труда, какого он желает. Он волен выбирать профессию, в рамках которой он планирует оказывать услуги другим людям. Этого права у человека нет в условиях планового хозяйства. Здесь власти решают, чем человек будет заниматься. По их усмотрению он будет либо выдвинут на более высокий пост, либо, напротив, оставлен в прежней должности. Индивидуум целиком зависит от милости властей предрежащих. При капитализме же любой может вызвать на соревнование любого. Если тебе кажется, что ты можешь предложить людям товар лучшего качества или по более дешевой цене, чем другие, ты вправе доказать свои способности. Твоим планам не грозит отсутствие средств: капиталисты постоянно заинтересованы в людях, которые смогут с максимальной выгодой использовать их фонды. Успех деятельности бизнесмена зависит только от того, как будут вести себя потребители, которые всегда покупают то, что им нравится больше всего.

Рабочий также не зависит от произвола нанимателя. Предприниматель, который не сможет нанять наи-

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

более квалифицированных рабочих и удержать их достаточно высокой зарплатой от перехода в другие места, расплачивается за свою нерасторопность сокращением чистого дохода. Вербуя работников, наниматель отнюдь не оказывает им милость. Они для него такое же необходимое средство достижения успеха, как сырье или заводское оборудование. Рабочий же имеет возможность выбирать занятие, которое ему по душе.

В капиталистическом обществе не прекращается процесс социального отбора, определяющего положение и доход каждого индивидуума. Случается, что большие богатства уменьшаются и вовсе сходят на нет, в то время как люди, вчера еще бывшие бедняками, добиваются высокого положения и приобретают состояние. В условиях, когда ни у кого нет привилегий и правительство не защищает ничьи личные интересы от угрозы со стороны более работоспособных и деловитых новичков, тем, кто приобрел капитал, приходится каждый день отвоевывать его вновь и вновь в конкуренции с другими.

В рамках общественного сотрудничества при разделении труда каждый зависит от того, насколько высоко предлагаемые им услуги оцениваются потребителями, к которым, кстати сказать, принадлежит и он сам. Приобретая или, напротив, не приобретая товар или услуги, каждый как бы выступает членом верховного суда, приносящим любому — не исключая и самого себя —

определенное место в обществе. Каждый участвует в процессе определения размеров дохода каждого — у кого-то более высокого, у кого-то — более низкого. Любой вправе внести такой вклад в общее дело, за который общество вознаградит его более высоким заработком. Свобода при капитализме означает: ты зависишь от свободы действий других людей не больше, чем другие зависят от твоей свободы действий. Когда в производстве существует разделение труда и нет ничьей абсолютной экономической автаркии, не может быть иной свободы, кроме этой.

Необходимо подчеркнуть, что основной аргумент в пользу капитализма и против социализма — даже не то, что социализм предполагает непременную ликвидацию всех «пережитков» свободы и превращение людей в полных рабов, а то, что социализм неосуществим как экономическая система, так как в социалистическом обществе исключается возможность экономического расчета. Поэтому социализм вообще нельзя рассматривать как систему экономической организации общества. Это — средство разрушения общественного сотрудничества, путь к бедности и хаосу.

V

Говоря о свободе, мы не касаемся основных экономических противоречий между капитализмом и соци-

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

ализмом. Отметим только, что европеец отличается от азиата именно тем, что он привык к свободе и сформирован ею. Цивилизации Китая, Японии, Индии, исламских стран Ближнего Востока даже до их знакомства с западным образом жизни нельзя, разумеется, считать цивилизациями варваров. Эти народы уже много столетий, даже тысячелетий тому назад добились огромных успехов в промышленности, архитектуре, литературе, философии и образовании. Они основывали могущественные империи. Однако позже их движение вперед остановилось, их культуры потеряли жизненность, и они разучились успешно справляться с экономическими проблемами. Их интеллектуальный и художественный гений сошел на нет, художники и писатели стали слепо копировать традиционные образцы, богословы, философы и юристы, все как один, занялись толкованием древних источников. Памятники, воздвигнутые некогда предками, рушились, империи распадались. Люди потеряли жизненную силу и равнодушно взирали на продолжающийся упадок и обнищание.

Философские работы и поэтические памятники народов древнего Востока могут соперничать с самыми ценными произведениями Запада. Однако вот уже в течение многих веков на Востоке не появилось ни одной значительной книги. Интеллектуальная и литературная история нашего времени едва ли помнит имя какого-

либо восточного автора. Восток перестал участвовать в интеллектуальных исканиях человечества. Ему так и остались чуждыми и непонятными проблемы и противоречия, волновавшие Запад. Европа бурлила, на Востоке царили застой, лень и равнодушие.

Причина такого положения ясна. На Востоке не было самого важного: идеи свободы человека от государства. Восток никогда не поднимал знамени свободы, не пытался противопоставить права индивидуума власти правителей. Никто здесь не возмущался произволом тиранов и поэтому, естественно, не разрабатывал юридические уложения, которые защищали бы имущество граждан от конфискации по прихоти тирана. Напротив, введенные в заблуждение мыслью о том, что богатство одних является причиной нищеты других, люди даже одобряли обычай тиранов отбирать у наиболее удачливых купцов их имущество. Это исключало крупные накопления капитала и закрывало путь к тем преимуществам, которые возникали при наличии значительных капиталовложений. Это препятствовало возникновению «буржуазии» и, следовательно, появлению людей, способных покровительствовать писателям, художникам, изобретателям.

Выходцам из народа были отрезаны все пути к продвижению, кроме одного: добиться чего-либо можно было только службой князьям. Западное обще-

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

ство было сообществом индивидуумов, соревнующихся в борьбе за высшие награды, восточное — сборищем подданных, целиком зависящих от милости царя. Энергичный молодой человек на Западе смотрит на мир как на поле своей деятельности, где он может добиться всего: известности, почестей, богатства — для его честолюбия нет ничего недостижимого. Его ровесник, вялый и расслабленный юноша Востока, способен только повторить путь, предписываемый средой. Благородная уверенность в себе, присущая европейцу, нашла блестящее выражение в Софокловском хоровом гимне в «Антигоне», воспевающем человека и его предприимчивость, в Девятой симфонии Бетховена. Ничто подобное никогда не звучало на Востоке.

Мыслимо ли, чтобы потомки людей, создавших европейскую цивилизацию, отказались от свободы и добровольно отдали себя во власть всемогущего государства? Чтобы они согласились быть винтиками в гигантской машине, изобретенной и приводимой в движение всемогущим вождем? Неужели по примеру остановившихся в своем развитии цивилизаций они откажутся от идеалов, ради достижения которых была принесена не одна тысяча жертв?

Ruere in servitium, они погрузились в рабство, печально констатировал Тацит, говоря о римлянах времен Тиберия.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

I

В конце XVIII в. существовало два понятия свободы. Оба они отличались от того, что мы имеем в виду сегодня, когда говорим о политической и личной свободе.

Одна концепция была чисто академичной и не находила никакого применения в политике. Она была извлечена из книг античных авторов, изучение которых в то время было самой сутью высшего образования. Древнегреческие и древнеримские мыслители не считали, что свободу следовало предоставлять всем людям. Она была привилегией меньшинства, большинству в ней было отказано. В свете современной терминологии, то, что древние греки называли демократией, не являлось тем, что Линкольн называл властью народа. Это была олигархия — власть полноправных граждан в обществе, основную массу которого составляли метеки и рабы. Однако уже с IV в. до н. э. философы, историки и ораторы даже эту весьма ограниченную свободу не рассматрива-

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

ли в качестве практически осуществимого конституционного института. Они считали ее частью безнадежно утерянного прошлого. Они оплакивали ушедший золотой век, но не знали, как его вернуть.

Второе понятие свободы было не менее олигархическим, хотя и не было связано ни с какими литературными реминисценциями. Оно представляло собой стремление земельной (и порой городской) аристократии оберегать свои привилегии от набирающего силу королевского абсолютизма. На большей части континентальной Европы государи одержали победу в данном конфликте. Только в Англии и Нидерландах джентри и городские аристократы сумели нанести поражение династиям. Но то, чего они добились, было свободой не для всех. Это была свобода для элиты, для меньшинства народа.

Нельзя обвинять в лицемерии людей, восхвалявших тогда свободу и в то же время ограничивавших правоспособность большинства, не говоря уже о сохранении крепостничества и рабства. Они столкнулись с проблемой, удовлетворительного решения которой найти не могли. Для постоянно растущего населения традиционная система производства была слишком тесной. Увеличивалось число людей, для которых в рамках докapiталистических методов ведения сельского хозяйства и ремесленного производства, в полном смысле слова

не оставалось места. Лишние люди становились голодающими бедняками. Они представляли собой угрозу для сохранения существующего общественного порядка, и длительное время никто не мог придумать иного порядка — положения дел, при котором можно было бы накормить всех этих несчастных. Не могло идти и речи о том, чтобы предоставить им полные гражданские права, не говоря уже об участии в управлении государством. Правителям было известно только одно средство — применение силы для подавления протестов.

II

Докапиталистическая система производства была ограничительной. Исторически в ее основе лежало завоевание. Победившие короли жаловали землю своим рыцарям. Эти аристократы были господами в буквальном смысле слова, поскольку они не зависели от покровительства потребителей, покупающих или воздерживающихся от покупок на рынке. С другой стороны, они сами являлись главными потребителями продукции организованных в гильдии обрабатывающих отраслей. Корпоративная структура гильдий противостояла любым новшествам. Она не позволяла отклоняться от традиционных методов производства. Даже в сельском хозяйстве и в кустарных ремеслах количество ра-

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

бочих мест было ограниченным. В таких условиях, как говорил Мальтус, многие обнаруживают, что «им нет места на этом грандиозном празднике природы» и что «им следует удалиться»*. Тем не менее некоторым из этих отверженных удавалось выживать, обзаводиться детьми и все больше и больше увеличивать численность бедняков, не имеющих в жизни никаких перспектив.

И вот пришел капитализм. Принято считать, что основным новшеством капитализма стала замена примитивных и неэффективных методов производства в ремесленных мастерских на механическую фабрику. Это весьма поверхностный взгляд. Характерной особенностью капитализма, отличающей его от докапиталистических методов производства, стал новый принцип реализации готовой продукции. Капитализм — не просто массовое производство, а массовое производство для удовлетворения потребностей масс. Кустарные ремесла старого доброго времени обслуживали только состоятельных людей, а фабрики производили дешевую продукцию для массового потребителя. Оказалось, что все первые фабрики были предназначены для обслуживания широких масс, тех слоев населения, которые работали на фабриках. Они снабжали их товарами либо пря-

---

* MALTHUS T. R. AN ESSAY ON THE PRINCIPLE OF POPULATION.
2ND ED. LONDON, 1803. P. 531.

мо, либо косвенно, экспортируя свою продукцию, и тем самым обеспечивали потребителей зарубежными продуктами питания и сырьем. Этот принцип сбыта является автографом как современного, так и раннего капитализма. Сами работники потребляли бóльшую часть всех производимых товаров. Они являлись суверенными потребителями, которые «всегда правы». Покупая или воздерживаясь от покупки, они определяли что́ следует произвести, в каком количестве, какого качества. Покупая то, что лучше всего подходит им, одним предприятиям они позволяли получать прибыли и побуждали их расширяться, а других вынуждали терять деньги и сокращать производство. Тем самым потребители постоянно передают контроль над факторами производства в руки тех коммерсантов, которые лучше всего удовлетворяют их нужды. При капитализме частная собственность на средства производства является общественной функцией. Предприниматели, капиталисты и землевладельцы являются, так сказать, доверенными лицами потребителей, причем их мандат может быть аннулирован. Чтобы быть богатым, недостаточно обладать однажды сбереженным и накопленным капиталом. Его необходимо постоянно инвестировать в направлениях, лучше всего отвечающих желаниям потребителей. Рыночный процесс — это ежедневно повторяющийся плебисцит. Он непрерывно прореживает ряды людей, получающих

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

прибыль, неумолимо отсеивая тех, кто не использует свою собственность в соответствии с распоряжениями, отдаваемыми потребителями. Большой бизнес, объект фанатической ненависти со стороны всех современных правительств и самозванных интеллектуалов, обретает и сохраняет свои масштабы только потому, что работает на массы. Заводы, снабжающие предметами роскоши немногих, никогда не станут крупными. Историки и политики XIX в. не понимали, что основными потребителями продукции промышленности были рабочие. По их мнению, наемные рабочие трудились исключительно на благо паразитического праздного класса. Они ошибочно полагали, что работа на фабриках отрицательно сказывается на доле работников физического труда. Если бы они обратились к статистике, то легко обнаружили бы ошибочность своего мнения. Детская смертность снизилась, средняя продолжительность жизни увеличилась, численность населения сильно возросла, средний простой человек наслаждается комфортом, о котором состоятельные люди более ранних эпох не могли и мечтать.

Однако беспрецедентное обогащение масс было всего лишь побочным продуктом промышленной революции. Ее главное достижение состояло в передаче экономического господства от землевладельцев всему населению. Простой человек перестал быть тружеником, вынужденным довольствоваться остатками с барско-

го стола. Три касты отверженных, характерные для докапиталистических эпох, — рабы, крепостные и люди, которых авторы святоотеческой и схоластической литературы, а также английское законодательство XVI—XIX вв. именовали «бедными», — исчезли. Их потомки в новой экономической обстановке стали не просто свободными рабочими, но и потребителями. Это радикальное изменение нашло отражение в том, какую важность бизнес придает рынкам. Первое, в чем нуждается бизнес, — это рынки и еще раз рынки. Это — девиз капиталистического предпринимательства. Рынки подразумевают клиентов, покупателей, потребителей. При капитализме есть только один путь к богатству: обслуживать потребителей лучше и дешевле, чем это делают другие.

В стенах мастерской или фабрики боссом является владелец (в корпорациях — представитель акционеров, президент). Но это лишь видимое, условное главенство. Оно подчинено господству потребителей. Потребитель является королем, реальным боссом, а производитель не имеет шансов выжить, если не превзойдет своих конкурентов в обслуживании потребителей.

Это было крупное экономическое преобразование, которое изменило облик мира. Довольно скоро политическая власть была передана из рук привилегированного меньшинства в руки народа. За обретением

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

экономических прав последовало предоставление гражданских и политических прав. Простой человек, которому рыночный процесс дал право выбирать предпринимателей и капиталистов, приобрел аналогичную власть в сфере государственного управления. Простой человек превратился в избирателя.

Выдающиеся экономисты заметили (я думаю, что первым это сделал Фрэнк Феттер), что рынок является демократией, при которой каждое пенни дает право голоса. Правильнее было бы сказать, что представительная власть народа является попыткой организовать конституционное устройство в соответствии с моделью рынка, правда, этот замысел не был полностью реализован. В политической сфере верх всегда одерживает большинство, а меньшинство должно подчиняться большинству. Рынок же обслуживает и меньшинство, при условии что оно не слишком незначительно. Швейная промышленность производит одежду не только для нормальных людей, но и для полных, а издательства печатают не только вестерны и детективы для толпы, но и книги для более разборчивых читателей. Есть еще одно важное отличие. В политической сфере человек или небольшая группа людей не могут не подчиниться воле большинства. Но в интеллектуальной сфере частная собственность делает возможным мятеж. Бунтарь должен платить за свою независимость определенную

цену. В этом мире нет призов, которые можно завоевать, не жертвуя ничем. Однако если человек готов платить цену, он волен отклониться от господствующей ортодоксии или неоортодоксии. Какова была бы судьба таких еретиков, как Кьеркегор, Шопенгауэр, Веблен или Фрейд, в социалистическом обществе? А как обстояло бы дело с Моне, Курбе, Уолтом Уитменом, Рильке, Кафкой? Во все времена пионеры, создающие новые образы мышления и манеры поведения, могли работать только потому, что частная собственность делала возможным презрительное отношение к образу мышления и манерам поведения большинства. Немногие из этих раскольников сами были достаточно экономически независимыми, чтобы открыто не повиноваться господствующему мнению большинства. Но в условиях свободной экономики они нашли людей, готовых помогать им и содержать их. Что делал бы Маркс без своего покровителя, фабриканта Фридриха Энгельса?

III

Неспособность социалистов осознать суверенитет потребителя в рыночной экономике полностью обесценивает экономическую критику ими капитализма. Они видят лишь иерархическую организационную структуру предприятий и планов и не могут понять,

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

что прибыль побуждает бизнес служить потребителям. Профсоюзы строят свои отношения с работодателями так, словно менеджмент (как они это называют) не платит более высокую зарплату исключительно из злого умысла и алчности. Они близоруко не замечают ничего вне стен фабрики. Они и их сторонники говорят о концентрации экономической власти, не понимая, что экономическая власть в конечном счете принадлежит покупателям, подавляющее большинство которых составляют сами наемные работники. Их неспособность адекватно понять положение вещей находит отражение в таких неуместных метафорах, как «промышленный король» или «промышленный барон». Они слишком тупы, чтобы видеть разницу между суверенным королем или бароном, сместить которого может только более сильный завоеватель, и «шоколадным королем», который лишится своего «королевства» как только потребители предпочтут стать клиентами другого производителя. Это передергивание лежит в основе всех социалистических планов. Попытайся любой из социалистических лидеров заработать на жизнь, продавая хот-доги, он кое-что узнал бы о суверенитете потребителя. Но они были профессиональными революционерами, и их единственной работой было разжигание гражданской войны. Идеалом Ленина было организовать национальное производство по образцу почты,

учреждения, не зависящего от потребителей, поскольку дефицит ее бюджета покрывался принудительным сбором налогов. «Все общество, — говорил он, — станет одним предприятием и одной фабрикой»*. Он не понимал, что характер фабрики полностью изменится, как только она станет единственной в мире, и у людей больше не будет возможности осуществлять выбор из товаров и услуг различных предприятий. Не понимая, какую роль при капитализме играют потребители и рынок, он не мог видеть разницы между свободой и рабством. Поскольку в рабочих Ленин видел только рабочих и упускал из виду, что одновременно они являются потребителями, он считал, что при капитализме они уже являются рабами, и их статус не изменится, когда все заводы и фабрики будут национализированы. Суверенитет потребителя социализм заменяет на суверенитет диктатора или комитета диктаторов. Вместе с экономическим суверенитетом граждане теряют и политический суверенитет. Единственному производственному плану, отменяющему всякое планирование со стороны потребителей, в политической сфере соответствует принцип однопартийности, лишаящий граждан всякой возможности планировать ход поли-

---

* Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

тических событий. Свобода неделима. Человек, не имеющий права осуществлять выбор из различных марок консервов или мыла, также лишен права делать выбор из различных политических партий и программ, а также избирать должностных лиц. Он больше не является человеком; он становится пешкой в руках верховного социального инженера. Даже его свобода выращивать потомство будет отнята евгеникой. Разумеется, социалистические лидеры иногда уверяют нас, что диктатура тирании устанавливается только на период перехода от капитализма и представительного правления к социалистическому тысячелетнему царству, в котором все потребности и желания будут полностью удовлетворены*. Мисс Джоан Робинсон, видный представитель британской неокембриджской школы, любезно обещает, что как только социалистический режим будет «в достаточной степени защищен от критики», будет разрешено существование «даже независимых филармонических обществ»*. Таким образом, ликвидация всех несогласных является условием того, что коммунисты называют свободой. В свете этого становится по-

---

* **МАРКС К.** КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ // **МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф.** Соч. Т. 19. С. 23.

** **ROBINSON J.** PRIVATE ENTERPRISE AND PUBLIC CONTROL. PUBLISHED FOR THE ASSOCIATION FOR EDUCATION IN CITIZENSHIP BY THE ENGLISH UNIVERSITIES PRESS, LTD., S.D. P. 13–14.

нятым, что имел в виду другой известный англичанин, м-р Дж. Кроутер, когда хвалил инквизицию, говоря, что она «приносит пользу науке, когда защищает восходящий класс»*. Смысл сказанного понятен. Когда все люди будут смиренно поклоняться диктатору, то несогласных уже не останется, и никого не нужно будет ликвидировать. Калигула, Торквемада, Робеспьер согласились бы с таким решением.

Социалисты произвели семантическую революцию, изменив смысл слов на противоположный. В словаре их «новояза», как его называл Оруэлл, есть термин «принцип однопартийности». Этимологически слово «партия» происходит от существительного «часть». Партия, не имеющая собрата, не отличается от своего антонима — целого; она тождественна ему. Партия, не имеющая собрата, не является партией, а принцип однопартийности по существу является принципом беспартийности. Это принцип подавления оппозиции в любой форме. Свобода подразумевает наличие права выбора между согласием и несогласием. Но на новоязе свобода означает обязанность безоговорочно соглашаться и строгий запрет на несогласие. Изменение традиционного смысла политической терминологии характерно не

---

* CROWTHER J. G. SOCIAL RELATIONS OF SCIENCE. LONDON, 1941.
P. 333.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

только для языка русских коммунистов и их фашистских и нацистских последователей. Общественный порядок, отменяющий частную собственность на средства производства, лишая потребителей автономии и независимости, а тем самым подчиняя каждого человека производу центрального планового совета, не смог бы обрести поддержку масс, если бы не замаскировал свою суть. Социалисты не смогли бы одурачить избирателей, если бы открыто заявили, что их главная цель — обратить людей в рабство. На публике они вынуждены были лицемерно превозносить свободу.

IV

В эзотерических дискуссиях в кругу глубоко законспирированных активистов их речи звучали совершенно иначе. Здесь посвященные не скрывали своих намерений относительно свободы. По их мнению, свобода, безусловно, была благом в прошлом, в рамках буржуазного общества, так как давала возможность реализовывать свои планы. Но после победы социализма свобода мысли и действий людям будет не нужна. Любое изменение будет отклонением от совершенного состояния человечества, достигшего социалистического счастья. При таких условиях было бы безумием терпеть инакомыслящих.

Свобода, говорят большевики, это буржуазный предрассудок. Простой человек не имеет своих идей; он не пишет книг, не создает еретических теорий, не изобретает новых методов производства. Он хочет лишь наслаждаться жизнью. Ему нет никакой пользы от классовых интересов интеллектуалов, которые зарабатывают себе на жизнь как профессиональные инакомыслящие и новаторы. Более презрительного отношения к простому человеку придумать невозможно. Нет необходимости оспаривать эту точку зрения. Вопрос не в том, может ли простой человек сам воспользоваться свободой мыслить, говорить и писать книги. Вопрос в том, могут ли инертные рутинеры получить выгоду от свободы, предоставленной тем, кто затмевает их умом и силой воли. Простой человек может безразлично относиться к делам более способных людей и даже осуждать их. Однако он с удовольствием пользуется всеми выгодами, порождаемыми усилиями новаторов. Он не вдается в подробности того, что на его взгляд является излишней казуистикой. Но как только предприимчивые бизнесмены применяют мысли и теории новаторов для удовлетворения скрытых потребностей простого человека, он спешит купить новые товары. Вне всяких сомнений, наибольшую выгоду от достижений современной науки и технологии получает простой человек.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

Верно то, что человек средних умственных способностей не имеет возможностей попасть в ряды капитанов индустрии. Но суверенитет в экономических делах, обеспечиваемый ему рынком, стимулирует технологов и предпринимателей обращать ему на пользу все достижения научных исследований. Этот факт могут не замечать только люди, умственный горизонт которых не выходит за рамки внутренней организационной структуры фабрики и которые не понимают, что заставляет бизнесмена шевелиться.

Поклонники советской системы постоянно повторяют нам, что свобода не является высшим благом. Что ею «не стоит обладать», если она подразумевает нищету. Пожертвовать свободой для достижения благосостояния масс совершенно оправданно. В России счастливы все, исключая горстку непокорных индивидуалистов, не способных адаптироваться к образу жизни рядовых граждан. Мы не будем обсуждать вопрос, распространялось ли счастье на миллионы умерших от голода украинских крестьян, заключенных трудовых лагерей, подвергнувшихся чистке марксистских вождей. Но мы не можем пройти мимо того, что в свободных странах Запада уровень жизни несравненно выше, чем на коммунистическом Востоке. Отказавшись от свободы в качестве платы за достижение процветания, русские заключили неудачную сделку. Сейчас у них нет ни того, ни другого.

V

Романтическая философия развивалась под влиянием иллюзии, что на заре истории человек был свободен и что историческая эволюция лишила его изначальной свободы. Жан-Жак Руссо считал, что природа даровала человеку свободу, а общество сделало его рабом. В действительности первобытный человек был незащищен перед любым, кто был сильнее его и мог отобрать скудные средства к существованию. В природе нет ничего, что можно было бы назвать свободой. Концепцию свободы можно приложить только к общественным отношениям между людьми. Верно и то, что в обществе невозможно реализовать призрачную концепцию абсолютной независимости индивида. В рамках общества каждый человек зависит от того, какой вклад в его благосостояние готовы внести другие люди в обмен на его вклад в их благосостояние. Сущностью общества является взаимный обмен услугами. Люди являются свободными только в той степени, в какой они имеют возможность выбирать. Они лишены свободы, если вынуждены соглашаться с условиями обмена, подчиняясь насилию или под угрозой насилия. И не имеет значения, как они сами к этому относятся. Раб несвободен именно потому, что его обязанности определяет хозяин, устанавливая при этом вознаграждение за их исполнение.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

У правительства, общественного аппарата подавления и сдерживания нет ничего общего со свободой. Суть правительства — отрицание свободы. Правительство — это применение насилия или угрозы применить насилие с целью заставить всех людей подчиняться правительству, нравится им это или нет. Там, куда распространяется юрисдикция правительства, существует принуждение, а не свобода. Правительство — институт необходимый. Это средство сделать функционирование общественной системы сотрудничества гладким, оградить его от насильственных действий со стороны отечественных или иностранных бандитов. Правительство не является, как любят говорить некоторые, необходимым злом; оно является не злом, а средством, единственным средством, способным сделать возможным мирное сосуществование людей. Но правительство является противоположностью свободы. Правительство — это избиение, заключение в тюрьму, смертная казнь. Что бы ни делало государство, в конечном счете оно опирается на действия вооруженной полиции. Если государство управляет школами или больницами, то необходимые для этого средства собираются при помощи налогов, то есть платежей, взысканных с граждан.

Если учитывать, что (исходя из природы человека) без правительственного аппарата насильственных действий не было бы ни цивилизации, ни мира, то мы

У ПРАВИТЕЛЬСТВА, ОБЩЕСТВЕННОГО АППАРАТА ПОДАВЛЕНИЯ И СДЕРЖИВАНИЯ НЕТ НИЧЕГО ОБЩЕГО СО СВОБОДОЙ. СУТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА — ОТРИЦАНИЕ СВОБОДЫ

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

можем назвать правительство самым полезным человеческим институтом. Но факт остается фактом: правительство — это подавление, а не свобода. Свободу следует искать только в сфере, в которую правительство не вмешивается. Политическая свобода — это всегда свобода от правительства и ограничение правительственного вмешательства. Она существует только в тех областях, где граждане имеют возможность выбирать образ действий. Гражданские права — это законодательные акты, точно очерчивающие сферу, в которой людям, занимающимся государственными делами, разрешено ограничивать свободу действий людей.

Учреждая правительство, люди в конечном счете преследовали одну цель — сделать возможным функционирование определенной системы общественного сотрудничества, основанной на разделении труда. Если люди желают жить в условиях такой общественной системы, как социализм (коммунизм, планирование), то сферы свободы не существует. Все граждане в любом отношении подчинены декретам правительства. Государство является тотальным государством, а режим — тоталитарным. Государство само планирует и принуждает всех действовать в соответствии с его единственным в своем роде планом. В рыночной экономике люди вольны выбирать способ, которым они желают интегрироваться в структуру общественного сотрудничества.

Спонтанные действия индивидов имеют место только там, куда простирается область рыночного обмена. В этой системе, называемой *laissez faire*, которую Фердинанд Лассаль обозвал государством — ночным сторожем, свобода имеется, потому что есть сфера, в которой люди свободны строить собственные планы.

Социалистам следует признать, что в социалистической системе не может быть никакой свободы. Вместо этого они стараются стереть различия между рабским государством и экономической свободой, отрицая наличие свободы во взаимном обмене товарами и услугами на рынке. Любой рыночный обмен рассматривается представителями просоциалистической правовой школы как «обуздание свободы других людей». На их взгляд, нет никакой разницы между уплатой налогов или штрафов, налагаемых судьей, и покупкой газеты или билета в кино. Во всех этих случаях человек подчиняется власти правительства. Он не свободен, поскольку, как утверждает профессор Хэйл, свобода означает «отсутствие всяких препятствий для пользования материальными благами»*. Это означает: я не свободен, поскольку женщина, купившая свитер (возможно, в подарок мужу на день рожде-

---

* HALE R. L. FREEDOM THROUGH LAW, PUBLIC CONTROL OF PRIVATE GOVERNING POWER. NEW YORK: COLUMBIA UNIVERSITY, 1952. P. 4 ff.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

ния), создает препятствие, мешающее мне воспользоваться им. Я сам ограничиваю свободу всех остальных людей, потому что возражаю против того, чтобы они пользовались моей зубной щеткой. Согласно данной доктрине, делая это, я использую частную правящую власть, аналогичную государственной власти правительства, власти, которую правительство использует, когда помещает человека в тюрьму Синг-Синг.

Сторонники этой удивительной доктрины делают логичный вывод, что свободы нет нигде. Они утверждают, что то, что они называют экономическим давлением, по существу не отличается от давления, оказываемого хозяином на своих рабов. Отвергая то, что они называют частной правительственной властью, они не возражают против ограничения свободы, осуществляемого публичной правительственной властью. Они хотят сконцентрировать все, что они называют ограничениями свободы, в руках правительства. Они критикуют институт частной собственности и законы, которые, по их словам, стоят «на страже прав собственности — то есть отрицают свободу тех, чьи действия направлены на их нарушение»*.

Не так давно все домашние хозяйки варили суп, руководствуясь рецептами, которые они узнали от своих матерей или вычитали из поваренной книги. Сегод-

---

* Ibid., p. 5.

ня многие хозяйки предпочитают покупать консервированный суп, чтобы только разогреть его и подать на стол. Однако, говорят наши ученые доктора наук, компания-производитель в состоянии ограничить свободу домохозяек, потому что, устанавливая цену на консервы, они препятствуют их использованию. Люди, не имевшие привилегии учиться у таких видных учителей, сказали бы, что консервированные продукты произведены консервным заводом и что, производя их, компания устраняет самое большое препятствие, мешающее потребителю получить и съесть консервы, их несуществование. Запах продукта не сможет никого удовлетворить, если продукт не будет существовать. Но ученые говорят этим людям, что они не правы. Корпорации доминируют над домохозяйкой, избыточной концентрацией власти разрушая ее индивидуальную свободу. И обязанность правительства — помешать злоупотреблениям. Корпорации следует подчинить контролю правительства, пишет (при содействии Фонда Форда, одной из этих групп) профессор Берл*.

Почему наша домохозяйка покупает консервированные продукты, а не придерживается рецептов своей матери и бабушки? Несомненно потому, что считает

---

* BERLE A.A., JR. ECONOMIC POWER AND THE FREE SOCIETY, A PRELIMINARY DISCUSSION OF THE CORPORATION. NEW YORK: THE FUND FOR THE REPUBLIC, 1954.

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

этот образ действий более выгодным для себя, чем следование традиционным образцам. Ее никто не принуждает. Одни люди — их называют маклерами, дельцами, капиталистами, спекулянтами, биржевыми игроками, — стремясь удовлетворить скрытое желание миллионов домохозяек, осуществили инвестиции в консервную отрасль. Другие, столь же эгоистичные капиталисты в сотнях других корпораций снабжают потребителей сотнями других вещей. Чем лучше корпорация обслуживает народ, чем больше потребителей она привлекает, тем значительнее становятся ее размеры. Зайдите в дом средней американской семьи и вы увидите ради кого крутятся шестеренки этих машин.

В свободном обществе никому не препятствуют приобретать богатство путем предоставления потребителям более качественных услуг, чем они имеют сегодня. От человека требуются только его мозги и тяжелая работа. «В основе современной цивилизации, почти всех цивилизаций, — говорит Эдвин Кеннан, последний из длинного ряда выдающихся британских экономистов, — лежит принцип, в соответствии с которым положение тех, кто угождает рынку, становится приятным, а положение тех, у кого это не получается, — неприятным»*. Все разговоры о концентрации экономической власти беспред-

---

* CANNAN E. AN ECONOMIST'S PROTEST. LONDON, 1928. P. VI FF.

метны. Чем крупнее корпорация, чем больше людей она обслуживает, тем больше она зависит от удовлетворения потребителей, масс, народа. В рыночной экономике экономическая власть находится в руках потребителей.

Капиталистический бизнес — это не удержание однажды достигнутого состояния производства. Скорее, это непрекращающиеся нововведения, постоянно повторяющиеся попытки предложить потребителям новые, более качественные и более дешевые продукты. Любое реальное состояние производства является преходящим явлением. Существует постоянная тенденция замещения того, что уже достигнуто, чем-то другим, что лучше служит потребителям. Следовательно, при капитализме постоянно происходит смена элит. Отличительное свойство людей, которых называют капитанами производства, — порождать новые идеи и заставлять их работать. Какой бы крупной ни была корпорация, она обречена, как только она перестанет справляться с задачей ежедневно адаптироваться к наилучшим методам обслуживания потребителей. Но политики и другие воображающие себя реформаторами видят только сегодняшнюю структурную организацию промышленности. Они полагают, что достаточно умны для того, чтобы отобрать у бизнеса контроль над заводами в том виде, в каком они существуют сегодня, и управлять ими, придерживаясь заданного направления. В то время как честолюбивые новички, кото-

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

рые станут магнатами завтра, уже разрабатывают планы осуществления неслыханных проектов, реформаторы собираются следовать проторенным путем. До сих пор не зарегистрировано ни одного случая, когда бы бюрократы придумали и осуществили какое-либо промышленное новшество. Чтобы не скатиться к стагнации, необходимо освободить руки тем не известным сегодня людям, которые обладают достаточной изобретательностью, чтобы вести человечество вперед по пути все более и более удовлетворительных условий жизни. Это основная проблема экономической организации любой страны.

Частная собственность на материальные факторы производства не является ограничением свободы всех остальных людей выбирать то, что подходит им лучше всего. Напротив, она является средством, которое дает в руки простого человека как покупателя верховенство во всех экономических делах. Это средство, побуждающее наиболее предприимчивых людей страны направлять все свои способности на удовлетворение потребностей всего народа.

VI

Однако перечень радикальных перемен, привнесенных в жизнь простого человека капитализмом, будет неполным, если мы отметим только главенство простого

человека на рынке в роли потребителя и в государственных делах в роли избирателя и факт беспрецедентного повышения его уровня жизни. Не менее важным является то, что капитализм дал ему возможность делать сбережения, накапливать и вкладывать капитал. Пропасть, разделяющая в докапиталистическом сословно-кастовом обществе владельцев собственности и бедняков, не имеющих за душой ни гроша, сходит на нет. В прежние времена поденщик получал столь мизерную плату, что едва ли мог что-то отложить, а если и делал это, то мог осуществлять сбережения только путем тезаврирования и припрятывания нескольких монет. При капитализме квалификация позволяет ему делать сбережения, и существуют институты, позволяющие ему вкладывать свои средства в дело. Существенная часть капитала, используемого в американской промышленности, представляет собой сбережения наемных работников. Приобретая сберегательные депозиты, страховые полисы, акции и облигации, рабочие и служащие сами получают проценты и дивиденды и, следовательно, согласно марксизму, являются эксплуататорами. Простой человек прямо заинтересован в расцвете бизнеса не только как потребитель и работник, но и как инвестор. Резкая граница, некогда разделявшая тех, кто владеет факторами производства, и тех, кто их не имеет, постепенно стирается. Несомненно, эта тенденция может формироваться толь-

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

ко в рыночной экономике, не подрываемой так называемой социальной политикой. Государство благосостояния с его методами легких денег, кредитной экспансии и незамаскированной инфляцией постоянно съедает кусочки от требований, оплачиваемых законным платежным средством страны. Самозванные защитники простого человека все еще руководствуются устаревшей идеей, утверждающей, что политика, благоволящая должникам в ущерб кредиторам, весьма выгодна большинству. Их неспособность понять суть рыночной экономики проявляется также в том, что они не видят очевидного: те, кому они якобы помогают, выступая в роли сберегателей, владельцев полисов и облигаций, являются кредиторами.

VII

Индивидуализм — отличительная особенность западной социальной философии. Его цель — в создании сферы, в которой индивид свободен думать, выбирать и действовать, не наталкиваясь на ограничивающее вмешательство государства, общественного аппарата сдерживания и принуждения. Все духовные и материальные достижения западной цивилизации были результатом проведения в жизнь этой идеи свободы.

Эта доктрина и ее применение в сфере экономической жизни — политика индивидуализма и капита-

лизма — не нуждается в апологетах и пропагандистах. Достижения говорят сами за себя.

Аргументы в пользу капитализма и частной собственности основаны (помимо других соображений) также и на не имеющей аналогов эффективности производства. Именно благодаря своей эффективности капиталистическое производство обеспечивает средствами к существованию быстро растущее население при постоянном повышении уровня жизни. Постоянно растущее благосостояние масс создает социальное окружение, в котором исключительно одаренные люди свободны отдавать своим согражданам все, на что они способны. Общественная система частной собственности и ограниченного правительства — единственная система, оказывающая цивилизующее воздействие на тех, кто обладает врожденной способностью приобретать внутреннюю культуру.

Бесполезно преуменьшать материальные достижения капитализма, указывая на то, что есть вещи, более важные для человечества, чем более быстрые машины и дома, оборудованные центральным отоплением, кондиционерами, холодильниками, стиральными машинами и телевизорами. Безусловно, такие высшие и благородные устремления существуют. Однако они являются высшими и благородными именно потому, что их нельзя достичь какими-либо внешними усилиями, они

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

требуют личной самоотдачи и напряжения. Те, кто выдвигает подобные упреки в адрес капитализма, скорее демонстрируют крайне грубые и материалистические взгляды, полагая, что нравственную и духовную культуру можно создать при помощи правительства или путем создания соответствующей организационной структуры производства. Внешние факторы могут лишь создать среду и знания, дающие людям возможность совершенствовать свою личность и интеллект. Капитализм не виноват в том, что массы предпочитают бокс постановке «Антигоны» Софокла, джаз — симфониям Бетховена, комиксы — поэзии. Однако очевидно, что в то время как в условиях докапиталистической экономики, преобладающей в настоящее время на большей части планеты, высшие блага доступны лишь незначительному меньшинству, капитализм каждому предоставляет шанс стремиться к ним.

С какой точки зрения ни смотри на капитализм, нет никаких причин сожалеть об уходе некоего старого доброго времени. Еще меньше оснований тосковать по тоталитарным утопиям, будь то нацистского или советского типа.

Сегодня мы торжественно открыли девятую конференцию Общества Мон-Пелерен. По этому случаю уместно напомнить, что такого рода собрания, на которых высказываются мнения, противоречащие мнению

Людвиг фон Мизес. **ПРИЛОЖЕНИЕ**

большинства наших современников и их правительств, возможны только в атмосфере личной и политической свободы, являющейся наиболее точной характеристикой западной цивилизации. Давайте надеяться, что право на несогласие никогда не исчезнет.

КОММЕНТАРИИ

ЛИБЕРАЛИЗМ

¹ Речь идет о Первой мировой войне, поскольку книга написана в 1927 г. *Первая мировая война 1914–1918 гг.* — война между двумя коалициями держав: Центральными державами (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария) и Антантой (Россия, Франция, Великобритания, Сербия, позднее — Япония, Италия, Румыния, США и др.). Всего в Первой мировой войне приняли участие 34 страны. Было мобилизовано 74 млн чел. Общие потери составили 10 млн чел. убитыми и 20 млн чел. ранеными. — с. 13

² Выражение основоположника утилитаризма И. Бентама. См.: *Бентам И.* Основные начала гражданского кодекса // Избранные произведения Иеремии Бентама. СПб.: Русская книжная торговля, 1867. С. 321. — с. 23

³ Школа *Sozialpolitik* (нем. социальная политика) — социально-экономическая концепция, развитая в Германии новой (молодой) исторической школой (Г. Шмоллер, Л. Брентано, А. Вагнер) в конце 60-х годов XIX в. В ее основе лежала идея перехода от социализму к капитализму с помощью реформ, осуществляемых государством. Открыто противопоставляла себя либеральным воззрениям манчестерской школы. Манифест этого направления, принятый на конгрессе в Эйзенахе в 1872 г., объявил государство «великим моральным институтом воспитания человечества» и потребовал от него «вдохновиться великим идеалом, который стал бы приобщать все более и более многочисленную часть нашего на-

рода ко всем возвышенным благам цивилизации». Поскольку в конгрессе приняло участие огромное количество профессоров, либералы иронически окрестили новые веяния «катедер-социализмом» (нем. *Kathedersozialismus* — социализм кафедры). — с. 26

⁴Фритредеры — сторонники свободной торговли (англ. *free trade* — свободная торговля). Как направление в экономической теории и политике фритредерство возникло в Великобритании в последней трети XVIII в. — с. 33

⁵Психоанализ — метод психотерапии и психологическое учение, развитое З. Фрейдом в конце XIX — начале XX вв., ставящее в центр внимания бессознательные психические процессы и мотивации. Вытеснение из сознания неприемлемых для него влечений (преимущественно сексуальных) и травмирующих переживаний рассматривается психоанализом как главный источник невротических симптомов и различных патологических явлений (забываний, ошибочных действий и т.п.). В основе психотерапии — анализ вытесненных комплексов с помощью свободных ассоциаций, толкования сновидений и т.п. — с. 35

⁶Пер. с нем. Ал. Дейча (редакция В. Левина). — с. 36

⁷Пер. с нем. Н. Холодковского. — с. 36

⁸Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С. 160. — с. 36

⁹Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 305. — с. 38

¹⁰Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 20. — с. 38

¹¹Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 197. — с. 41

КОММЕНТАРИИ

¹² Имеется в виду высказывание Гераклита: «Борьба — отец всему и всему царь». — с. 52

¹³ Животное политическое (*зреч*). См.: *Аристотель*. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. С. 37. — с. 55

¹⁴ Имеется в виду «континентальная блокада» — торговая блокада Великобритании, объявленная Наполеоном I в 1806 г. Всем союзным и подвластным Франции государствам запрещалось вести торговлю, поддерживать почтовые и другие сношения с Британскими островами. После разгрома Наполеона в России в 1812 г. континентальная блокада перестала соблюдаться большинством стран. Формально отменена с отречением Наполеона от престола (апрель 1814). *Наполеон I* (Наполеон Бонапарт) (1769–1821) — французский император в 1804–1814 гг. и в марте 1815 г. — с. 58

¹⁵ *Естественное право* — понятие политической и правовой мысли, означающее совокупность исходных ценностей, принципов и прав, вытекающих из природы человека и независимых от социальных условий. Идея естественного права развивалась еще в трудах древнегреческих философов, а в Средние века была составной частью христианских религиозных учений. В XVII—XVIII вв. идея естественного права использовалась идеологами Просвещения для борьбы с феодальными порядками как противоречащими естественной справедливости. *Просвещение* — идейное течение и философская концепция XVIII — середины XIX вв., враждебные феодально-абсолютистскому строю и его проявлениям в экономической, социальной, духовной областях. Деятели Просвещения выступали за политическую свободу, гражданское равенство. Понятие «идеи Просвещения» получило широкую известность после выхода статьи Канта «Что такое Просвеще-

ние» (1784). Основными составляющими идеологии Просвещения были философские и этические концепции рационализма, утилитаризма и индивидуализма. — с. 59

¹⁶ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. СПб.: Наука, 1993. С. 88–90. — с. 78

¹⁷ Человек, сдавший второй государственный экзамен. — с. 81

¹⁸ *Метеки* — в Древней Греции чужеземцы, а также рабы, отпущенные на волю. Были лично свободными, но не имели политических прав. Среди метеков встречались богатые рабовладельцы, торговцы, владельцы ремесленных мастерских. — с. 83

¹⁹ *Война Алой и Белой Роз 1455–1485 гг.* — междоусобная война за престол в Англии между двумя ветвями династии Плантагенетов — Ланкастерами (в гербе алая роза) и Йорками (в гербе белая роза). Гибель в войне главных представителей обеих династий и значительной части знати облегчила установление абсолютизма Тюдоров. — с. 85

²⁰ Французская революция 1789 г. — крупнейшая трансформация социальной и политической систем Франции, происшедшая в конце XVIII в., в результате которой был уничтожен старый порядок. Один из эпизодов революционного периода — якобинская диктатура (июнь 1793 — июль 1794 гг.) — сопровождался массовым террором. — с. 85

²¹ *Старый порядок* (фр. ancien régime) — это выражение часто используется для обозначения феодальных порядков, существовавших до Французской революции. Старый порядок был соединением политического абсолютизма и словных привилегий. — с. 87

²² *Тори* — английская политическая партия; возникла в конце 70-х — начале 80-х годов XVII в. Выражала интересы

земельной аристократии и высшего духовенства англиканской церкви. Чередовалась у власти с партией вигов. В середине XIX в. на ее основе сложилась консервативная партия. *Виги* — политическая партия, возникла к началу 80-х годов XVII в. как группировка обуржуазившейся дворянской аристократии и крупной торговой и финансовой буржуазии. В середине XIX в. на ее основе сложилась Либеральная партия. (Изначально *виги* (англ. Whigs) — название оппозиции, данное (в 1679 г.) в насмешку, по имени шотландских пуритан (англ. Whigamore, прозвище шотландских крестьян). Виги выступали в поддержку «Билля об отводе» 1680 г., лишившего Якова II (тогда еще герцога Йоркского) права на наследование престола после Карла II. Сторонники власти короля Якова II получили в ответ кличку «тори» по ирландскому прозвищу папистов, опустошавших страну под предлогом восстановления и защиты королевских прав.) — с. 88

²³ *l'Action Française* («Аксьон франсез») — монархическая организация во Франции, основанная в 1899 г. Ее вооруженные отряды — «Королевские молодчики» — участники фашистского путча в феврале 1934 г. Существовала до 1944 г. *Синдикализм* (анархо-синдикализм) — течение в рабочем движении, находившееся под влиянием анархизма. Считало высшей формой организации трудящихся профсоюзы (синдикаты), которым должны принадлежать средства производства. Выступало за тактику «прямого действия» (саботаж, бойкот, забастовку). — с. 89

²⁴ *III (Коммунистический) Интернационал (Коминтерн)* — в 1919–1943 гг. международная организация, объединяющая компартии различных стран. Деятельность национальных компартий — членов Коминтерна контролировалась и направлялась руководством СССР. — с. 94

²⁵ Для большинства российских читателей упоминание о каких-либо заслугах фашизма звучит кощунственно и вызывает инстинктивное отторжение. Одна из причин этого — отождествление фашизма с нацизмом. Даже не все современные историки различают фашизм и нацизм. Для большинства людей эти понятия не просто тождественны: наиболее ярким проявлением фашизма считается Германия 1933–1945 гг., когда у власти находились нацисты. Популярные энциклопедии однозначно определяют нацизм как «одно из названий германского фашизма» [Большой энциклопедический словарь, 1998. С. 788], а в энциклопедии «Британника» в статье «Фашизм» говорится об «итальянском опыте» и «германском опыте» фашизма. Сегодня фашистским называется любое «социально-политическое движение, идеология и государственный режим тоталитарного типа».

Фашизм и национал-социализм — это прежде всего две *идеологии*, в основе которых лежат различные философии и экономические доктрины. Теоретики итальянского фашизма даже заявляли об их несовместимости, утверждая, что национал-социализм «как система отвергает и уничтожает фундаментальные духовные основы западной цивилизации и поэтому не может считаться фашизмом» (1931 г.). Все оценки Мизеса, касающиеся фашизма, относятся прежде всего к политической программе итальянского фашизма, а также к националистически и милитаристски ориентированным движениям в других странах, противостоявших после окончания Первой мировой войны и в 20-х годах прошлого века вполне реальной угрозе захвата власти большевистски настроенными местными компартиями. К примеру, говоря о немецких фашистах, Мизес имел в виду военизированные отряды *Freikorps*.

КОММЕНТАРИИ

Современные изложения событий тех лет обычно либо умалчивают о насилии, развязанном в то время социалистами в Италии (и не только там), либо прямо пытаются разоблачить «миф о том, что фашизм спас Италию от большевизма». Однако в конце 20-х годов это вовсе не казалось мифом, а было свежим впечатлением от только что пережитых событий. На местном уровне и уровне провинций социалистическая революция была не просто провозглашена, а фактически уже совершалась.

Ленин и другие большевистские лидеры смотрели на Италию как на весьма многообещающий регион для совершения революции. Итальянскую социалистическую партию возглавляли «максималисты», считавшие себя ленинистами и идеологически равнявшиеся на Коминтерн. В программе, принятой в октябре 1919 г. на XVI съезде партии, ИСП провозгласила начало периода революционной борьбы с целью вооруженного подавления буржуазии и установления диктатуры пролетариата. На общих выборах 1919 г. ИСП стала крупнейшей партией в парламенте.

Социалистическое насилие долгое время было характерной чертой политической жизни Италии. Оно было направлено против собственности работодателей и особенно против рабочих, не принимавших участия в забастовках. (Еще в 1906 г. Вильфредо Парето писал о том, что право на забастовку превратилось в «свободу для забастовщиков разбивать головы рабочим, желающим продолжать работу, и безнаказанно поджигать фабрики».)

Период 1919–1920 гг. в истории Италии известен как *Biennio Rosso*, или «два красных года». Забастовки и демонстрации проходили в обстановке агрессивной риторики и «мессианских революционных ожиданий». Отсутствие ответных дей-

ствий со стороны правительства заставило многих испугаться скорого социалистического переворота. Апофеозом и началом конца *Biennio Rosso* стала «грандиозная коммунистическая авантюра» (Мизес) — захват предприятий (и попытка управления ими) в Милане, Турине и Генуе, закончившийся полным провалом.

Именно социалистические эксцессы спровоцировали подъем фашистского движения, до этого не находившегося в фокусе общественного внимания и не имевшего широкой поддержки со стороны масс. Рост влияния и расширение рядов фашистов начались в сельских областях Италии, где были сформированы первые отряды фашистской гвардии. Это стало реакцией на мобилизацию социалистами поденных рабочих и преследуемую ими цель обобществления земли. Фермеры и местные предприниматели жаловались на неспособность правительства защитить их собственность. Для них поддержка гвардии была «неким видом самопомощи среднего класса». Значительную часть фашистской гвардии составляли рабочие, не являвшиеся членами профсоюза. И в некоторых городах (например, в Генуе) им удалось разрушить монополию профсоюзов на предприятиях.

Еще больший интерес представляет вторая волна расширения рядов фашистов. В одной из своих более поздних работ Мизес писал, что «провал коммунистов стимулировал приток сил в ряды фашистов, что и дало им возможность разгромить все остальные партии. Сокрушительная победа фашистов была не причиной, но следствием поражения коммунистов».

Если вернуться от истории к идеологии, то нельзя не заметить, что условно-благоприятная оценка заслуг фашизма дается на фоне всеобъемлющей критики идеологии и политической программы фашизма. Мизес отвергал фашизм за

его нелиберальную и интервенционистскую экономическую программу, внешнюю политику, основанную на силе и способную вызвать бесконечную серию войн, но прежде всего за абсолютную веру фашистов в то, что окончательную победу можно завоевать только силой, а не посредством рациональных аргументов.

Закончить этот комментарий можно фразой из предисловия Мизеса к английскому изданию «Либерализма»: «В этой книге многие проблемы политики трактуются так, что их можно понять и правильно оценить, только если учитывать политическую и экономическую ситуацию времени, когда она была написана». В 1947 г. главу о фашизме Мизес закончил следующими словами: «Краткосрочный фашистский эпизод окончился в крови, убожестве и позоре... Ибо фашизм не является «новым путем жизни», как провозглашали фашисты; это скорее старый путь к смерти и разрушению» (*Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. С. 149*). — с. 101

²⁶ *Ad maiorem Dei gloriam* (лат.) — к вящей славе Божией. — с. 109

²⁷ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 43. — с. 112

²⁸ *Contradicto in adjecto* (лат.) — противоречие в определении. — с. 132

²⁹ *Вторая империя* — во Франции период правления императора Наполеона III (2 декабря 1852 г. — 4 сентября 1870 г.). *Луи Наполеон Бонапарт* (Наполеон III) — французский император 1852–1870 гг., племянник Наполеона I. Используя недовольство крестьян режимом Второй республики, добился своего избрания президентом (декабрь 1848 г.). При поддержке армии

совершил государственный переворот 2 декабря 1851 г. В тот же день провозглашен императором. — с. 133

³⁰ *Цезаризм* — тирания, поддерживаемая массами (см.: Мизес Л. фон. Теория и история. Челябинск: Социум, 2007. С. 56). — с. 133

³¹ *Этатизм* (от фр. *état* — государство) — направление общественной мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития. Термин «этатизм» введен в научный и политический оборот либеральным швейцарским государственным деятелем Н. Дро (1844–1899) для обозначения таких черт социализма, как всеобъемлющая роль государства, централизованное руководство экономикой, примат интересов государства перед интересами личности. Впоследствии, в первой половине XX в., этот термин стал употребляться не только в связи с социализмом, но и для обозначения любой политики активного участия государства в экономической жизни. Анализ этатизма у Мизеса см. в его книге «Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война» (Челябинск: Социум, 2006. С. 63–158). *Интервенционизм* — система деформированной рыночной экономики, в рамках которой государство своими приказами и запретами вмешивается в ход экономической жизни (см.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 672). Наряду с рыночной экономикой, или капитализмом (частная собственность на средства производств), и социализмом (общественная собственность на средства производства) интервенционизм является одной из трех систем организации экономической жизни общества. Начиная с 20-х годов Мизес в разных сочинениях подробно анализировал разнообразные меры государственного вмешательства

КОММЕНТАРИИ

в экономику и пришел к следующим двум главным выводам: во-первых, в каждом отдельном случае вмешательство государства в экономическую жизнь в конце концов приводит к таким результатам, которые представляются неудовлетворительными даже с точки зрения тех, кто инициировал соответствующее «решение» конкретной проблемы; во-вторых, если корректировать негативные (с точки зрения инициатора) последствия даже самого незначительного и на первый взгляд безобидного вмешательства государства в экономику, то в конечном итоге это приведет к полному огосударствливанию всего хозяйства. См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 670–770. — с. 133

³² Густав Шмоллер (1838–1917) был лидером новой (молодой) исторической школы. — с. 133

³³ *Ceteris paribus* (лат.) — при прочих равных условиях. — с. 162

³⁴ Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 133. — с. 165

³⁵ *Sub specie aeternitatis* (лат.) — с точки зрения вечности. Выражение Спинозы («Этика». V. 31). — с. 176

³⁶ Гёте И. В. Годы учения Вильгельма Мейстера // Гёте И. В. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1978. С. 30. — с. 184

³⁷ Битва при Гуллодене 16 апреля 1746 г. была последней попыткой Стюартов вернуть себе британскую корону в ходе шотландского восстания, начавшегося 25 июля 1745 г. Претендент Карл Эдуард командовал армией горцев, потерпевшей сокрушительное поражение от королевских войск под командованием герцога Камберлендского, сына английского короля Георга II. — с. 202

³⁸ *Герцогства Шлезвиг и Гольштейн* с 1460 г. находились в персональной унии с Данией. В XIX в. Гольштейн населяли преимущественно немцы. Население Шлезвига состояло главным образом из датчан, за исключением южной части, также населенной преимущественно немцами. В конце 40-х годов XIX в. возникло движение датских националистов, выступавших с требованием раз и навсегда покончить с суверенностью герцогств. В качестве реакции на эти требования в Германии был выдвинут лозунг «борьбы против датской агрессии». В 1852 г. на переговорах представителей шести европейских государств, наиболее заинтересованных в стабильности в этом регионе, были достигнуты определенные компромиссные договоренности. Однако в марте 1863 г. король Дании Фридрих VII объявил о введении новой Конституции во всех подчиненных ему землях, ликвидировав тем самым традиционные привилегии Шлезвига и значительно урезав права Гольштейна. В Германии сразу же усмотрели в этом стремление ассимилировать немецкое меньшинство, которое в то время составляло треть всего населения Датского королевства. — с. 205

³⁹ *Габсбургская империя* — многонациональная монархия, сформировавшаяся вокруг австрийского эрцгерцогства Габсбургов начиная с XVI в. в обстановке наступления Османской империи на Юго-Восточную Европу (в XVI—XVII вв. вошли Чехия, Силезия, Венгрия, часть польских, западноукраинских, южнославянских, итальянских и других земель). С 1804 г. — Австрийская империя, с 1867 г. преобразована в двуединую монархию — Австро-Венгрию во главе с австрийским императором, он же венгерский король. — с. 205

⁴⁰ *Венский конгресс* (1814–1815) — конгресс европейских государств (за исключением Турции), был созван союз-

никами после разгрома наполеоновской империи. Заключены договоры, направленные на восстановление феодальных порядков и ряда прежних династий в государствах, ранее завоеванных Наполеоном I; удовлетворены территориальные притязания держав-победительниц, закреплена политическая раздробленность Германии и Италии; Варшавское герцогство разделено между Россией, Пруссией и Австрией. — с. 205

⁴¹ *Бруствер* — насыпь впереди окопа или траншеи для защиты бойцов от неприятельского огня, для укрытия от наблюдения и удобства стрельбы из стрелкового оружия. — с. 223

⁴² Речь идет о войне между Францией и Пруссией 1869–1871 гг. — с. 229

⁴³ Поводом к Первой мировой войне послужило убийство членом террористической организации «Молодая Босния» наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда 15 (28) июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Германия — России и Франции, Великобритания — Германии. — с. 230

⁴⁴ *Кўли (тамильск., букв. заработки)* — название низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих в Китае (до 1949 г.), Индии и ряде других стран. — с. 256

⁴⁵ *Наполеоновские войны* — войны Франции в период Консульства (1799–1804) и империи Наполеона I (1804–1814, 1815). — с. 275

⁴⁶ *Международный Красный Крест* — объединение национальных организаций Красного Креста (в мусульманских странах — Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца), Международного комитета Красного Креста (МККК) и Лиги обществ Красного Креста (ЛОКК). Задача организаций, входящих в МКК, — оказание помощи раненым, больным и военноплен-

ным во время вооруженных конфликтов, помощь жертвам стихийных бедствий. — с. 275

⁴⁷ Гаагские конференции мира 1899 и 1907 г. были созваны для разработки многосторонних соглашений в области законов и обычаев войны. — с. 275

⁴⁸ *Лига Наций* — международная межправительственная организация, действовавшая в период между Первой и Второй мировыми войнами. По Статуту (уставу) Лиги Наций ее учредителями являлись государства, участвовавшие в войне против Германии, а также вновь образовавшиеся государства — Польша, Хиджаз, Чехословакия. Первоначально Статут Лиги Наций был составной частью Версальского мирного договора. — с. 276

⁴⁹ *Мосульский конфликт* — длившийся с 1918 по 1926 г. спор между Великобританией и Турцией по вопросу о территориальной принадлежности богатого нефтью Мосула, входящего до Первой мировой войны в состав Мосульского вилайета Османской империи. После окончания войны Мосульский вилайет был оккупирован англичанами. Согласно Севрскому мирному договору 1920 г. Мосул был включен в состав Ирака, являвшегося в то время подмандатной территорией Великобритании, однако образовавшееся в Анкаре правительство Великого национального собрания во главе с М. К. Ататюрком не признало договора и потребовало сохранения за Турцией всех земель, в том числе Мосула, в пределах границ, существовавших в момент заключения Мудросского перемирия 1918 г.

В 1924 г. Великобритания передала мосульский вопрос на рассмотрение Лиги наций. 29 декабря 1924 г. Совет Лиги наций, заседавший в Брюсселе, вынес решение об установлении в качестве демаркационной так называемой Брюссельской линии — фактической границы между Турцией и Ираком, суще-

ствовавшей на 24 июля 1923 г. — день подписания Лозаннского мирного договора 1923 г., что оставляло район Мосула в пределах Ирака. Протесты Турции не увенчались успехом. Уступая давлению западных держав, Турция подписала в Анкаре договор с Великобританией и Ираком, по которому признала Брюссельскую линию (с небольшими исправлениями). Турции предоставлялось право в течение 20 лет получать 10% доходов иранского правительства от мосульской нефти либо капитализировать эту долю в сумме 500 тыс. ф. ст. (что и было впоследствии осуществлено). — с. 276

⁵⁰ *Крымская война 1853–1856 гг.* — первоначально русско-турецкая война за господство на Ближнем Востоке. С февраля 1854 г. Турция в союзе с Великобританией, Францией, Сардинским королевством. Завершилась поражением России по причине «военной и экономической отсталости феодальной России». *Русско-турецкая война 1877–1878 гг.* — вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах и обострением международных отношений. Потерпев полный разгром в войне, Турция в начале 1878 г. обратилась к России с просьбой о перемирии, обязавшись принять условия мира, выдвинутые Россией. Война завершилась Сан-Стефанским мирным договором, согласно которому Болгария превращалась в номинально зависимое от Турции, но автономное княжество с правом избрания князя; устанавливалась полная независимость Сербии, Черногории и Румынии с предоставлением им новых территорий; Босния и Герцеговина получали автономию; к России отходили отторгнутая от нее часть Бессарабии (кроме островов в устье Дуная) и т.д. Этот договор вызвал резкое противодействие западных держав, особенно Великобритании и Австро-Венгрии. На Берлинском конгрессе

1878 г. он был заменен многосторонним договором, значительно менее выгодным для России и Болгарии. — с. 281

⁵¹ Не стоит принимать близко к сердцу эти оценки Мизеса и делать на основании этого далеко идущие выводы относительно его отношения к России и русским. Не только потому что не далее как в следующем абзаце он их фактически дезавуирует. В сущности, Л. Мизес всего лишь пришел к тем же выводам, что и русские западники середины XIX в. (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Т. Н. Грановский и др.), представлявшие одну из сторон в ожесточенной полемике со славянофилами (вплоть до разрыва дружеских отношений, существовавших до этого между отдельными представителями обоих направлений) по поводу интерпретации русской истории. Например, П. Я. Чаадаев (1794–1856) в первом «Философском письме» (1836), которое и послужило катализатором размежевания между западниками и славянофилами (сам он не принадлежал ни к тем, ни к другим), высказывал мысли об отлученности России от всемирной истории, о духовном застое и национальном самодовольстве, препятствующих осознанию и исполнению ею предначертанной свыше исторической миссии. Истинным объектом неприятия Мизеса является не русский народ, а «деспотизм, империализм и большевизм». Тем более что предложенные им рецепты, как справиться с этим «злом», имеют чисто либеральный характер. — с. 281

⁵² *Каталлактика* — зд. экономическая теория. См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 219–221. — с. 299

⁵³ После поражения при Ватерлоо Наполеон I вторично отрекся от престола (22 июня 1815 г.). После падения Наполеона во Франции установилась конституционная монархия

КОММЕНТАРИИ

Людовика XVIII (1814/1815–1824) и Карла X (1824–1830) — период Реставрации. В результате июльской революции 1830 г. к власти пришла финансовая аристократия, а февральская революция 1848 г. установила республиканский строй (Вторая республика). — с. 312

⁵⁴ *Синдикализм* — общественный строй, при котором рабочие являются непосредственными собственниками средств производства. *Гильдейский социализм* — концепция, разработанная накануне Первой мировой войны радикальными членами английского Фабианского общества Джорджем Коулом, Джоном Гобсоном и др., основавшими в 1914 г. Национальную гильдейскую лигу. Гильдейцы считали, что частные предприятия должны быть национализированы, но управление ими должно быть передано не государству и не муниципалитетам, а национальным гильдиям — объединениям работников соответствующих народнохозяйственных отраслей, ядро которых составят существующие профсоюзы. (Критический анализ экономических программ синдикализма и гильдейского социализма см.: *Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ*. М.: Catallaxy, 1994. С. 167–170; *его же. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум, 2005. С. 762–770.) — с. 319

⁵⁵ *Партия центра* — с 1852 г. в прусском ландтаге существовала отдельная политическая группировка католиков, основная задача которой заключалась в защите прав Церкви в государстве, где большинство составляли протестанты. Во время выборов в ландтаг в ноябре 1870 г. католики выдвинули кандидатов, придерживавшихся отчетливо клерикальной политической и социальной программы, и получили 57 мест в парламенте. 13 декабря 1870 г. они организовались в отдель-

ную высокодисциплинированную партию. *Клерикализм* — стремление обеспечить первенствующую роль Церкви и религии в политической и культурной жизни. — с. 327

⁵⁶ *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7. — с. 336

⁵⁷ На русский язык переведено около 60% упоминаемых Мизесом «Моральных, политических и литературных опытов». См.: *Юм Д.* Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1996; *Юм. Бен-там* / «Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 5. М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1895. — с. 353

⁵⁸ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. — с. 353

⁵⁹ *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998; *его же.* Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса // *Бентам И.* Избранные сочинения. СПб.: Русская книжная торговля, 1867; *его же.* О судоустройстве. СПб., 1860; *его же.* Тактика законодательных собраний. СПб., 1907 (Челябинск: Социум, 2006). — с. 353

⁶⁰ *Милль Дж. С.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. *Его же.* О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Прогресс-Традиция, 1995. С. 288–392. *Его же.* Утилитарианизм // *Милль Дж. С.* Утилитарианизм. О свободе. СПб.: И. П. Перевозников, 1900. — с. 354

⁶¹ *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. — с. 354

⁶² *Менгер К.* Основания политической экономии // *Менгер К.* Избранные работы. М.: ИД «Территория будущего», 2005. — с. 354

⁶³ Бём-Баверк О. Позитивная теория капитала // Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. 2–3. Челябинск: Социум, 2010. *Его же.* Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002. — с. 354

⁶⁴ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Челябинск: Социум, 2009. — с. 355

⁶⁵ К настоящему моменту на русский язык переведено четыре из семи томов Полного собрания сочинений Ф. Бастиа. См.: Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2003; Экономические софизмы. Челябинск: Социум, 2010; Грабеж по закону. Челябинск: Социум, 2006; Что видно и чего не видно. Челябинск: Социум, 2006; Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007; Протекционизм и коммунизм. Челябинск: Социум, 2011. — с. 356

⁶⁶ Гобхаус Л. Т. Либерализм // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 83–182 (фрагменты). — с. 356

⁶⁷ Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995. — с. 357

⁶⁸ Руджеро Г. де. Что такое либерализм // О свободе. Антология мировой либеральной мысли. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 220–294 (фрагменты). — с. 357

⁶⁹ Нация, государство и экономика. Челябинск: Социум, 2012 (готовится к печати); Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994; Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993; Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2007; Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск.: Социум, 2005. — с. 357

⁷⁰ *Манчестеризм* (манчестерская школа, манчестерство, манчестерский либерализм) — либеральная политическая и экономическая программа (идеология), сформулированная в ходе агитации за отмену хлебных законов в Англии в середине XIX в. и в последующие годы лидерами «Лиги за отмену хлебных законов» (прежде всего Р. Кобденом и Дж. Брайтом).

Фразеу «манчестерская школа» часто использовал британский политический деятель Бенджамин Дизраэли для обозначения движения за свободу торговли; в Германии социалисты и националисты использовали придуманный Фердинандом Лассалем термин «манчестерство» (*manchestertum*) в качестве синонима «бездушного капитализма» для оскорбления и высмеивания своих либерально настроенных оппонентов.

В ходе агитации в речах ораторов Лиги были сформулированы и обоснованы все основные принципы либеральной экономической и внешней политики. В значительной мере они были положены в основу деятельности правительств Великобритании во второй половине XIX в. Участники движения не оставили систематизированных трудов в этой области, их идеи разбросаны в многочисленных речах на митингах. Только собрание речей Кобдена состоит из трех томов общим объемом более 3000 страниц. Это был (и остается) в высшей степени практический либерализм. Помимо всего прочего, агитация за отмену хлебных законов явила пример подлинно либеральных политических технологий, как по целям, так и по форме.

Теоретической основой манчестерского либерализма послужили произведения Д. Юма, А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля. В области внешней политики представители манчестерской школы выступали резко против войны и империализма, проповедуя мирные отношения между народами.

КОММЕНТАРИИ

В книге «Всемогущее правительство» Мизес написал: «На сегодняшний день нет другой системы, способной обеспечить надежную координацию мирных усилий народов и отдельных людей, кроме так называемого манчестеризма».

См.: *Бастия Ф.* Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2002. — с. 361

РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Статья была написана в 1949 или 1950 г. и впервые опубликована в: *Mises L.* Money, Method, and the Market Process. Auburn, Ala: The Ludwig von Mises Institute, Norwell, Mass.: Kluwer Academic Publishers, 1990.

¹*Граф Шамбор* (1820–1883) — герцог Бордо, последний представитель старой династии Бурбонов, после 1830 г. рассматривался легитимистами как законный претендент на французский престол. В своем Манифесте 5 июля 1871 г. он провозгласил: «Франция призовет меня и я приду к ней с моей преданностью моим принципам и моему знамени... Единственная жертва, которую я не могу принести ей [родине], это пожертвовать моей честью... Я не позволю вырвать из моих рук знамя Генриха IV, Франциска I и Жанны д'Арк... Французы, Генрих V не могут отказаться от белого знамени Генриха IV. Оно развевалось над моей колыбелью, и я хочу, чтобы оно осеняло и мою могилу». 24 мая 1873 г. Тьер вышел в отставку и президентство перешло к маршалу Мак-Магону, на которого роялисты вполне могли рассчитывать. К 5 августа все было подготовлено для восстановления монархии. Комиссия десяти, назначенная Национальным собранием, выработала формулу, которая гласила, что «трехцветное знамя

сохраняется. Оно может быть изменено лишь посредством соглашения короля и собрания». Но в конце октября появилось письмо графа Шамбора, в котором он решительно высказался за белое знамя и против требования каких-либо гарантий с его стороны при предложении ему власти. Это письмо явилось фактическим отречением графа Шамбора. Вскоре Национальным собранием был принят закон о септеннате, т.е. о семилетней продолжительности полномочий маршала Мак-Магона. В 1875 г. Национальное собрание приняло республиканскую форму правления. — с. 369

² *Individuum est ineffabile* (лат.) — индивидуум невыразим. — с. 371

³ *Fiat justitia pereat mundus* (лат.) — да свершится правосудие, [пусть даже] погибнет мир (ставшее крылатым выражение, служившее девизом германского императора Фердинанда I (1503–1564)). — с. 389

⁴ *Fiat justitia ne pereat mundus* (лат.) — да свершится правосудие, и да не погибнет мир. — с. 389

ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ

Статья впервые опубликована в журнале «American Affairs» (октябрь 1950 г.). Перепечатана в: *Mises L. Money, Method, and the Market Process*. Auburn, Ala: The Ludwig von Mises Institute, Norwell, Mass.: Kluwer Academic Publishers, 1990. Включена в книгу «Anticapitalistic Mentality» (1956) как параграфы 4 и 5 главы 4.

Печатается по: *Мизес Л.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. С. 215–122.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Laissez faire* — доктрина, требующая минимального вмешательства правительства в экономические и политические дела. Сама эта максима долгое время приписывалась французскому экономисту XVIII в. Винсенту де Гурне, однако Онкен показал, что это было ошибкой. Наиболее вероятным происхождением этой фразы может быть ответ фабриканта Легона Кольберу, спросившему, что он может сделать для промышленности: «*Laissez nous faire*» («Позвольте нам действовать»). Другие приписывают ее экс-министру Людовика XV д'Аржансону, который был известен своей приверженностью теории свободной торговли.

Однако каково ни было бы происхождение этой фразы, сама доктрина возникла естественным образом на рубеже XVII—XVIII вв. как протест против регулирования промышленности со стороны правительства. Влияние *laissez faire* на реальную жизнь достигло апогея около 1870-х годов, после чего ход событий постепенно и все сильнее и сильнее стал сдвигаться в направлении коллективизма. Обнаружилось, что конкуренция логически ведет к концентрации производства, что было истолковано как концентрация рыночной власти; естественно, тут же был сделан вывод о том, что свобода договора начинается только тогда, когда начинается равенство рыночной власти сторон. Различные направления мысли пришли к выводу, что для того чтобы обеспечить последнее, требуется вмешательство государства. Развитие системы национального образования и социального страхования, рост муниципальных закупок, необходимость защиты потребителей, особенно с точки зрения здоровья нации, необходимость отвечать на требования электората, состав которого становился все более пролетарским, и другие подобные причины все сильнее смяг-

чали острые углы оригинальной доктрины. К концу века тех, кто исповедовал эту доктрину в ее первоначальной чистоте, можно было пересчитать по пальцам. — с. 394

² *Habeas corpus* (лат.) — дословно: «право на распоряжение своим телом». В английской юриспруденции термин, обозначающий право каждого заключенного под стражу по обвинению в совершении преступления требовать подтверждения судьей правомерности его ареста. — с. 395

³ *Тираноборцы (монархомахи)* — писатели-публицисты в Западной Европе второй половины XVI — начала XVII вв., высказывавшиеся против королевского абсолютизма. Монархомахи отрицали божественное происхождение королевской власти, доказывали, что суверенитет принадлежит народу, который по договору передает власть монарху и имеет право свергнуть его, если он нарушит условия договора (и тем самым превратится в «тирана»), и даже убить его. Однако в то время их идеи не имели успеха, и к середине XVII в. в качестве преобладающей формы правления в Европе утвердилась абсолютная монархия. — с. 397

СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ

Лекция, прочитанная Л. фон Мизесом в Принстонском университете в октябре 1958 г. на 9-м заседании Общества Мон-Пелерен. Издана в виде брошюры Институтом Мизеса (Оберн, шт. Алабама) в 1991 г.

ГЛОССАРИЙ ИМЕН

Альтузий, Иоганн (1557–1638) — немецкий политический мыслитель, один из основоположников теории естественного права. Кальвинист. Принимал активное участие в борьбе Эмдена с князем Энно III. В главном труде «Политика» (*Politica...*, 1603), исходя из теории естественного права (которую он строил на принципах кальвинистской теологии), развивал идею народного суверенитета, в соответствии с которой народ имеет право свергать и казнить государей, простых исполнителей его воли (в этом Альтузий был близок к монархам).

Антонио, Грациадеи (1873–1952) — итальянский экономист, член компартии с 1921 г. В 1928 г. как один из лидеров «правого крыла» был исключен из компартии. После освобождения Италии от фашизма вновь стал членом Итальянской компартии.

Бастия, Фредерик (1801–1850) — французский экономист. В 40-х годах выступил с рядом памфлетов, в которых высказался против протекционизма, в пользу свободной торговли, сочетая это с борьбой против социалистических идей. Бастия пытался опровергнуть учение о социальных антагонизмах и показать, что «все законные интересы гармоничны».

Бентам, Иеремия (1748–1832) — английский философ, социолог, юрист. Родоначальник философии утилитаризма.

Бетховен, Людвиг, ван (1770–1827) — немецкий композитор и музыкант.

Бонапарт, Луи Наполеон (Наполеон III) — французский император 1852–1870 гг., племянник Наполеона I. Используя недовольство крестьян режимом Второй республики, добился своего избрания президентом (декабрь 1848 г.). При поддержке армии совершил государственный переворот 2 декабря 1851 г. В тот же день провозглашен императором.

Бройль, Луи де (1892–1987) — французский физик, лауреат Нобелевской премии по физике, пожизненный секретарь Французской академии наук. Один из основоположников квантовой механики.

Бурбоны (фр. Bourbon) — королевская династия, занимавшая престол во Франции в 1589–1792, 1814–1830 гг.

Буркхардт, Якоб (1818–1897) — швейцарский историк и философ культуры, основоположник так называемой культурно-исторической школы в историографии, выдвигавшей на первый план историю духовной культуры.

Веббы, Сидней (1859–1947) и *Беатриса* (1858–1843) — английские экономисты, историки рабочего движения, идеологи тред-юнионизма и фабианского социализма, супруги.

Веблен, Торстейн Бунде (1857–1929) — американский экономист, социолог, публицист, футуролог. Основатель инсти­туционального направления в политической экономии.

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма.

ГЛОССАРИЙ ИМЕН

- Гейзенберг, Вернер Карл* (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике (1932).
- Генрих IV* (1555–1610) — король Франции с 1589 г. (фактически — с 1594 г.), первый из династии Бурбонов, король Наварры. Во время религиозных войн — глава гугенотов. В 1593 г. принял католичество и вступил в Париж. Нантским эдиктом предоставил гугенотам свободу вероисповедания и многие привилегии.
- Гераклит Эфесский* (544–483 до н. э) — древнегреческий философ-досократик.
- Гёте, Иоганн Вольфганг* (1749–1832) — немецкий писатель, основатель немецкой литературы нового времени, мыслитель и естествоиспытатель.
- Гитлер, Адольф (Шикльгрубер)* (1889–1945) — фюрер (вождь) Национал-социалистической партии (с 1921 г.), глава германского государства (в 1933 г. стал рейхсканцлером, в 1934 г. объединил этот пост и пост президента).
- Гладстон, Уильям Юарт* (1809–1898) — премьер-министр Великобритании в 1868–1864, 1880–1885, 1886, 1892–1894 гг., лидер либеральной партии с 1868 г.
- Гогенцоллерны* — династия бранденбургских курфюрстов в 1415–1701 гг., прусских королей в 1701–1918 гг., германских императоров в 1871–1918 гг.
- Гроций, Гуго* (1583–1645) — голландский юрист и государственный деятель, философ, христианский апологет, драматург и поэт. Заложил основы международного права, основываясь на естественном праве.
- Гумбольдт, Вильгельм фон* (1767–1835) — немецкий философ, филолог, языковед, государственный деятель, дипломат.

Дарвин, Чарльз Роберт (1809–1882) — английский натуралист и путешественник, одним из первых осознал и наглядно продемонстрировал, что все виды живых организмов эволюционируют во времени от общих предков. В своей теории, первое развернутое изложение которой было опубликовано в 1859 г. в книге «Происхождение видов» (полное название: «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь»), основной движущей силой эволюции назвал естественный отбор и неопределенную изменчивость.

Декарт, Рене (1596–1650) — французский математик, философ, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики, автор метода радикального сомнения в философии, механицизма в физике.

Джевонс, Уильям Стэнли (1835–1882) — английский экономист, статистик и философ-логик, один из основоположников теории предельной полезности.

Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфилд (1804–1881) — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., лидер Консервативной партии, писатель.

Зомбарт, Вернер (1863–1941) — немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры. Ученик Густава Шмоллера, представитель немецкой исторической школы в экономической теории. С 1890 г. — профессор Бреславского (Вроцлавского) университета. С 1906 г. — в Берлине.

Кант, Иммануил (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

ГЛОССАРИЙ ИМЕН

Капоне, Альфонс Габриэль «Аль» (1899–1947) — знаменитый американский гангстер, действовавший в 1920–1930-х годах в Чикаго. Под прикрытием мебельного бизнеса занимался бутлегерством, игорным бизнесом и сутенерством.

Кафка, Франц (1883–1924) — один из основных немецкоязычных писателей XX в., большая часть работ которого была опубликована посмертно. Его произведения, пронизанные абсурдом и страхом перед внешним миром и высшим авторитетом, способные пробуждать в читателе соответствующие тревожные чувства, — уникальное явление в мировой литературе.

Кобден, Ричард (1804–1865) — один из лидеров и идеологов фритредеров в Великобритании. В конце 30-х годов основал Лигу против хлебных законов, боровшуюся за отмену ограничений внешней торговли и особенно за свободу ввоза зерна в Англию.

Курбе, Жан Дезире Гюстав (1819–1877) — французский живописец, пейзажист, жанрист и портретист. Считается одним из завершителей романтизма и основателей реализма в живописи.

Кьеркегор, Сёрен Обю (1813–1855) — датский философ, протестантский теолог и писатель.

Кэннан, Эдвин (1861–1935) — британский экономист и историк экономической мысли, профессор Лондонской школы экономики с 1895 по 1926 г.

Лавуазье, Антуан Лоран (1743–1794) — французский химик, один из создателей современной химии. Обнаружил, что воздух имеет сложный состав, определил состав мо-

лекулы воды, объяснил сущность горения и окисления, разработал принципы химической номенклатуры.

Ласки, Гарольд Джозеф (1893–1950) — английский теоретик «демократического социализма», апологет централизованного планирования, деятель лейбористской партии. Пытался найти идейные истоки социализма в христианстве, считал, что преобразование общества должно осуществиться не революционным путем, а в результате нравственного совершенствования индивидов.

Лассаль, Фердинанд (1825–1864) — немецкий социалист, философ, публицист, деятель германского рабочего движения.

Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870— 1924) — российский политический деятель, лидер российских социал-демократов (большевиков), теоретик марксизма, идеолог социалистической революции. Создатель и первый руководитель Советского государства.

Леонид (508/507–480 до н.э.) — спартанский царь с 488 г. до н.э. В греко-персидских войнах в 480 г. возглавил греческое войско против персидского царя Ксеркса. Погиб в сражении у Фермопил, прикрывая с небольшим отрядом спартанцев отступление греческого войска. В античных преданиях Леонид — образец патриота и воина.

Локк, Джон (1632–1704) — британский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма.

Луи-Филипп (1773–1850) — французский король в 1830–1848 гг.

Людендорф, Эрих (1865–1937) — немецкий военный и политический деятель, генерал пехоты. В 1924 г. был избран

ГЛОССАРИЙ ИМЕН

депутатом Рейхстага от национал-социалистической партии. Являлся сторонником доктрины неограниченной «тотальной» войны и беспощадного подавления выступлений масс.

Мальтус, Томас Роберт (1766–1834) — английский экономист, основоположник мальтузианства.

Маркс, Карл (1818–1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма.

Менгер, Карл (1840–1921) — австрийский экономист, один из трех основоположников современной экономической науки, основанной на субъективной теории ценности и теории предельной полезности, основатель австрийской школы.

Моне, Клод Оскар (1840–1926) — французский живописец, один из основателей импрессионизма.

Ницше, Фридрих (1844–1900) — немецкий философ, представитель иррационализма и волюнтаризма, поэт. Творческая деятельность Ницше оборвалась в связи с душевной болезнью.

Ньюмен, Джон Генри (1801–1890) — английский кардинал, центральная фигура в религиозной жизни Великобритании викторианского периода. Стоял во главе Оксфордского движения, добивавшегося обновления «изъеденной либерализмом» англиканской церкви по образцу Вселенской церкви первых пяти столетий. В 1845 г. перешел в католичество, отстаивал идеи скотизма (индетерминизм, первенство воли над умом как у человека, так и у Бога, индивидуальность, индивидуальная свобода), руководил католическим университетом в Дублине

(1854–1858). Член общества ораторианцев, один из ведущих теологов католической церкви, предшественник идей Второго Ватиканского собора (1962–1965).

Рикардо, Давид (1772–1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической политической экономии.

Рильке, Райнер Мария (1875–1926) — австрийский поэт-символист.

Робинсон, Джоан Вайолет (1903–1983) — английский экономист и общественный деятель. Член Британской академии с 1958 г.

Смит, Адам (1732–1790) — шотландский экономист и философ, основатель классической школы политической экономии.

Софокл (496–406 до н. э.) — древнегреческий драматург, величайший наряду с Эсхилом и Еврипидом трагик, афинянин. По античным свидетельствам, написал свыше 120 драм.

Спенсер, Герберт (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма.

Сталин, Иосиф Виссарионович (1879–1953) — деятель социалистической революции в России (уроженец Грузии), впоследствии руководитель СССР, примерно с 1927 г. единоличный диктатор.

Стюарты (первоначально англ. Steward, Stewart, с XVI в. установилось офранцузенное написание англ. Stuart) — династия королей Шотландии (в 1371–1651, 1660–1707 гг.), Англии (в 1603–1649, 1660–1694, 1702–1707 гг.), Ирлан-

ГЛОССАРИЙ ИМЕН

дии (в 1603–1649, 1660–1694, 1702–1714 гг.) и Великобритании (в 1707–1714 гг.).

Тацит, Публий или Гай, Корнелий (Publius Cornelius Tacitus или Gaius Cornelius Tacitus, ок. 56 — ок. 117 н.э.) — древнеримский историк. В 98 г. опубликовал трактат «О происхождении германцев и местоположении Германии» (De origine, moribus ac situ Germanorum).

Тиберий Юлий Цезарь Август (лат. Tiberius Julius Caesar Augustus, 42 до н. э.—37) — второй римский император (с 14 г.) из династии Юлиев-Клавдиев.

Троцкий (Бронштейн), Лев (1879–1940) — революционер, социал-демократ, политический и государственный деятель России после Октябрьской революции, теоретик марксизма, публицист. В 1929 г. выслан Сталиным за границу.

Уитмен, Уолт (1819–1892) — американский поэт, публицист.

Феттер, Франк Альберт (1863–1949) — американский экономист, президент Американской экономической ассоциации (1912). Награжден медалью Карла Менгера Австрийского экономического общества (1927).

Фрейд, Зигмунд (1856–1939) — австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа.

Фурье, Шарль (1772–1837) — французский социалист. Подвергнув критике строй современной «цивилизации», разработал проект будущего общества — строя «гармонии», в котором должны развернуться все человеческие способности.

Шамбор, граф — Генрих (Анри), герцог Бордоский, впоследствии использовавший титул (под которым он больше

Людвиг фон Мизес. **ПРИЛОЖЕНИЕ**

всего известен) граф де Шамбор (1820–1883) — претендент на французский престол как Генрих V и глава легитимистской партии, последний представитель старшей линии французских Бурбонов (потомков Людовика XIV, кроме линии Филиппа V Испанского, отказавшегося от прав на Францию в 1713). Со 2 августа по 9 августа 1830 г. да формально считался королем, однако корона была передана Луи-Филиппу I.

Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854) — немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма.

Шиллер, Иоганн Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения; наряду с Г. Э. Лессингом и И. В. Гёте основоположник немецкой классической литературы.

Шмоллер, Густав (1838–1917) — немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель. Лидер новой (молодой) исторической школы.

Шопенгауэр, Артур (1788–1860) — немецкий философ, один из самых известных мыслителей иррационализма.

Юм, Давид (1711–1776) — шотландский философ, историк, экономист и публицист.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютизм 230, 413
Австралия, иммиграция 260
Австрия 87, 151, 202
Автаркия 90, 267, 272–273, 341
Аграрные партии 92–93, 306, 309–310
Адамсон, Роберт 366
Анархизм 75–76
Англия
– война 57–58, 202, 216
– империализм 233–234
– либерализм 12, 356–357
– образование 216
– парламентаризм 312
– торговая политика 233–234, 251
Антилиберализм. См. тж Либерализм
– лейбористы 405
– личности 398–399
– особые интересы 294–297
– программа 14–15
– проедание капитала 334
– психологические корни 34–41
– свободная торговля 253
– семантическая революция 402–403, 424–425
– частная собственность 335, 432–433
Аристотель 41, 55
Аскетизм, аскеты 18–19, 350, 386
Атавизм 82

Бастиа, Фредерик 171, 356
Бедность 346
Белл, Александр Грэм 382
Бельгийское Конго 241
Бём-Баверк, Ойген 354
Бентам, Иеремиа 16, 59, 353
Бисмарк, Отто VII 362, 397, 398 сн.
Богатство 65–69, 116, 126
Большевики 88, 91–92, 96, 98–99, 280–282, 336, 384, 425
Большинства и меньшинства правило 87–89, 215, 310–311
Буркхардт, Якоб 102
Бюрократия 182–198, 437

Веббы, Сидней и Беатрис 319
Веблен, Торстейн 420
Веймарская конституция 355
Верования, популярные 390–393
Веротерпимость 108–111
Версальский договор 377
Внешняя политика 101, 199–284
Внутренняя политика 199–200
Войны
– классовая борьба 301–303
– милитаризм 269, 280
– мир 45, 52–57, 200, 209–211, 229
– наполеоновские 275
– насилие 96
– нацистская доктрина 384, 298
– Первая мировая 13–14, 59, 93–94, 209–210, 229,
– причины 284
– разделение труда 55–57
– результаты 57

УКАЗАТЕЛЬ

- торговля 57–58
- частная собственность 210

Габсбургская монархия 230

Гармония интересов 304

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 78, 112

Гейзенберг, Вернер 374

Германия

- внешняя политика 200–202
- государство 78, 112–113
- демократия 87
- империализм 229
- либерализм 354–356, 360–361
- образование 216
- партия центра 327
- рейхстаг 361
- торговая политика 251–252
- чиновники 81
- эмиграция 251

Гёте, Иоганн Вольфганг 36, 41, 284, 201, 355

Гильдии 414

Гитлер, Адольф 89

Гобхаус, Леонард Трелони 356

Гогенцоллерны 133

Госсен, Герман Генрих 355

Государственное управление 186–187

Государство (правительство)

- анархистское 75–77
- антиобщественное поведение 111–115
- аппарат принуждения 393, 429–433
- благосостояния 439
- бюрократическое 183–198

Людвиг фон Мизес. **ПРИЛОЖЕНИЕ**

- всемогущее 398, 411
- государство (state) 73–80
- гражданское 378–379
- границы 199–203, 223, 268
- демократическое 80 сл.
- деспотическое 222
- диктаторское 125, 222–223
- задача 102 сл.
- империалистическое 228–235
- интервенционизм 122, 144–162, 336–337
- колониальная политика 235–243
- монополии 172–185
- националистическое 201–202, 256, 267–268
- образование 215–217
- ограничения 102–108, 394–395, 431, 440
- парламентаризм 312–320
- правило большинства и меньшинства 87–89, 215, 310–311
- престиж 81
- принадлежность к 81
- сила 86–93
- собственность 129–135, 410
- тотальное 431
- фашистское 93–102
- функция 220
- цены 147–148, 179–180
- Гражданские права 59, 61, 414, 419, 431
- Границы государства 199–203
- Грациадеи, Антонио 402
- Греция Древняя 82, 397
- Групповые интересы 383

УКАЗАТЕЛЬ

Группы особых интересов 293–294, 303–307, 312, 321–328,
332–333

Гумбольдт, Вильгельм фон 16, 59, 355

Дарвин, Чарльз 391

Дарвинизм 107

Декарт, Рене 371, 376

Демократия 80–86, 88, 360, 419

Джевонс, Уильям Стенли 375

Диктатура 125, 223

Доктринерство либералов 285–289

Доктрины

- конфликт 377, 382–385, 387

- опыт 372–377

- политические проблемы 377–388

- пропаганда 385

- разрушительные 371–372, 389

- социальная роль 370–372

- целесообразность 389–390

- эзотерические 390–392

Достоевский, Ф. М. 282

Доходы (неравенство) 65–69, 407

Евгеника 423

Европа 58–58, 212, 233–234, 265–279, 328, 379

Железные дороги 212

Жертва 25, 72

Жид, Шарль 357

Закон, законы

- иммиграционные 258–259

- либерализм 61, 224
- международное право 275
- нравственный 73, 390
- о минимальной заработной плате 152, 156, 161
- парламентский 312 сл.
- писанный 225
- равенство перед 60–61, 395
- свободной страны 406
- Заработная плата фиксированная 149, 152, 156, 161
- Земля 42–43
- Зомбарт, Вернер 384
- Идеология 359, 361
- Иммиграция 155, 255–264
- Империализм 228–235
- Индивидуализм 439
- Индивидуальность 370
- Интервенционизм 122, 144–162, 336–337
- Историзм 374
- Италия, фашистская 96
- Кант, Иммануил 59
- Капитализм
  - будущее 343 сл.
  - доходы (неравенство) 65–69, 118
  - индивидуализм 439
  - либерализм 28–34, 335–342
  - организация общества 163–171
  - потребление 29–30, 67–69, 415–416
  - расчет экономический 136–138, 184–185, 339
  - рыночная экономика 147–148, 173, 188, 406–407, 416–416, 436, 436

УКАЗАТЕЛЬ

- свобода 394–395, 408
- смена элит 436
- сотрудничество 116
- тариф таможенный 212
- эмиграция 231–233
- Картели 172–181
- Кастовое общество 290–292, 438
- Католицизм 391
- Кеннан, Эдвин 435
- Классовые привилегии 61, 300–304
- Кобден, Ричард 59
- Колониальная политика 235–243
- Коммунизм 94, 121. *См. тж* Россия; Социализм
- Конгресс, представляющий особые интересы 312–320
- Континентальная система 57
- Конфликт
  - общественный 383–385
  - политический 387
- Коридора проблема 213–214
- Корпорации 434–435
- Кьеркегор, Серен 420
- Лавуазье, Антуан 382
- Ласки, Гарольд 403
- Лассаль, Фердинанд 78, 133, 354, 362, 432
- Ленин, В. И. 46, 89, 92, 282, 404, 421–422
- Либерализм
  - анархизм 77
  - английский 12, 356–357
  - антиобщественное поведение 111–115
  - будущее 343–352
  - введение 12–41

- веротерпимость 108–111
- внешняя политика 199–284
- внутренняя политика 199–200
- государство и правительство 73–80, 395
- демократия 80–86
- доктрина 285–290, 395
- закон 61, 224
- идеология 359
- империализм 229
- капитализм 28–34, 335–342
- картели и монополии 172–181
- литература 353–356
- материализм 16–19
- мир 52–58
- немецкий 354–356, 360–361
- образование 215–216
- ограниченное государство 102–108, 200, 224, 268, 394–395, 431, 440
- оппоненты 14, 34 сл., 168, 304–305, 328
- определение 44–45
- оптимизм 168
- особые интересы 302–303, 321–328
- партия капитала 335–342
- политические партии 385–342
- равенство 59–65
- рационализм 19–22
- свобода 46–51
- свободная торговля 248
- социализм 79–80, 323
- термин 358–362
- упадок 286
- фашизм 91–101

УКАЗАТЕЛЬ

- философия 396–397
- цель 23–28
- частная собственность 44–45, 71–73
- экономическая политика 58, 116–198
- этика 71–73

Либеральная политика 42–115, 285–286

Лига Наций 242, 274–279

Людендорф, Эрих 89

Манчестеризм 359

Маркс, Карл 41, 165, 300–301, 325–327, 337–338, 354, 404, 419

Марксизм 38–40, 298–299, 327, 335–336, 369, 385, 402, 438

Материализм 16–19, 165–166, 266, 344, 367

Международное товарищество рабочих 404

Международные экономические отношения 58

Менгер, Карл 354–355, 382

Миграция 231, 246, 260–262

Мизес, Людвиг фон 357–358

Милитаризм 59, 269–279; *см. тж.* Война

Милль, Джон Стюарт 353–354

Мир 45, 52–58, 200, 209–211, 229

Мистицизм 22, 112

Монополии 172–185

Наркотики 74

Насилие 393

Наука 370, 376, 380

Национализм 201, 222–228, 256, 268–269, 361, 379

Невроз 34

Неолиберализм 59

Неравенство, интеллектуальное 390

Ницше, Фридрих Вильгельм 112

Новый курс 377

Нравственность 71–72, 104–107

Образование 215–218, 398

Общественное мнение 383, 392

Общественные науки 376

Однопартийности принцип 422

Олигархия 397, 412

Организация общества 21, 71, 80, 116, 120–121, 163–172,
274–275, 282, 322

Панамериканский союз 271

Парламентаризм 312–320

Партии особых интересов 321–328

Партийная пропаганда и партийная организация 328–334

Партия капитала 335–342

Передвижения, свобода 254–265

Платон 376

Поведение

– мысль и 365, 369

– теории 367, 377

– управляющие идеи 217, 227

Позитивизм 374

Политические партии 12, 285–342, 350, 423

Польша 205, 209, 227, 263

Потребление 29–30, 67–69

Потребление массовое 415–416

Праксиология 377

Предпринимательство 32–33, 183–184, 339–340.

См. тж Капитализм

Прибыль и убыток 184

Природа 43

УКАЗАТЕЛЬ

- Проблемы исторического исследования 366, 370, 378,
387–388
- Проедание капитала 334
- Производство 142, 172–173, 246
- докапиталистическое 413–414, 441
  - массовое 415–416
- Промышленная революция 417
- Пропаганда 30–32, 297–298, 328–334, 339–340
- Просвещения эпоха 7, 59, 329, 396
- Протекционизм 173, 210, 213, 244–245, 247, 252–254, 256,
259–260, 267, 272–273
- Профессиональные классы 331–333, 426
- Профсоюзы 157, 256, 421
- Процветание 13
- Пруссия 133, 202, 397, 403–404
- Псевдодемократическая теория государства 82
- Псевдолибералы 358–359
- Психоанализ 391
- Психология 34–41
- Рабство 47
- Распределение 121–122, 125
- Расчет экономический 136–138, 184–185, 339
- Рационализм 19–22, 34
- Рейхстаг 361
- Рикардо, Давид 16, 247, 249, 299–300, 382
- Рист, Шарль 357
- Роскошь 67
- Россия
- большевики 88, 91–93, 96–97, 100, 280–283, 336
  - коммунистическая 97
  - марксизм 38–39, 298, 335–336

- милитаристская 279–284
- опыт СССР 384
- Руссо, Жан-Жак 428
- Рыночная экономика 147–148, 173, 188, 406–407, 416, 436.
  - См. тж* Капитализм
- Рыночный процесс 416–417
- Самоопределение 204–209
- Свобода. *См. тж* Капитализм; Либерализм
  - борьба за 45–51, 247, 393
  - Запад и Восток 394, 409–411
  - конституционное понятие 405
  - корпорации 434
  - общественные отношения 428
  - право выбора 424, 428
- Свободная торговля 244–253, 382
- Семантическая революция 402–403. 424–425
- Силы доктрина 86–93
- Синдикализм 119
- Смит, Адам 16
- Собственность
  - антилиберализм 402–403
  - в интеллектуальной сфере 419–420
  - война 210
  - государство 129–135, 410
  - защитники 359–360
  - критики 122–129
  - либеральная политика 42–45
  - общественная 44, 141–143, 183
  - распределение 121–122, 125
  - сохранение 65

УКАЗАТЕЛЬ

- социалистическая 36
- частная 71сл., 116 сл., 122–129, 143, 163, 373, 382, 416, 420, 437, 440
- этика 71–73
- Соединенные Штаты Европы 265–273
- Солидарность интересов 305
- Сословное общество 290, 438
- Сотрудничество
  - законы 41
  - международное 267–268
  - мирное 77, 108–109, 200, 299,
  - общественное, в условиях разделения труда 44, 67, 72, 76, 163, 185–186, 267, 380, 383, 406–408, 431
- Социал-демократы 87, 94, 361–362
- Социализм
  - группы особых интересов 321–323
  - интеллектуалы 398, 426
  - либерализм 79–80, 323
  - научный 39
  - неосуществимость 135–144, 408
  - определение 44
  - опыт СССР 400–402
  - организация общества 399
  - проблемы 143–144
  - равенство 61–62
  - распределение 125
  - свобода 432–433
  - фашизм 99–100
  - частная собственность 336
- Социальная политика 439
- Социальный отбор 407

Специализация 58, 173

Среда, среды

– доктрины 379

– теория 367

– условия 367

Средние века 28, 62, 164–165, 345, 348,

Стационарная экономика 348

Суверенитет

– потребителя 415–421, 435

– экономический 427

Суд 395

Сухой закон 102

Тарифы протекционистские 120, 244–245, 267, 308–308

Тацит, Публий Корнелий 411

Теория общей среды 367

Технология 119, 137, 141, 369

Толстой, Л. Н. 282

Торговая политика 251–252

Торговля 57–58, 155–157, 210–212, 240, 244–254

Третий Интернационал 94

Троцкий, Л. Д. 40, 89, 92,

Труд

– безработица 158–159

– бюрократический 182–183

– война и мир 54–57

– заработная плата, фиксирование 152, 156–157, 159–161

– миграция 231, 246, 260–262

– сотрудничество 45

– производство 142, 172–173, 246

– профсоюзы 157, 256, 421

УКАЗАТЕЛЬ

– разделение 44–45, 55–57,

– специализация 58, 173

Тэн, Ипполит 367

Уровень жизни 13–14, 29, 345–346, 380, 417–418, 427, 438

Утилитаризм 390

Учет издержек 184 сл.

Факты

– интерпретация 373, 376

– общественные науки и 221

– социальные 372–378

Фашизм 93–102, 400

Фома Аквинский 376

Франция 202, 216, 377

Фрейд, Зигмунд 35, 37, 391, 420

Фурье, комплекс 34–38

Хирст, Франсис 357

Холландер, Джейкоб 356

Цены 147–148, 179–180

Цивилизация 15, 42, 55, 96–98, 101, 117, 122, 167, 203, 231,
235–236, 264, 280, 343–344, 373, 389, 393, 396, 435, 439

Шеллинг, Фридрих Вильгельм 112

Шиллер, Иоганн 69, 355

Шовинизм 269

Шопенгауэр, Артур 420

Экономическая политика 58, 116–198, 274, 348

Людвиг фон Мизес. **ПРИЛОЖЕНИЕ**

- Экономическая теория 378, 381
Экспериментальный метод 372–373, 381
Эльзас 214
Эмиграция 251
Эмпиризм 374
Энгельс, Фридрих 354, 404, 420, 423
Эпистемология 381
Этика и частная собственность 71–73
- Юм, Давид 16, 382
- Sozialpolitik 9

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ	7
---	----------

ВВЕДЕНИЕ	12
1. ЛИБЕРАЛИЗМ	12
2. МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ	16
3. РАЦИОНАЛИЗМ	19
4. ЦЕЛЬ ЛИБЕРАЛИЗМА	23
5. ЛИБЕРАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ	28
6. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ АНТИЛИБЕРАЛИЗМА ..	34

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	42
1. СОБСТВЕННОСТЬ	42
2. СВОБОДА	46
3. МИР	52
4. РАВЕНСТВО	59
5. НЕРАВЕНСТВО БОГАТСТВА И ДОХОДОВ.....	65
6. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЭТИКА	71
7. ГОСУДАРСТВО И ПРАВИТЕЛЬСТВО.....	73
8. ДЕМОКРАТИЯ	80
9. КРИТИКА ДОКТРИНЫ СИЛЫ	86
10. АРГУМЕНТЫ ФАШИЗМА	93
11. ГРАНИЦЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ..	102
12. ВЕРОТЕРПИМОСТЬ.....	108
13. ГОСУДАРСТВО И АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ	111

ГЛАВА 2. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ	
ПОЛИТИКА	116
1. Организация экономики	116
2. Частная собственность и ее критики.....	122
3. Частная собственность и государство	129
4. Неосуществимость социализма.....	135
5. Интервенционизм	144
6. Капитализм: единственно возможная система организации общества	163
7. Картели, монополии и либерализм	172
8. Бюрократизация	182
ГЛАВА 3. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	199
1. Границы государства.....	199
2. Право на самоопределение	204
3. Политические основы мира	209
4. Национализм.....	222
5. Империализм	228
6. Колониальная политика.....	235
7. Свободная торговля	244
8. Свобода передвижения	254
9. Соединенные Штаты Европы	265
10. Лига Наций.....	274
11. Россия	279
ГЛАВА 4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ...	285
1. «Доктринерство» либералов.....	285
2. Политические партии.....	290
3. Кризис парламентаризма и идея конгресса, представляющего особые интересы.....	312

4. ЛИБЕРАЛИЗМ И ПАРТИИ ОСОБЫХ ИНТЕРЕСОВ ..	321
5. ПАРТИЙНАЯ ПРОПАГАНДА И ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	328
6. ЛИБЕРАЛИЗМ КАК «ПАРТИЯ КАПИТАЛА»	335
ГЛАВА 5. БУДУЩЕЕ ЛИБЕРАЛИЗМА	343
ПРИЛОЖЕНИЕ	353
1. ЛИТЕРАТУРА О ЛИБЕРАЛИЗМЕ	353
2. О ТЕРМИНЕ «ЛИБЕРАЛИЗМ»	358
ПРИЛОЖЕНИЕ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ИЗДАНИЮ ...	363
РОЛЬ ДОКТРИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ..	365
ИДЕЯ СВОБОДЫ РОДИЛАСЬ НА ЗАПАДЕ	393
СВОБОДА И СОБСТВЕННОСТЬ	412
КОММЕНТАРИИ	443
ГЛОССАРИЙ ИМЕН	467
УКАЗАТЕЛЬ	477

УДК 32.001

ББК 65.0

М57

Людвиг фон Мизес

ЛИБЕРАЛИЗМ

Международное издание

Корректор: И. Голубева

Художественное оформление, верстка: А. Демочкина

Дизайн переплета: В. Бабенко

Подписано в печать 01.06.2011.

Формат 84х108/32.

Бумага офсетная.

Гарнитура «OfficinaSerifBookC».

Усл. печ. л. 31.

000 Издательство «Социум»

e-mail: info@sotsium.ru ; (495) 330-51-98

WWW.SOTSIUM.RU

WWW.MISESLIBERALISM.RU

ISBN 978-5-91603-054-9 (рус.)

ISBN 978-5-91603-055-6 (нем.)

ISBN 978-5-91603-056-3 (англ.)

ISBN 978-5-91603-057-0 (исп.)